

АЛЕКС Д.
ЛАНА МЕЙЕР

ПОХИТИТЕЛЬ ДУШ

КНИГА ВТОРАЯ

Алекс Д
Похититель душ 2

«Алекс Д.»

2019

Д А.

Похититель душ 2 / А. Д — «Алекс Д.», 2019

Другой мир. Дворцовые интриги. Неразгаданные веками тайны. Она вернется – та, чьи прикосновения оставляет ожоги на его теле. Та, чьи поцелуи для него – гибель. Он – первородное зло, воин, темный жрец с негибимой волей, не прощающий предательств. Что скрывается за многовековой ненавистью? Как смотреть в глаза тому, кого любила больше жизни, до тех пор, пока он хладнокровно не убил тебя, вонзив кинжал в сердце? «В этом мире ты бессмертна. Пока я не решу иначе...»

Содержание

Пролог	7
Часть первая	10
Глава 1	10
Глава 2	25
Глава 3	40
Глава 4	51
Глава 5	58
Часть вторая	64
Глава 1	64
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Алекс Д., Лана Мейер

Похититель душ 2

Глоссарий:

- Иас – планета, на которой находятся Элиос и Креон.
Минтака – погибшая цивилизация.
Минты – представители древней цивилизации Минтака.
Элиос – обитаемый остров на благоприятной половине Иаса, образовавшийся после гибели Минтаки.
Креон – остров, покрытый вечными льдами.
Арьяна – древний храм минтов, разрушенный во время Черной Жатвы.
Ори – светлое божество, создатель Минтаки, покровитель Элиоса.
Элейн – богиня Луны, любви, плодородия и равновесия, спутница Ори.
Сах – темное божество, покровитель Креона.
Совет Семи Правителей – избранные посланники Ори, правившие Минтакой до крушения. Погибли в ходе Черной Жатвы, но оставили после себя дочерей и сыновей.
Рия – жрица Ори, ими могут быть только потомки Семи Правителей.
Жрецы (темные, светлые) – посланники Богов, излучающие силу и энергию того, кому они служат.
Аспис Элиоса – легендарное оружие, созданное богом Ори.
Стрелы (молнии) Креона – легендарное оружие Саха.
Зеркала Креона – семь порталов в параллельные миры.
Черная жатва – глобальная катастрофа, уничтожившая Минтаку.
Хранитель Врат – темный жрец или маг, избранный Сахом.
Плезир – заведение, где обучают доставлять удовольствие мужчинам.
Аманта – фаворитка.
Харим – гарем.
Одала – рабыня.
Амид – хозяин.
Дагон – древняя рептилия. Змеевидное существо.
Оран – крупное животное, обитающее в Креоне и обладающее невероятной силой. Укус Орана смертелен.
Ромул – крупное животное, прототип – мамонт.
Феникс – птица-покровитель богини Луны.
Белый Арабу – вестник Оракула.
Оракул Оминус – божественное древнее существо, провидец.
Нейтральные Земли – место обитания Оминуса.
Пересечения – семь секторов Элиоса, являющиеся самостоятельными территориальными единицами.
Главы Пересечений – маги или жрецы, назначенные Правителем.
Правитель Элиоса – последний потомок Избранных Ори Правителей Минтаки.
Одилирия – одержимость.
Obsena! (*прим. минтакийский язык – с*ка, дрянь)
Белые слезы Ори – снег.
Амадея – госпожа.
Семимирье – семь планет, на которые можно попасть через Врата Креона.

Риادا – главный храм для служения Саху в Креоне.

Ариды – рии Ори, принесенные в жертву Саху и перемещенные в Креон через седьмой портал Врат. В Креоне являются служительницами Саха.

Орус – редкий реликтовый кристалл, добываемый в Креоне. Обладает магическими свойствами.

Алад – система органов по охране порядка Семимирья и его границ. Осуществляет широкий спектр функций. Включает в себя отряд надзирателей, исполняющий контролирующую функцию. Был создан еще во время зарождения Семи Миров, и о его существовании знает только правящая элита планет.

Аладин – представитель Алада.

Эриус – планета Семимирья.

Нестида – планета Семимирья.

Гамус – планета Семимирья.

Аями – духи-наблюдатели. Прототип – ангелы-хранители.

Син – демоноподобное существо Креона, питающееся энергией.

Мара – растение, обладающее дурманящими свойствами.

Ассы – гориллоподобные существа, живущие в Элиосе.

Пролог

Рия бежала, не разбирая дороги, спотыкалась и падала на холодный снег, разбивая колени в кровь, но, рыча от отчаяния, сцепив зубы, вставала и бежала дальше, поддерживая руками выпирающий живот. Инстинкт выживания включился в тот момент, когда физические способности были на исходе, и именно он придавал ей силы двигаться дальше. Один снежный бархан за другим, и только насмешливая белая луна равнодушно следила за попытками рии убежать от своей судьбы, такая же холодная, как и мир, который она освещала серебристым сиянием. Снежная пыль слепила глаза, забираясь в дыхательные пути, вызывая надрывный кашель. Ничто не спасет ее. Ледяное дыхание за спиной становилось все ощутимее с каждым шагом, с каждым хриплым вздохом, обжигающим легкие. Рия упорно бежала вперед, ее голые ступни онемели от холода, иначе бы она чувствовала боль от ран, оставляющих кровавые следы на белоснежном покрывале безжизненной, покрытой льдами пустыни. Можно ли обогнать собственную смерть? А ее смерть – вопрос времени, но она должна успеть, должна сохранить то единственное, что у нее осталось. И пока сознание еще не покинуло ее, рия пыталась ухватиться за спасительную мысль, которая и являлась смыслом происходящего и единственным ориентиром. Она не знала, куда направляется, но понимала, что не имеет права остановиться ни на мгновение. Даже короткая передышка может стоить жизни... Платье, или то, что от него осталось, рваными лоскутами едва прикрывало озябшее, скованное болью тело, ставшее неуклюжим и непослушным. Покрывшиеся инеем волосы хлестали по плечам, прилипали к приоткрытым в отчаянном крике губам. Рия не слышала собственного голоса. Все звуки перекрывал вой бушующей стихии. Черные неподвижные скалы, своими вершинами подпирающие безжалостные небеса, медленно надвигались со всех сторон. Пронизывающий ветер бил в лицо, впиваясь в кожу ледяными иглами. Скатившись кубарем с очередного снежного наката, рия задыхнулась, почувствовав, что почти полностью погрузилась в снег, который проник в глаза, нос, забился в рот, перекрывая доступ кислорода.

И в какой-то момент звуки стихли, оставив ее наедине с собой, подарив мгновение тишины и покоя. Она почувствовала, как онемевшее от холода тело наполняется легкостью и теплотой, потянулась к этому источнику, пытаясь согреться, найти забвение. Рия слишком долго сражалась, она устала, не осталось сил, слезы в глазах застыли, превратившись в ледяные кристаллы. Она попыталась пошевелиться, но ничего не почувствовала. Неужели это конец? А как же боль и ужас? А чувство вины и долга? Страх? Неужели это все? И она почти сдалась, почти позволила душе выпорхнуть из неподвижного тела, когда вдруг внутри нее шевельнулась жизнь. Едва ощутимый толчок, который активировал внутренние возможности организма, и рия открыла глаза. Негнущимися покрасневшими пальцами она начала прочищать дорогу из снежного плена, пока снова не ощутила на лице колющее дыхание ветра. Хватая холодный воздух рваными глотками, рия встала сначала на колени, а потом в полный рост. Ее шатало от слабости. Команды мозга «бежать, не останавливаться» ее тело больше не воспринимало, и она шла, едва переступая ноги, утопающие по колено в снегу, опустив плечи и прикрывая живот руками. Никто бы не выжил в этом месте, ни один из живущих в Элиосе. И если бы рия не знала, что у нее внутри, то удивилась бы, как не замерзла еще в самом начале пути.

Рыдания время от времени срывались с губ, напоминая о том, что она еще существует. Рия молилась сразу всем Богам, не считая это святотатством. Она просила пощады не для себя. Ее молитвы имели совсем иное предназначение. Но Боги молчали, забыв о ней. Вой метели и свист ветра были ей единственным ответом, но она и не ждала другого. Боги всегда отворачиваются от нас, когда мы перестаем соответствовать ожиданиям и следовать их приказам.

Пространство словно расширилось, а мрачные чернеющие вдалеке горы, которые прежде, казалось, надвигались на нее, теперь неумолимо удалялись. Рия упорно шла вперед,

и каждый шаг давался ей с огромным трудом, но создавалось впечатление, что она двигается назад. Внутри нее пульсировала жизнь, и это единственное, что заставляло идти дальше, направляло и показывало путь. Время приняло причудливые формы, и рия уже плохо соотносила, где настоящее, а где прошлое. Она забыла, куда идет, и от кого скрывается. Ее преследовали воспоминания или грезы, рассеянный туман из сменяющихся образов, разорванные лоскутки прошлых жизней. Иногда она закрывала глаза и шла вслепую, пытаясь вырваться из калейдоскопа сбивающих с пути видений. Порой ей казалось, что она слышит чей-то смех или скрежет, а, может, виной слуховым галлюцинациям были причудливые стоны снежной пурги, поднимающей вокруг рии белый туман.

Резкая режущая боль внизу живота заставила ее закричать и согнула пополам. Отдышавшись, рия дождалась, пока приступ закончится, и медленно выпрямилась. Она обхватила себя руками и, открыв глаза, осмотрелась по сторонам. Ей нужно укрытие. Прямо сейчас. Медлить нельзя. Она не сможет далеко уйти. Не успеет. Времени почти не осталось. Ребенок вот-вот родится. Она прислушалась к пульсирующей жизни внутри себя, ощущая бесконечную любовь. Стремление спасти ребенка любой ценой – вот, что сохраняло ее рассудок до сих пор, не позволяло сдаться. Прояснившееся сознание зацепилось за мигающий огонек впереди. Свечение исходило прямо из скалы, которой еще мгновение назад тут не было. Или она шла слишком долго, потеряв счет времени? Или сейчас перед ней очередной обман зрения, мираж в ледяной пустыне?

Сердце в груди учащенно забило, разгоняя кровь по замёрзшим конечностям. Рия ускорила шаг, двигаясь на мерцающий источник света. И чем ближе он становился, тем сильнее в ней росла уверенность в его реальности. Но и болезненные приступы тоже усиливались, принося невыносимые страдания. Рыча, как раненное животное, рия нетвердой походкой продвигалась к цели, не позволяя себе останавливаться, чтобы перевести дух после очередного спазма дикой разрывающей боли. Постепенно ее затуманенный взгляд рассмотрел очертания небольшой пещеры и именно там, внутри, горел спасительный огонь. Тепло, которое позволит выжить ее ребенку, когда он родится, согреет его – слабого и беззащитного. И даже если инстинкт выживания заложен в него изначально и дарован по праву рождения, она не хотела рисковать. Каким бы особенным не был ее ребенок, в этом мире его никто не ждет, и никто не согреет, кроме матери.

Она не дошла всего несколько шагов. Упала на колени, запнувшись за скальный выступ, застонав от боли. Обессиленно завалилась на бок, обнимая руками живот, защищая дитя внутри себя. Рия отчаянно зарыдала, умоляя его подождать еще немного, но дикая боль выгнула ее тело, заставив заорать в голос, так, что даже ветер и вой пурги не смогли перекрыть вопль охваченной агонией женщины. Она знала, что не переживет роды. Ее тело, ослабленное долгим бегством по ледяной пустыне, не справится с новым шоком. Но рия продолжала умолять богов спасти жизнь ее малыша, и дать ей возможность хотя бы раз увидеть его лицо. Но Боги Элиоса, как и боги Креона немилосердны к просьбам даже своих любимых дочерей. Слезы заструились из-под заледеневших ресниц, толчки сердца замедлились. Она дала ему имя. Своему ребенку. Своему сыну, которому уготована особенная судьба. Только от него зависит, чем закончится война тьмы и света. Лед и пламя. Начало и конец всего. Исход. И сейчас рия шептала его имя, в надежде, что он сможет услышать ее голос. Запомнить его...

Сознание медленно уплывало, как бы она ни пыталась удержаться на краю раскачивающейся реальности. Рия кричала, изгибаясь от невыносимой боли, царапая ледяную корку под собой, стирая ногти до крови. То, что казалось небольшим огоньком в центре пещеры вспыхнуло ярким пламенем, и рия на мгновение перестала страдать от боли и зажмурилась, чувствуя жар на своем лице. А когда открыла глаза, то увидела высокого мужчину, склонившегося над ней. Его лицо скрывал капюшон, но широкие плечи выдавали в нем могучего воина. Он поднял ее на руки так, словно она ничего не весила, и понес внутрь, к спасительному теплу. Ужас

охватил рию, и из последних сил она начала молотить по груди молчаливого мужчину в черном плаще.

– Нет... – отчаянно застонала рия, едва шевеля искусанными в кровь губами. Сильные руки опустили ее на что-то мягкое, и это было последним ощущением, которое она почувствовала, прежде чем провалиться в черную пропасть небытия.

Он не заберет тебя. Я не позволю...

Часть первая

«Добро и зло враждуют – мир в огне. А что же небо? Небо – в стороне. Проклятия и радостные гимны Не долетают к синей вышине».
Омар Хайям

Глава 1

Кэлон

Мне не было страшно. Физическая гибель для черного жреца ничтожна – это всего лишь переход в другой, более тонкий мир, утрата связи с материальной реальностью. Дух, дарованный дыханием Саха бессмертен, и накопленной тысячелетия энергии оказалось достаточно, чтобы сохранить целостность и память моего сознания. Еще находясь в утробе матери, я обладал разумом и понимал свое предназначение. Вкус крови взамен материнского молока и промозглый холод ледяного острова – вот, что я испытал, ворвавшись в мир умирающей цивилизации. Разрушенная Черной Жатвой, Минтака, руины городов и храмов, минты, потерявшие веру, и восставший из пепла Элиос – все это я увидел уже достигнув зрелого возраста. Мне предстояло стать Создателем, и я почти достиг своей цели. Я был близок к завершению миссии, но попался в хитросплетенные сети Богов. Когда я осознал, что произошло, было уже слишком поздно. Процесс разрушения был запущен, и мне пришлось сделать выбор... Единственный, который принимало мое черное сердце. Возможно, Ори и Элейн считают, что я проиграл битву, чувствуя себя единственными победителями, но даже заполненная тьмой душа жреца имеет право на последнее желание. Да, я проиграл войну, которую вел от имени своего Бога, но выиграл в сражении... за душу.

Мое детство прошло в Креоне под покровительством Радона, черного жреца, которого я считал своим отцом. Хранитель врат Креона – он передал мне свой дар, научил слушать и толковать волю Саха, следовать своему пути. Я никогда не допускал сомнения в своей вере, неумолимо продвигаясь к конечной цели, и четко осознавая свою звериную сущность. И вот, рожденный во льдах, я покидал этот мир в огне. Она все-таки сожгла меня... Не своими руками, нет. И сейчас я прощаю ее. Непокорная огненная жрица, много веков назад оставившая незаживающий ожог на моем сердце. И даже в этот момент она бросила меня, сбежала, не найдя в себе смелости последний раз посмотреть мне в глаза и признать горькую правду. Но ей не скрыться от самой себя, не спрятаться...

Мандиса... Если Сах даст мне шанс на еще одну жизнь. Я вернусь за тобой. Я найду тебя в любом из миров и заставлю узнать, если ты забудешь. Даю я клятвы, которые возможно, никогда не смогу исполнить, но они придают мне сил выдержать все испытания до конца.

Ты бессмертна, если я не решу иначе. А, значит, мы еще встретимся.

И я не почувствовал боли, потеряв связь с телом, как только первый удар хлыста с шипами орана рассек мою кожу. Я сделал для себя то же самое, что и для многих других, как и я сейчас, стоявших на погосте, приговоренных к казни. Хлыст никогда не дрожал в моей твердой смертоносной руке, когда я наносил один удар за другим, сдирая кожу с растерзанных тел своих жертв. Я помню их пустые глаза и улыбающиеся губы. Они знали, что за чертой смерти, их ждет новое начало. И, возможно, им снова предстоит встретиться со мной лицом к лицу в тех же самых обстоятельствах. И такое действительно случалось, но они узнавали меня только в момент последней вспышки агонии, когда сознание расширялось и обретало видение виде-

ные прошлых жизней, получало доступ к утраченным воспоминаниям, стертым мучительной смертью. Я лишен подобной возможности. Черные маги не возвращаются в материальный мир. Они становятся частью своего Бога, одаря своей силой, сливаясь с ним в единое целое.

На короткий миг, я захотел напоследок испытать телесные страдания своего тела, насладиться последними осязаемыми ощущениями, прочувствовать всю агонию физической смерти, но вовремя остановился. Время экспериментов и игр с этим миром подходило к концу. Я слышал радостный клич торжествующих минтов, наблюдающих за казнью, свист хлыста, рассекающего воздух, и оставляющего рваные раны на моем теле, ощущал запах горелой кожи, и он не вызвал у меня отвращения, а казался естественным, незначительным...

Нет, не мгновенно убивающий, и приносящий мучительные страдания магам и жрецам яд орана, лишил меня чувствительности. Это сделал я сам, выключив болевые рецепторы и покинув телесную оболочку. Я знал, что то, что не сделают смертоносные шипы, завершит пламя, огненными языками продвигающееся с ног на другие части тела. Объятия тьмы, бесконечные, пронизанные истинным первородным злом, ожидали мой дух, как только окровавленное, пожираемое огнем тело испустит последний вздох. Мое сердце еще билось. Я не чувствовал, но слышал затихающие неровные удары, и меня охватывало умиротворение и покой.

Ненависть, ревность, война, любовь, гнев, жажда мести – все стирается перед лицом вечности. Я ждал, когда приближающаяся, пульсирующая вязкая тьма поглотит меня, заставив раствориться в ней, подарит забвение. Я слышал сотни, тысячи голосов, которые взрывали мое сознание. Они кричали, обличали, молили, открывали истину...

«Это твоя судьба. Ты и сам знаешь. Не пытайся исправить то, что предначертано».

Зов темного Бога перекрывал остальные голоса, но я не пытался спорить с ним и задавать вопросы, потерявшие сейчас всякое значение.

«Мне нужны их души, их воля, Кэлон.»

И ты получил их всех Великий Сах. Я исполнил твою волю. Всех, кроме одной.

«Ты обманул меня, Кэлон. Ты спрятал ее от меня». «Рожден, чтобы служить...»

А теперь я умираю, Сах. Я больше не служу ни одному из Богов, – мысленно отвечаю я.

Мне казалось, что небо еще никогда не было таким светлым и чистым, лиловая дымка прозрачных облаков рассеивалась, уносимая теплым ветром, и я испытывал странное, необъяснимое блаженство и невесомость, словно меня коснулось одеяние Элейн, как тогда, в зале с Зеркалами Креона, когда она пришла, чтобы защитить свою огненную жрицу. Никогда еще я не видел ее лицо так ясно, как сейчас, мерцающие глаза смотрели на меня с неуловимым выражением скорби.

«Разве ты не должна радоваться, Элейн? Твоя рия жива. Я сохранил ее невредимой, она исполнит ваше пророчество и спасет Элиос, который я долгие тысячелетия готовил для себя. Ты победила, Элейн. Победила черного жреца, посланника Саха».

«Глупец, я проиграла. Вы проиграли. Снова...». Тихо прошелестел ее мелодичный тонкий голос, переливающийся сотнями оттенков. Свет, из которого был соткан сияющий лик богини, рассеялся, прежде чем я смог понять, что означают ее слова, и я ощутил, как неуловимая сила стремительно понесла меня вниз, возвращая в изуродованное, охваченное пламенем тело. Я все еще чувствовал на себе излучающий безграничную благодать взгляд Богини, и боль не коснулась меня, не вонзилась острыми когтями, как только вся тяжесть мироздания легла мне на плечи. Я открыл опаленные веки, и сквозь черный едкий дым увидел, как разверзается земля, являя мне огромное извивающееся длинное тело дагона. Те твари, что я видел в землях Оминуса, показались детенышами на фоне этого гиганта. Красные глаза с вытянутыми черными зрачками впилась в меня и начали неумолимо приближаться. Парализованный ужасом, вызванным немигающим жутким взглядом, я наблюдал, как мерзкая рептилия настигает меня, складываясь толстыми кольцами, покрытыми блестящей серебристой чешуей. Омерзительная

вонь ворвалась в ноздри, перекрыв запах горящего тела и запекшейся в огне крови, когда тварь открыла свою огромную пасть и резко двинулась на меня...

«Помни меня, Кэлон... Кэлон...» — пронзил сознание едва различимый мучительный стон, подаривший мне короткое ощущение неясной тревоги.

Почему ты зовешь меня? Кто ты? – последняя мысль промелькнула в голове, и я ощутил, как погружаюсь в черную бездну, наполненную ядовитым запахом серы.

Нуриэль

Я смотрю в чернеющее небо, на котором одно за другим вспыхивают переливающиеся холодными оттенками светила. Очертания вращающихся планет становятся четче, цвета – ярче и насыщенней. В Элиос снова пришло время Белой Луны. Холодные длинные ночи и короткие дни. Стоя на балконе своего дворца и подняв голову к небесам, я почти не чувствую холода. Да и что значат неприятные телесные ощущения, если в агонии прибывает душа. Много месяцев, ночь за ночью, я выхожу на балкон, чтобы задать вопрос Богам... и иногда, иногда они дают мне ответы – в качестве воспоминаний, которые однажды стерлись из моего сознания под магическим влиянием Кэлона.

Теперь я свободен. Но и разбит...

В тот момент, когда земля разверзлась, и огромный Дагон поглотил тело Кэлона Креноского, я ощутил, как черная мгла внутри меня начала рассеиваться вместе с угасающими чарами убитого жреца. Но освобождение от магии не даровало мне облегчения. Оно обернулось болью: дикой, раздирающей на части, сравниться с которой может только медленная и мучительная смерть. Моя оголенная душа увидела то, что творила в течение тысячелетий, управляемая чистым злом, и ужаснулась. Я заглянул в глаза всем, кто однажды погиб от моей руки, услышал их душераздирающие крики и почувствовал на себе каждую судорогу предсмертной агонии. Я захлебывался кровью вместе с ними, умирая с каждым и каждой. Ужас охватывал меня под звуки погребальных обрядов и плача скорбящих родных, бесконечно звучащий монотонным ноктюрном в моей голове, он пронзал сознание раскаленной иглой совести и раскаянья. Алая пелена перед глазами опускалась, показывая мне неприглядные бесчинства и злодеяния, что я совершал. Убийства, насилие, бесчисленные жертвы Саху, осевшему в моей душе, и, требующему все новых и новых страданий.

Память возвращалась ко мне урывками, короткими эпизодами, разорванными картинками, которые я постепенно латал в единое целое. Окровавленное лоскутное покрывало моего прошлого, саван, в который однажды завернут мое грешное тело, чтобы придать огню. Во всем безумии, что я творил, одержимый чарами, было преступление, которому не могли послужить оправданием ни чёрная магия Кэлона, ни тьма Саха, поглотившая мою волю. Я нарушил клятву, однажды данную умирающей Актавии, забыв о ней, как и о многих других моментах, которые стер из моей памяти черный жрец.

Актавия была второй женой Эридана, моего отца, и когда она появилась, я был достаточно взрослым и самостоятельным, чтобы нуждаться в матери, но ей удалось занять определённое место в моем сердце. Я никогда не встречал женщину более преданную и любящую своего мужа. Когда в боях за новый мир погиб мой отец, Актавия сделала свой выбор, единственный, который посчитала приемлемым, – ушла за ним. Потомки Правителей после крушения Минтаки потеряли дар бессмертия. Нас можно убить, но мы по-прежнему можем жить тысячелетиями, излечиваться с помощью магов и лекарей от серьезных ранений. Если я приму решение отправиться в пристанище Ори, и если он согласится принять мою душу, то я смогу закончить свою жизнь в Элиосе по собственному усмотрению, в тот момент, когда буду готов, или, когда он призовет меня.

Актавия считала, что после гибели Эридана, возлюбленного супруга и моего отца, ее миссия в Элиосе выполнена. Она не нашла в себе сил жить дальше в одиночестве и довольствоваться лишь памятью о счастливых днях, проведенных вместе. Но было одно обстоятельство, которое не позволяло Актавии уйти с чистой совестью. Однажды она обещала своей сестре позаботиться о ее дочери. Во времена смуты, родители девочки были убиты, а ее саму Актавии чудом удалось найти и забрать в свой дом. Я никогда не спрашивал, что именно случилось с родителями Мандисы (смерть в те тяжелые времена была обыденным событием), но, когда девочка появилась во дворце, она напоминала маленького печального ангела, побывавшего в когтях смерти. Актавия считала свою миссию выполненной, но чувство ответственности не позволяло ей уйти в благословенные объятия Ори, не удостоверившись, что с ее племянницей ничего плохого не случится. И тогда Актавия призвала меня. Слабая и бледная, она почти не вставала с кровати. Я вернулся с очередного военного похода, окрыленный победой, полный сил, но увидев ее высушенное тоской по мужу хрупкое тело, едва угадываемое на огромной кровати, я почувствовал, как болезненно сжалось мое очерствевшее в битвах сердце.

– Подойди, и возьми мою руку, Нур, – тихим, но по-прежнему приятным и нежным голосом, попросила Актавия. И я сел на край кровати, сжав ее тонкие пальцы.

– Мы разбили повстанцев, которые убили Эридана. Мой отец отомщен. Храмы, которые безбожники настроили в честь Саха, уничтожены до основания, – горячо произношу я, желая ободрить мачеху. В те времена, Кэлон убивал приспешников Саха вместе со мной, если они нарушали отведённые им границы, но это была лишь вынужденная игра с его стороны. Кэлон доказывал свою преданность, и его военные успехи, и тонкое понимание техники боя, делали Креонского непобедимым во всех сражениях и победах, что мы одержали. Он убедил меня в том, что нет смысла уничтожать вторую веру, что последователи Саха и Ори могут жить в мире и согласии, заняв свои четко ограниченные территории. Именно тогда появились Пересечения, которые возглавили исключительно верующие и преданные последователи Ори, прямые потомки Семи Правителей и белые маги. Отец Мандисы был первой Главой Пятого Пересечения. После их гибели власть перешла в руки к Миноре. Но в те времена, она, как и Кэлон, представляла собой разумную умную женщину, способную удержать власть в целом Пересечении.

– Месть не вернет твоего отца и моего мужа, Нуриэль, – прошептала Актавия, горько улыбаясь. – Я скоро уйду, чтобы соединиться с Эриданом и никогда уже не расставаться с ним. Я позвала тебя, чтобы взять с тебя клятву.

– Клятву? – нахмурившись, спросил я, чувствуя лёгкое раздражение. Что возомнила о себе эта женщина? Но я тут же одернул себя, вспомнив сколько добра и любви дала Эридану и мне Актавия.

– Мандиса. Я обещала ее матери, что позабочусь о девочке. Она особенная, Нуриэль. – Мягкая улыбка тронула бледные губы женщины, она чуть крепче сжала мои пальцы, и я смущенно отвел глаза. В последние годы Мандиса сильно изменилась. Она стала красавицей, и я чувствовал, что растущая симпатия между нами взаимна. – Я вижу, как ты смотришь на нее, мой мальчик. Мандиса способна спасти тебя от того, что поселилось в твоём сердце. Изгони Кэлона из Элиоса и женись на Мандисе. Она сделает тебя счастливым.

– Я еще не думал о том, чтобы вязать себя узами брака, Актавия. Но если это та клятва, которую ты хочешь взять с меня, то я сделаю это. Я женюсь на Мандисе. И сделаю это с удовольствием.

– Ты не обязан жениться, Нуриэль. Это должен быть искренний выбор ваших сердец. Я прошу о другом. Поклянись, что защитишь ее от любого зла, и я уйду с миром. – Голубые глаза Актавии с надеждой и бесконечной мукой остановились на мне. – Дай мне обещание, что не позволишь никому и никогда причинить Мандисе боль. Что станешь ее верным защитником и опорой, братом или мужем. Надежным плечом, на которое она всегда сможет опереться.

– Актавия, – растерянно пробормотал я.

– Просто поверь мне, Нуриэль. Она одна способна спасти тебя. Но пока рядом с тобой находится Кэлон, Мандиса уязвима. Изгони его из Элиоса.

– Я не могу этого сделать. Он необходим мне, как непобедимый воин и стратег. Но я клянусь, что буду защищать Мандису от любого зла.

– Я верю тебе, Нуриэль. В твоей груди бьется храброе и доброе сердце. Сохрани его таким. Не позволяй тьме захватить тебя. – Ее прохладная ладонь коснулась моей щеки, и я ощутил спазм в горле. Ее взгляд стал рассеянным и туманным, словно она видела то, что принадлежит другому миру, тому, в который она направлялась. Прямо сейчас.

– Я клянусь, Актавия, – прошептал я, прижимая ее тонкие пальцы к своим губам. Она улыбнулась, и последний раз ее ресницы взметнулись вверх и застыли. Она ушла к тому, кто однажды овладел ее сердцем и душой.

Если бы кто-то полюбил меня так же сильно...

Покидая покои мачехи, я дал себе обещание, что однажды женюсь на Мандисе, и сделаю все, чтобы она полюбила меня, как Актавия моего отца.

Но, если бы я только мог знать, в какой ад превратятся наши жизни, и я сам приму в этом не последнее участие. Вместо того чтобы защитить Мандису, я стал тем, кто приговорил ее к смерти, кто собственноручно отдал ее Кэлону на растерзание. Мне нет оправдания. Эта ноша, как проклятие, как прожжённая дыра в сердце, как черная метка на моей душе всегда будет со мной, до последнего вздоха.

Тогда, влияние, темное разрушающее душу влияние Кэлона, не было так ощутимо, как впоследствии. Он испытывал меня властью, растил гордыню в мое душе и ощущение всемогущества, чтобы потом использовать их в своих целях. Он раскрывал мне все грани порока, и именно тогда во дворце появились первые одалы, рабыни для наших с ним удовольствий, а чуть позже мы начали приносить жертвы Саху, лишая жизни жриц Ори. Согласно его версии, одна из жриц Ори хранила в себе знания об утерянном Асписе, способном сокрушить континенты или накрыть как щитом берегаемые земли. У него было два основных действия: уничтожать и сохранять. Аспис Элиоса, легендарное оружие, дарованное Ори своим верным последователям, чтобы остановить приспешников Саха во время Черной жатвы, уничтожившей Минтаку. Мы приносили невинные души в жертву на алтаре Саха, но Аспис до сих пор не был найден. И я больше не уверен, что он существует, что не утерян безвозвратно.

Истина оказалась намного прозаичней. Кэлон питал свои силы бесчисленными жертвами. Светлая энергия рий Ори была для него излюбленным лакомством, а я просто был марионеткой в его хитросплетенной паутине обмана.

Процесс моего падения был постепенным, и я прошел его до самого конца, будучи уверенным, что именно я удерживаю контроль над черным жрецом, а он тем временем все сильнее укреплял свое влияние в моей душе. Он превратил меня в сосуд неконтролируемой жадности власти и похоти. Я забыл о клятве, данной Актавии, самому себе. И когда очередной жертвой стала Мандиса, я перестал быть самим собой, обратившись в чудовище, одержимое Сахом.

И сейчас пришло время платить по счетам. Я должен исполнить данную Актавии клятву. Я должен вернуть Мандису домой.

Мандиса

Мне не страшно умирать, я уже умирала.

И я до мельчайших деталей помню, как погибла от его рук. Мне не было больно, когда моя душа покинула прежнее тело. Я будто провалилась в сладкий, безмятежный сон, в котором прожила короткую земную жизнь, прежде, чем вернуться домой, в Элиос.

Уверена, я погибала и раньше. Мое тело превращалось в прах или гнивало в сырой земле. От того что Минты называют «храмом души», не раз оставались одни руины. Во вре-

мена семи Правителей существовала лишь естественная смерть, и никто не проливал слезы над телами усопших. Каждый из нас знал, «смерть – это только начало». Возрождение, но уже в другом мире. В каждом из нас, жила непоколебимая вера в Ори, и мы не сомневались в том, что именно он создал душу вечной, а тело наоборот, наделил свойством увядать, меняться, развиваться, разрушаться и возрождаться из пепла в новых мирах. Рождаться заново... новым, нетронутым, невинным.

С душой, несмотря на ее бессмертие, все куда сложнее – даже малейший рубец, шрам, оставленный на невидимом «теле», не исчезает бесследно, не исцеляется при возрождении.

Прошлые жизни оставляют неизгладимые следы на наших душах, и эти грязные пятна не отмыть, от них не избавиться. И в каждом новом воплощении всегда приходит этот момент... момент, когда невидимые раны дают о себе знать, «ноют» подобно заново сросшимся суставам, после серьезного перелома.

Со временем, грязные пятна души медленно разрастаются, превращая внутренний свет каждого из нас, в крошечную тьму, полнейший хаос, способный уничтожить даже вечный, даже самый сильный дух.

И я знаю, что нахожусь в шаге от этого хаоса. В шаге от бездны, которая с каждым днем затягивает меня, уничтожая ту, кем я была раньше. Выпивает до самого дна, забирая силы, бескрайнюю надежду и веру в спасение, которой я жила первые месяцы в Обители темной жрицы.

Сколько прошло времени? Два месяца? Пять? Мне кажется, что я здесь уже целую вечность, в этом Ори забытом месте, рядом с которым, даже чистилище покажется раем.

И пусть мое тело все еще способно дышать, мыслить, двигаться, существовать, но то, что внутри – изранено и превращено в пыль.

Тот самый огонь внутри меня погас, та самая сила, что наполняла меня до краев, и одновременно заставляла ненавидеть каждый миг жизни, в которой я не могу прикоснуться к нему, без всякой защитной и темной магии.

Возможно, именно сейчас, находясь на волоске от смерти, выпотрошенная, опустошенная и потерянная, выпитая до суха, я бы смогла дотронуться до его кожи, и не сжечь заживо. Я бы хотела к нему прикоснуться. Хотя бы на один короткий миг, ощутить забытое, но такое сладкое чувство покалывания в кончиках пальцев, что за считанные секунды пробирается к сердцу.

Это так много, и так мало – всего лишь ощутить себя живой. Вспомнить, каково это... когда в твоём жалком существовании есть смысл.

Когда твои дни наполнены созиданием прекрасного мира, созданным Ори. Когда ветер дует прямо в лицо, пока волосы неистово бьют напряженные от улыбки скулы и покрасневшие щеки. Когда каждый вдох пропитан простым счастьем, которым должен обладать каждый – свободой.

Лучше бы я умерла, лучше бы меня осудили вместе с Кэлоном, чем снова оказаться здесь, в Обители Миноры, где я провела несколько страшных месяцев детства, перед тем, как потеряла родителей.

Мне кажется, что я до сих пор слышу их призрачные голоса, отголоски маминого плача. Свой крик, который на веки впитали стены этого безобразного замка, в момент, когда я увидела обогранные кровью тела мамы и папы.

Обрести покой, легкость, стать бесплотным духом, вечно блуждающим по бесконечности миров – не такая уж плохая перспектива, по сравнению с вечностью... целой вечностью, проведенной в четырех стенах, лицом к лицу со своей болью, страхами, и демонами. Лицом к лицу с отражением самой худшей версии себя, упавшей на колени.

Вот она. Великая принцесса Мандиса, надежда Элиоса... сейчас, эти слова слепо верующих в Избранницу Богов, звучат просто жалко.

Я мечтаю о малейшем знаке, хотя бы о ком-то, из внешнего мира, кто бы напомнил мне о том, что за пределами Обители все еще есть жизнь, что мне есть за что бороться, ради чего жить... напомнил бы мне о том, кто я.

Ведь вся правда в том, что я забыла, кем являюсь, когда предала своего Бога. И им был не Ори.

– Посмотри на себя, великая принцесса Элиоса, – из транса и бесконечного потока жалости к себе и к тому, что стало с моим миром, меня вырывает пренебрежительный голос и снисходительное фырканье темной жрицы. Обычно, в минуты, когда ее многочисленная стража доставляет мое тело в этот проклятый ритуальный зал, где она ставит надо мной свои магические опыты, я всеми силами пытаюсь «выключить» свое сознание, лишь бы не чувствовать того, что она вытворяет с моим телом. Лишь бы не видеть в кого я превратилась.

– Посмотри, что с тобой стало, мое прелестное создание. Избранница Богов? Огненная рия? – сильнее сжимаю веки, ощущая, как нарастает боль в онемевших запястьях. Кровь затвердела в обездвиженных мышцах, натянутых до предела. Я уже и не помню, каково это свободно передвигать руками и ногами, каково это жить не закованной в цепи, словно животное. Тяжелые, стирающие кожу до крови, железные наручи стали продолжением моих рук, и именно за них меня подвесили над полом из темно-серого и холодного камня, на который так больно падать.

Я чувствую себя убитым животным, куском мяса, с которого вот-вот рывком снимут шкуру и разделают на ровные кусочки. Не сомневаюсь, что когда-нибудь Минора именно так со мной и поступит – если конечно, сдастся и оставит свою затею выпытать из меня то, что ей нужно.

К ее сожалению, то, что необходимо жрице, похоже, безвозвратно утеряно внутри меня. Сила огня. Но, по крайней мере, Минора уверена, что я до сих пор ей обладаю, и только этот факт спасает меня от смерти.

– С каждым днем ты все слабее, моя дорогая. В первый месяц мне было нелегко совладать с тобой, но нет ничего проще, чем превратить рию в безвольную марионетку. Какое счастье, что Ори был только силен, но не умен: иначе бы он не сделал вас, светлых, такими наивными и слабыми, – вздрагиваю всем телом, и подавляю в груди очередной всхлип, ощущая, как острый, словно лезвие бритвы ноготь жрицы, медленно скользит по моему затылку, до крови рассекая кожу. Минора рисует на мне очередную порцию поглощающих жизненную энергию рун, которые необходимы ей для совершения одного из своих грязных ритуалов. Я не сильна в темной магии, но и без глубоких познаний в этой области, могу понять, что нужна ей не только из-за силы огня, которую она намерена отнять у меня. Минора «питается» красотой бывших одал Кэллона, потерянных рий, и других существ в своей коллекции марионеток, запертых в подвалах Обители.

Мое сердце плачет, когда я вспоминаю, почему моя жизнь сложилась именно так. Быть рией... некоторые называют это даром, принадлежностью к Богам, священной привилегией, но это не так.

Быть рией – проклятье. Хуже, чем родиться рией, может быть только одно – родиться огненной жрицей.

И я бы с радостью отказалась от своего дара сейчас, если бы Оракул не возложил на мои плечи непосильную ношу. Это мой крест, и я не имею права опускать руки, несмотря на то, что сейчас, я с трудом сжимаю пальцы на ногах, не говоря уже о спасении всего народа.

– И каково мое предназначение, Оминус?

«Освобождение своего народа. Элиоса. Возвращение былой гармонии, как во время правления семи Правителей», – сквозь истеричный смех Миноры, я слышу тихий голос Оракула, который напоминает мне о том, ради чего я должна продолжать борьбу.

– Что, не хочешь смотреть, что с тобой стало, моя сладкая? – приторным голосом тянет Минора, и, делая следующий вдох, я ощущаю, как проникает в ноздри удушливый аромат ее терпких духов, силу ее темной магии, отдающуюся вибрациями на коже, звуки шагов темной жрицы, которые невозможно спутать ни с чьими другими – постукивание острых каблуков о камень в идеально ровном ритме. Даже не открывая глаз, я знаю, что сейчас Минора облачена в один из своих любимых и постоянных нарядов – черное платье, облегающее каждый сантиметр худощавой фигуры, кожаный корсет, делающий ее талию неестественно тонкой, и длинный плащ, которым она постоянно размахивает, напоминающий мне вороньи крылья.

– Ну же, открой глазки, Мандиса. Или как там... Иса? – последнее слово она произносит более низким голосом, изображая мужской, до боли знакомый мне. Тысяча игл впивается мне под кожу, когда я вспоминаю, как он звучит по-настоящему.

Кэлон...

– Так он называл тебя, детка? – не могу сдержать болезненного стога, ощущая, как Минора голыми руками выкорчевывает на коже очередную руну в районе лопаток.

– Скажи, как Кэлон называл тебя, дорогая. Иначе я сделаю тебе очень больно. Говори со мной, Иса. Мне так нужно твое внимание... – голос Миноры опускается до фальшиво ранимого шепота, но уже в следующий миг переходит почти на горластый визг: – Мне осточертело твое молчание! Отвечай, дрянь!

– Прекрати... – выдыхаю я, и не узнаю... не узнаю в этом хриплом безжизненном голосе, свой.

– Замечательно, – довольно фыркает Минора, продолжая уродовать мое тело. Внезапно кожу на спине ошпаривает удар увесистого плетеного кнута, и, не выдерживая боли, я открываю рот в немом крике. Меня бьет, как в лихорадке, липкий пот вперемешку с кровью стекает по оголенному, незащищенному телу.

Отвратительное зрелище. Я еще сильнее закрываю глаза, чтобы случайно не увидеть свое отражение в зеркалах, расположенных в ритуальном зале, пытаюсь не выдать неровным дыханием свое отчаяние и бессилие.

– Как недолговечна красота рии, не правда ли? Где твои светлые Боги, Иса? Как думаешь, они помогут тебе, когда ты сохнешь в моей Обители в муках, из-за своего упрямства? – сквозь зубы шипит Минора, и я внутренне напрягаюсь, приготовившись к очередному удару, к страшной боли... но к такому невозможно подготовиться. Красные искры вспыхивают перед моим взором, когда я пытаюсь открыть веки. Мрачный зал пыток, так напоминающий мне комнату с зеркалами Креона, превращается в размытое пятно, в целое море крови, в котором мне предстоит захлебнуться.

Я делаю новый глубокий вдох, но не прошу Минору о пощаде. Эта тварь не дожидается слез, проявлений моей слабости и страха.

Тонкие ручейки крови стекают по позвоночнику, по обнаженной, не защищенной даже одеждой, коже. Да. Минора частенько устраивает свои пытки, оставляя меня нагой, и не для того, чтобы изуродовать, как можно больше участков моего тела за раз, а для того, чтобы лишней раз унижить меня, поставить на место, и напомнить, что в ее Обители я – ничтожество, безвольный сосуд, из которого она питает силы.

– Отвечай, моя любимая игрушка. Как он называл тебя? До того, – ласковым шепотом продолжает Минора, наклоняясь к моей шее. Даже не хочу видеть, как это выглядит со стороны. – До того, как ты убила его, Иса? Каково это... скажи мне. Быть светлой и совершить убийство? – ее слова ранят меня сильнее, чем удары плетеного кнута, и я едва сдерживаю себя, чтобы не завывать во весь голос, умоляя ее прекратить разговаривать со мной о Кэлоне.

Лучше бы она молчала. Лучше бы исполосовала меня вдоль и поперек, не произнеся при этом ни единого гадкого слова.

Но я не стану... никогда не стану просить ее. Никогда не расплачусь на ее глазах, как сделала это тогда, когда потеряла родителей. У меня еще будет время поплакать... в одиночестве, в своей звериной клетке, которую любезно выделила мне темная жрица.

– Ты такая же, как и я, Иса. Мы обе это знаем. Сила огня разрушительна. Ты никогда не задумывалась от кого эта сила, Иса? Сила, некогда принадлежащая самому Саху. Говорят, он мог сжигать своих подданных одним лишь взглядом. Ты ослабела, и твоя сила вместе с тобой, но она никуда не исчезла. Моя кровь закипает, каждый раз, когда я вижу тебя, но это сладкая боль, моя рия. Одного твоего прикосновения будет достаточно, чтобы нанести мне шрамы, которые потом не снять никакой магией, – усмехаясь, Минора поглядывает на наручи, сковывающие мои запястья, чувствуя себя абсолютной хозяйкой положения.

Я не могу до нее дотронуться. И, к сожалению, я не умею сжигать взглядом, хотя сейчас я бы не отказалась от этой способности Саха.

Я всегда считала, нет... знала, что силой меня наделила Богиня Элейн, чтобы я смогла защитить себя после смерти родителей. Но то, что говорит Минора... неужели это правда? Как моя сила могла принадлежать Саху?

– Ты убила Кэлону, Иса, – Минора хватая меня за подбородок, до боли сжимая его, и я невольно распахиваю веки, встречаясь с ее взглядом. Внутренности мгновенно покрывают инеем. Глаза жрицы – ворота в ад. Черные зеркала, глядя в которые, чувствуешь себя так, словно у тебя отняли все самые теплые воспоминания в жизни. Она приоткрывает алые губы в дерзкой улыбке, почти любовно разглядывая каждую черточку моего лица. Минора совершенно безумна, и все ее движения напоминают мне движения наркоманки под огромной дозой кайфа.

– Он сам подписал себе смертный приговор, – с вызовом бросаю я, кусая потрескавшиеся и засохшие губы.

– Ты убила своих родителей, – Минора вскидывает ладонь вверх и загибает большой и указательный палец, начиная перечислять список моих жертв. – Ты убила своего отца, а потом мать... не так ли?

– Заткнись! Это сделала ты! – отчаянный крик вновь срывается с моих губ, и на этот раз, я нахожусь на грани настоящей истерики. Как она смеет говорить все это? Мне было пять... они умерли на моих руках, их кровь пропитала мои ладони, когда я пыталась нащупать их застывший пульс, попрощаться с ними... но эта тварь не дала мне даже этой возможности.

– Мы обе знаем, что это ТВОЯ сущность убила их. Они тебя прятали, Иса. Словно знали, что ты особенная. Ты же помнишь, где прошло твое детство? В глуши, за пределами всех секторов. Они говорили тебе, что ты не должна убегать. А что сделала ты?

Я вижу себя маленькой девочкой в желтом платье, которое сшила мне мама. Мои рыжие волосы украшены самодельной короной из ромашек, и развиваясь на ветру, когда я бегу прочь от своего дома, выглядят, как пламя.

– Иса, ты никогда не должна убегать за пределы поляны. Придет время, и я обязательно покажу тебе этот мир, но пока оно не пришло.

– Но я устала, мамочка! У меня совсем нет друзей! Я хочу туда, за высокие скалы, к невероятным светящимся башням, о которых рассказывал папа! Пожалуйста, мама... я совсем одна.

– У тебя есть я, Иса. И папа. Прошу тебя, милая, не подвергай себя и нас опасности, никогда не покидай наш дом, – шептала перед сном мне мама.

Но я убежала. Всего единственный раз. Ставший роковым для нашей семьи.

– Вспомнила, девочка? Ты причастна к их смерти. Но знаешь, что самое печальное? Ты убиваешь народ Элиоса прямо сейчас. Отряды Нуриэля, которые этот глупец посылает к моим владениям, гибнут один за другим. Этот псевдоправитель ничтожен без магии Кэлону, без его влияния и мощи... конечно, я скучаю по своему неутомимому любовнику, которого ты убила.

Мне очень его не хватает. Особенно того, как мы развлекались в его спальне, впрочем, ты и сама все видела. Попытки Нуриэля сокрушить нас с Греймом, смешны и бесполезны, – пожимает плечами Минора, наигранно поджимая губы. Минора часто упоминает некоего Грейма в своих монологах. У меня было много времени, чтобы вспомнить кто он: глава одного из пересечений, кажется, я видела его в день суда.

– Грейм, конечно, тоже неплох, но мы обе знаем, что с Кэлоном не сравнится никто. Ах, Кэлон, Кэлон. Такой сильный, что даже мне хочется опуститься перед ним на колени, и выполнять любое его желание... даже мне, но не тебе. Этим то ты и привлекла его, глупышка. Вся такая недоступная, невинная, чистенькая... Но его интерес быстро угас, когда жрец получил желаемое. Как быстро ты отдала ему свою невинность, Иса? Не прикидывайся ханжой, я хорошо знаю, таких, как ты. Робкие девочки, так легко предающиеся истинной похоти, когда попадают в плен настоящего мужчины. Не прикидывайся скромницей, Иса. Я вижу в твоих глазах, какой горячей ты можешь быть, – сжимаю зубы, пытаюсь справиться с внутренним отвращением, пока Минора все никак не может заткнуться, и наматывает мой потускневший локон, на свой палец.

– Я выберусь отсюда, – шепчу одними губами, дергая головой в сторону, чтобы избавиться себя от ее мерзких прикосновений. – И я тебя уничтожу.

Раскатистый смех с истеричными нотками отскакивает от стен зала, наполняя пространство устрашающими переливами голоса темной жрицы.

– Глупая рия. Вот будущее твоего народа, или ты забыла? – острая вспышка боли простреливает каждый нерв в висках, и на миг, я ощущаю, как ныряю в бескрайний омут своих видений, которые транслирует мне Минора. Видений ближайшего будущего. Внутренний взор пестрит неприглядными, отвратительными картинками, каждая из которых рвет мое сердце на кусочки.

Я вижу покинутые города, некогда прекрасного Элиоса. Разрушенные дома и целые поселения, сгоревшие дотла. Сломанные игрушки, оставленные в опустевших дворах. Влюбленную парочку, убитую во время прогулки и случайно попавшую под перекрестный огонь. Пальцы мужчины и девушки переплетены, но я не нахожу в себе сил, чтобы взглянуть на их лица – они слишком сильно напоминают мне родителей. Повсюду кровь, разруха, не прекращаемый Хаос, и ледяной смех Саха... внутри каждого жителя Элиоса.

Делаю поворот на сто восемьдесят, и слышу, как смех Саха становится громче. Кончики пальцев рук и ног немеют от холода, несмотря на то, что я ментально стою посреди горящих высоким и яростным пламенем руин разрушенных храмов. Босые ноги обжигает раскаленный пепел, когда я делаю шаг вперед – к нему, к тому, кого ненавижу всем сердцем, и тому, кого никогда не видела. Его мощная фигура облачена в красное одеяние, капюшон полностью скрывает лицо.

– Иди ко мне, огненная рия. Служи мне, и я пощажу твой народ.

Новая вспышка ноющей боли, и мое сознание возвращается в реальность. Я задыхаюсь, хватая воздух жадными глотками. Великий Ори, когда это закончится? Лучше бы я не была жрицей, и давно бы умерла от боли.

Но я не могу умереть. Смертные девушки не выносят и месяца в плену у Миноры.

В этом мире ты бессмертна, Иса. Пока я не решу иначе...

Единственный, кто может отнять у меня жизнь и даровать покой, исчез с лица Элиоса. Я не сомневаюсь в том, что Кэлон жив... не физически, конечно. Вне всяких сомнений, его темная, бесплотная сущность, наверняка летает по льдам Креона. Сгусток энергии, обладающий памятью, вечный дух. Но это уже не Кэлон. Не мой Кэлон... из плоти и крови. И я не понимаю, черт возьми, почему в минуты безысходности и отчаяния, я вспоминаю о нем, а не о Нуриэле, от которого стоит ждать помощи.

Кэлон не вернется.

Или...?

Считай дни до моего возвращения, Иса.

– Хватит! Перестань! Я не хочу этого видеть, – рычу я, обдавая Минору максимально снисходительным взглядом, на который сейчас способна. В ответ, жрица лишь расплывается в сладкой улыбке, раздвигая полные, алые губы.

– Ты знаешь, как прекратить свои мучения, Иса. И могла бы давно сделать это, – Минора наклоняется ко мне, и опускает голос до шепота, больше напоминающего шипение ядовитой кобры. – Отдай мне свою силу, рия. Отдай добровольно. И обретешь покой.

– Я никогда. Тебе. Ничего. Не отдам. Делай со мной что хочешь, но я не сдамся. Никогда. Какие бы пытки ты для меня не приготовила, я не сделаю того, о чем ты просишь, – проговариваю каждое слово, наблюдая за тем, как бледное лицо Миноры приобретает оттенок помады.

– Inervesto! – оскалив белоснежные зубы, вскрикивает жрица. Оставленные ведьмой символы вспыхивают под кожей, пока я кусаю губы до крови, из последних сил сдерживая крик. Боже, она только этого и ждет. Мои слезы, мой крик и моя боль – это то, что вознесет ее на вершину блаженства.

– Кричи, маленькая рия. Ты можешь закончить эту пытку прямо сейчас, пока я не скормила тебя одному из своих гончих псов, – прикасаясь к моему плечу, Минора резко разворачивает меня к зеркалу.

Я несколько месяцев не видела себя. Я и сейчас не вижу себя... по крайней мере, мне не хочется верить в то, что это изможденное существо в отражении – я.

Прежде серебристые и воздушные локоны превратились в безжизненную солому, едва прикрывающую маленькую грудь, и острые ребра, выступающие под белой, почти прозрачной кожей. Темные круги под глазами, кажется, занимают теперь половину моего лица, а от полных губ осталась иссохшая тонкая линия. Я уже не говорю о многочисленных кровавых шрамах, уродующих и покрывающих мое тело от пяток до корней волос. Это ужасно. Я вряд ли когда-то вновь увижу себя прежней... Мне страшно, противно... смотреть на эту незнакомку в отражении. Мне даже трудно поверить в то, что Фелика способна исцелить такие увечья.

Минора отняла у меня все. Мою красоту, мои жизненные силы, светлые воспоминания и свободу. Гордость и непоколебимое желание предъявить ей счет, когда все это закончится – вот, что у меня осталось. Если закончится...

– Убей себя, Мандиса. Сделай это. Он все равно никогда не захочет такое тело, – нашептывает Минора, пока я продолжаю с ледяным ужасом рассматривать свое отражение. Минора подходит ко мне ближе, проводя по моим выпуклым ребрам своим длинным жезлом, увенчанным красным камнем, который вспыхивает каждый раз, когда она произносит заклинания. – Ты же знаешь, что нужно сделать.

Конечно, я знаю. Ведь Минора еще несколько месяцев назад просветила меня в свой гениальный план: чтобы передать ей свою силу, и избавить себя от пыток, боли, и пребывания здесь, я должна совершить простой ритуал: проткнуть свое сердце орудием, принадлежащим тому, кому я хочу отдать свою силу. Ее жезлом.

И иногда мне кажется, что мне стоит закончить все это. Ни один человек не вынесет подобных мук, и я не понимаю, что именно еще помогает мне держаться.

Но я выстою, несмотря ни на что. Хотя в это так трудно поверить сейчас, когда, наконец, смотрю на свое хрупкое тело, запятнанное грязью и каплями крови, вдоль и поперек, исполосованное шрамами.

Он все равно никогда не захочет такое тело.

Эти слова причиняют мне боль, потому что я знаю, что это правда. Кэлон никогда не любил меня, им двигала лишь похоть – и все его сладкие речи, и обещания ничего не стоят. Он просто. Хотел. Трахать ту, что предназначена Правителю. Вот и все. Почему я не понимала этого в Нейтральных землях? Я была слепа... и пьяна от чувств, которые на меня обрушились.

Мне бы хотелось вернуться в Нейтральные земли, хотя бы на один чертов миг, и отравиться Агатусами до беспамятства. Погрузиться в бесконечный сон, растянувшись на вечно зеленой поляне, перед входом в пещеру оракула, остаться на веки там, где нет боли, где нет... ничего, и никого, кроме нас.

Но есть то, что может быть хуже этих отметин. Теперь я знаю, что эта тварь делает с другими пленницами. Мою соседку по темнице, Мию, Минора забирает один раз в неделю, и через день, возвращает ее. И лучше бы Миа не рассказывала мне правды о том, что с ней происходит за пределами нашей камеры.

Все слухи о Миноре были верны. Очевидно, все жрецы питают свои силы не только вступая в физическую близость, но и наблюдая за тем, как простые смертные придаются своим порокам под их влиянием. Минора подавляет в Мие все человеческое с помощью магии, пробуждая животные инстинкты и жажду неутолимого желания плоти.

А потом бедняжка просыпается в камере, и понимает, что наваждение исчезает. Остаются только следы от рук нескольких мужчин на ее коже.

– Я знаю, о чем ты сейчас думаешь, маленькая рия. Ты знаешь, что тебя ждет, благодаря своей милейшей подруге Мии. Признаюсь, я не хотела отдавать тебя ни одному своему псу, пока ты была такой красавицей. И не хотела, чтобы они пачкали тебя, понимаешь, о чем я? Сердце влюбленной рии, куда сильнее. Но мне надоело ждать, пока ты сломаешься. Надоело! Ты готова обслужить мой харим, Иса? – Минора за пару шагов преодолевает расстояние между нами, и прикасается костяшки пальцев к моей щеке, с обманчивой нежностью поглаживая мое лицо. – Твоя кожа до сих пор, как бархат. Как думаешь, что сказал бы Кэлон, если бы увидел, как тебя жадно берет один из моих псов? Один из моих верных рабов. А может несколько? – тварь кривит губы, поглядывая в сторону входной двери. – Август. Ко мне, – отдает приказ Минора, подзывая неизвестного мне мужчину, словно выдрессированного щенка, заливаясь очередной порцией раскатистого смеха.

Я слышу тяжелые шаги, которые могут принадлежать только мужчине, и прикрываю глаза, не желая видеть того, кого Минора назвала «псом». Она не посмеет этого сделать... черт возьми, не посмеет.

Я не смогу... не выдержу такого унижения. Каждый вдох дается все труднее, по мере того, как я чувствую приближение неизвестного.

– Милая, открой глазки. Тебе нравится Август? Один из лучших в моей скромной коллекции. Посмотри, какое у него великолепное тело. Я сказала, смотри! – шипит Минора, и мое тело пронзает очередная вспышка невероятной боли, после которой я резко открываю глаза, чтобы одарить эту тварь своим испепеляющим взглядом. Как глупо и наивно... мой взгляд давно стал пустым, безжизненным, едва живым. И мне не нужно видеть себя в зеркале, чтобы понимать это.

– Никого не напоминает? – мурлыкает Минора, нежно приобнимая Августа, стоящего прямо напротив меня. Образ этой парочки расплывается перед моими глазами. Меня окутывает ужас, парализующий грудь, и я ощущаю невыносимый приступ удушья.

– Смотри, девочка, тебя ждут чудесные, феерические ночи, в компании моих мальчиков. Ты ведь не против? – сладким голосом напевает жрица, поглаживая стальные мышцы своего безликого раба. Ее аристократически длинные, бледные пальцы скользят по его обнаженному торсу, и меня передергивает от этого зрелища и плотоядных улыбок этих двоих. К горлу стремительно подступает тошнота, и я окончательно перестаю дышать, для того, чтобы удержать внутри себя остатки вчерашнего пресного ужина из холодной каши.

Я закрываю глаза и вижу его лицо. Кадры из нашего путешествия начинают настойчиво мелькать перед моим внутренним взором. Вижу то, как он обхватывает мои скулы, когда я сбиваю его с ног, выбираясь из пещеры Оракула. Как по-собственнически, и в то же время нежно, его пальцы скользят по моей коже, словно заново изучая и вспоминая... помню поцелуи

на влажной траве, и аромат агатусов, сводящий с ума нас обоих. Почему мы не остались там, Кэлон? Навсегда.

– Обожаю Августа, – ладонь жрицы опускается ниже, медленно обводит косые мышцы мужчины, и запускает руку за пояс его кожаных штанов. Отвожу взгляд в сторону, но Минора вновь и вновь разворачивает мое лицо к себе, направляя мой взгляд на их игры. – Но мне не жалко. Я поделюсь с тобой, Иса. Август, я чувствую, тебе нравится наша маленькая рия? Нравится то, что от нее осталось?

– Нравится, моя Амадея (госпожа). Если вам так будет угодно, – сухим, безэмоциональным голосом отзывается Август. Его незапоминающееся лицо, искривляет гримаса пренебрежения.

Он все равно не захочет такое тело.

– Она также прекрасна, как и я, Август?

– Нет, Амадея, – мужчина поворачивается к Миноре и обхватывает ее нижнюю губу своими зубами, я снова отворачиваюсь, не желая наблюдать за этой тварью и ее игрушкой.

– Да брось, Август, – Минора отталкивает от себя «пса», и взмахивает рукой, указывая на меня. Август кивает, словно без слов понимая ее немой приказ, который осознаю, и я...

– Я хочу, чтобы ты потрогал нашу девочку, – Минора присаживается на каменный постамент, складывая ногу на ногу, принимая расслабленную позу. Долбанная извращенка. Кэлон с ней и рядом не стоял... хотя я знаю, что это неправда. Один только Сах знает, на что способен Кэлон, и я уверена, что его развлечения в хариме, всегда выходили за все рамки приличия. Черт, он ничем не лучше Миноры. И я всегда это знала. Я не должна даже думать о нем... но я не могу.

Проклятье.

Я ищу утешение, лекарство от своей боли в том, кто защищал меня, в том, кто вырывал из лап смерти в Нейтральных землях.

– Посмотри, какой хрупкой и невинной крошкой она выглядит. Маленькая убийца, да Иса? Скажи вслух, кто ты.

В ответ я только сильнее сжимаю зубы, ощущая внутри небольшой подъем сил и желание бороться до последнего.

– Ты так ничтожна, Мандиса. Смирись с тем, что ты умрешь, так или иначе. Почему бы не сделать это с пользой? Сдайся мне. Отдай мне свою силу, и твоя боль покинет Элиос вместе с твоим бранным телом...

– Я давно не чувствую боли, Минора. Ты напрасно стараешься. Столько пыток, великая жрица, а я и не слезинки не пролила. Тебе не надоело? Я никогда не сделаю то, о чем ты просишь, – на удивление спокойно отвечаю я, выдерживая взгляд черных глаз, не имеющих дна.

– Что ж, – Минора одобрительно кивает Августу, и мужчина тут же делает шаг ко мне, начиная пристально оглядывать каждый сантиметр моего обнаженного тела. Так мерзко, так унижительно, я не чувствовала себя никогда. Перестаю дышать, но далеко не от удовольствия, когда ощущаю, как его грубая рука, покрытая полопавшимися мозолями, сминает мою грудь. Приступ тошноты становится таким сильным, мир вокруг меня начинает вращаться.

– Тебе нравятся прикосновения моего верного пса, Иса? – с придыханием интересуется Минора, явно испытывая нездоровое возбуждение, наблюдая за этой отвратительной картиной. Тем временем, я сжимаю зубы, и закрываю глаза, дрожа всем телом от омерзения, когда руки Августа начинают более жадно скользить по моему израненному телу, ощупывая каждый дюйм, покрытый каплями крови.

Его крепкие ладони обхватывают мою талию и медленно поднимаются к груди. Расплываясь в ехидной улыбке, раб притрагивается к моим соскам, и я схожу с ума от чувства брезг-

ливости, которое охватывает меня с ног до головы, я начинаю дергаться и вырываться из своих наручей, пытаюсь вырваться из плена. Бесплезное занятие.

Нет. Нет. Этого не произойдет, этого не произойдет... пожалуйста. Что угодно, только не это.

– Успири ее, Август. Не церемонься с этой потаскухой, – слышу холодный приказ Миноры, и в следующую секунду ощущаю, как пальцы Августа скользят по моей пояснице, по животу, болезненно скручивающемуся от каждого мерзкого касания. Раб резко отводит мое колено в сторону, без лишних слов раздвигает ноги, и прежде, чем я успеваю вскрикнуть, проникает в мое лоно сразу тремя пальцами. Резкое вторжение причиняет невероятную боль, такую, что искры из глаз. Кажется, меня выворачивает наизнанку, но Август вовремя меняет местоположение, прижимаясь ко мне со спины всем своим влажным телом. Словно сквозь вату, я слышу безумный смех Миноры и хлопки в ладоши, когда я плююсь и задыхаюсь от отвращения снова, вдыхая неприятные запахи – сладких духов Миноры, грязи и пота.

– Это тебе за Кэлону, Иса. За то, что посмела очаровать испорченного любовника, – нашептывает эта больная на голову тварь. Вы только послушайте ее. В земном мире ее бы давно заперли в психушке.

Пытаюсь отключиться, но не могу не чувствовать того, что вытворяет с моим телом Август, пытаюсь протолкнуть свои пальцы, как можно глубже.

– Растяни эту дрянь. Иначе ей не справиться с тем количеством псов, которых я для нее приготовила, – находясь в паническом состоянии, я все еще что-то слышу, и наконец, срываюсь на истошный крик, разрывающий связки горла.

– ХВАТИТ! НЕТ! НЕТ! – кричу я, находясь на грани того, чтобы потерять сознание от подобного вторжения. Между ног вспыхивает острая боль, словно этот урод действительно собирается меня разорвать. Великий Ори, какой ужас... мне просто хочется все отмотать. Хочется, чтобы со мной никогда такого не случилось... но уже поздно. Это край. Ничего уже не будет прежним. Кэлону давно нет, но я не могу не вспоминать о том, как в первые месяцы наших «отношений» мечтала... что он будет первым и последним.

– Она готова для тебя, Август? – томным голосом интересуется жрица, и я мысленно прикасаюсь к ее лицу руками, превращая ее в обуглившийся кусок плоти.

– Нет, моя амадея, – раб обдает меня своим дыханием, и мой желудок вновь атакуют волны болезненных спазмов. Его пальцы медленно делают свое грязное дело, и я просто умоляю Ори закончить это... черт возьми, хотя бы просто забыться. Если когда-нибудь я выберусь из плена, я лично съем целую горсть агатусов, чтобы навсегда стереть эти воспоминания из своей головы.

– Что ж, это поправимо. Ты уже знакома с волшебными напитками, Иса, не так ли? Всего пара капель в воду, и ты уже будешь истекать от желания, и умолять одного и даже больше моих рабов, поймать тебя. Нечто подобное Кэлону проделал с глупышкой Тенеей, которую, кстати, поймали и доставили в одну из моих темниц. Она займет место Миа, которую я отправлю к Грейму, – будничным тоном продолжает Минора. – Правда в том, что жажда похоти так сильна и сладка... и вы, светлые, боитесь посмотреть правде в глаза. Любви между женщиной и женщиной не бывает, это всего лишь животные инстинкты, неистовое желание совокупиться, продолжить род. Вам необходимо оправдать сексуальный акт любовью, одухотворить высокими чувствами, и тем самым, солгать самим себе. Поэтому скажи мне, Иса: если уж придаваться похоти, то какая разница – кому? И какая разница, сколько их? Лучше пять, чем один, не так ли?

Я молчу, ощущая, как всего одна слеза падает с ресниц и исчезает на моих губах. Мне хочется кричать, выть, разрыдаться... умереть, в конце концов.

– Вы придаете близости слишком большое значение, и поэтому принимаете влечение за любовь. Даже твоя пресловутая богиня Элейн... сдалась этому чувству. Ты наверняка не

знаешь ее историю. И прежде чем сломать тебя, я покажу тебе твое истинное лицо, рия. То, какой голодной ты можешь быть. Кэлон был бы в шоке от твоих appetитов. Специально для тебя я выделю не меньше десяти своих стражей. Самых лучших... самых больших, – Минора истерично хихикает. Огонь лютый ненависти предает мне сил, и, не веря в то, что все еще способна на это, я яростно выплевываю:

– Ты сдохнешь, тварь. Самой мучительной смертью из возможных. Мне жаль только о том, что ты сдохнешь гораздо раньше, чем увидишь, как Элиос станет таким, каким знали его семь Правителей! Ты сдохнешь! Я убью тебя. Сожгу заживо, мерзкая тварь.

– Ого, какой дивный голосок проснулся. Август, на сегодня хватит, – благосклонно кивает Минора, подавая знак своему рабу, который тут же отпускает меня во всех смыслах этого слова. Да только я уже никогда от этого не отмоюсь.

– Надеюсь, к следующей нашей встрече, ты одумаешься. Иначе я продолжу подобные эротические сессии, до тех пор, пока ты не покоришься моей воле! – восклицает женщина, ударяя своим жезлом по каменному полу. Красный камень вспыхивает в полумраке, и я падаю на колени, больно ударяясь о ледяной пол. Задыхаясь от унижения и боли, я сворачиваюсь в позу младенца, прикусывая собственный кулак, сдерживая дикие рыдания.

– Ты за все заплатишь...

– Боюсь, что это ты заплатишь, Иса. Знаешь, а я ведь не хотела тебя трогать, правда. Но это уже личные счета, – острый каблук врезается мне в ребра, и я почти не чувствую следующего за давлением, удара. Ребра болят так, словно она их сломала. – Ты должна была держаться подальше от Кэлона. И никогда не возвращаться. Если бы не ты, мои ведения давно бы сбылись, дрянь. Унесите ее! И оставьте без ужина, иначе придется и в темнице за ней убирать, – пренебрежительно бросает Минора, и резко разворачиваясь, покидает зал, постукивая острыми каблуками.

Я что-то бессвязно шепчу, пытаюсь свернуться в еще более крошечный комочек, но меня хватают несколько пар рук, и небрежно обращаясь с тем, что осталось от моего тела, волокут по замку Миноры.

Я не издаю ни звука, ощущая, как ледяные щупальца ужаса, отчаяния и боли, затягивают меня в непроглядную бездну.

Глава 2

Нуриэль

Храм Арьяна

– Ты чувствуешь его присутствие, Элим? – не отрывая взгляд от величественной статуи Ори, спрашиваю я у склонившегося вместе со мной в молитве белого мага. – Слышишь его голос?

– Маги не слышат голоса Богов, Правитель, – уклончиво отвечает глава Шестого Пересечения. – Мы лишь способны использовать силу Ори во имя укрепления веры минтов в его величие. В этом разница между магами и жрецами, Нуриэль. Жрецы слышат глас своих Богов, а маги исполняют их волю. – Элим поднимает голову и смотрит на меня пронзительным взглядом прозрачных серых глаз. – Но я чувствую. Присутствием Ори пронизано все в этом храме. Ты видишь людей на площади? Они не маги и не жрецы. Как ты думаешь, что приводит их сюда каждый день? Что заставляет склонить колени в молитве? Что удерживает твою призрачную власть в Элиосе? Вера в Светлого Ори. В то, что пока ты служишь ему, он поможет тебе вернуть ту, о ком говорится в предсказании. Но любая вера нуждается в демонстрации силы. Никто не захочет хранить преданность проигравшему. Казнь Кэллона, и последующие казни всех его приспешников, заставили народ воспрянуть духом и уверовать в то, что победа близка, но исчезновение Избранной Ори посеяла смуту, и пока ты не вернешь ее – твоё правление будет подвергаться сомнению. В последнее время участились бунты и восстания в Третьем пересечении, армия Руана несет потери, но черные маги, служащие Миноре, продолжают обращать минтов с свою веру, и убивать или брать в плен тех, кто не согласен. Люди требуют правосудия над Минорой и ее последователями, которые сеют бесчинства не только в подвластном ей Пересечении, но и в соседних. Бесчисленные похищения, пытки и убийства, она словно с цепи сорвалась.

– Минора объединила свои силы с Греймом. Мы потеряли контроль сразу над Четвертым и Пятым Пересечениями, – сообщаю я то, что Элим и так знает. – А в Третьем постоянно вспыхивают восстания. Любые наши попытки прорвать их оборону и поддержать Руана заканчиваются серьезными потерями. И эта зараза распространяется на другие Пересечения.

– Жрица Саха и черный маг, – убийственная смесь, Правитель. Ты по-прежнему, уверен, что Мандису похитила Минора?

– Она – единственная, кому это выгодно, – сухо отвечаю я, вспоминая, как темная жрица при помощи магии убедила меня совершить ритуал жертвоприношения, прерванный Тенеей. Я был уверен, что Минора бежала из замка, когда рия смогла вырваться, но жестоко ошибся. Она затаилась внутри, в стенах дворца, выжидая своего часа. Я слышал от Кэллона, что Минора обладает даром предвидения, и, возможно, она каким-то образом знала, что произойдет в скором будущем: о возвращении Исы и казни Кэллона. Я не сомневаюсь, что исчезновение Мандисы – дело рук Миноры. Она держит ее, как заложницу. Мы могли бы стереть оба пересечения с лица Элиоса, погрузив их в воды океана, но я не могу этого сделать, если есть хотя бы один шанс на то, что Мандиса находится у них.

– Наши лучшие воины, стоит им перейти границы пересечений Миноры и Грейма, мгновенно подвергаются их воздействию. Никакие амулеты не защищают от черной магии Миноры и ее союзника. Она находит бреши в душах воинов и заражает их своей тьмой. Жрица сильна, как сам Сах, и также безжалостна. Оружие бессильно, когда рука, держащая его, забывает против кого оно направлено.

– Я тысячелетия провел бок о бок с черным жрецом, считая его своей правой рукой. Не нужно мне рассказывать о том, насколько сильными могут быть исчадия Саха. Кэлон внушал мысли, которые никогда бы не пришли мне в голову, он управлял мной, заставляя верить в иллюзии, которые подкидывал в мое сознание.

– Потому что, как и Минора, в войнах, которых мы к ней посылаем, Кэлон нашел брешь в твоей вере. Теперь ты понимаешь, что это? Что позволило Кэлона заразить тебя своей тьмой?

– Жажда власти и гордыня, – с прискорбием признаюсь я, опуская голову. Взгляд каменного Ори словно пронизывает меня насквозь, оставляя ожоги на моей душе, которую я едва не отдал в руки его злейшего врага, извечного соперника – Саха. – Я с рождения был уверен, что мне суждено изменить мир минтов и возглавить его, стать его единственным Правителем, тем, о ком говорилось в Пророчестве.

– А что ты думаешь теперь, Нуриэль?

– Неважно, что я думаю, Элим, – качаю головой я. – Мы должны вернуть Мандису. Народу нужна Избранная Ори. Ради нее они уничтожат всех приспешников Саха и построят в Элиосе новый совершенный мир, подобный древней Минтаке.

– И как ты предлагаешь это сделать? Минора не отдаст Мандису без боя. К тому же, ты не знаешь, где именно она ее прячет. И бесконечная череда попыток, завершившихся провалом и потерей людей, тоже говорит о том, что нам необходим другой вариант.

– Переговоры?

– Возможно...

– Элим, с Минорой невозможно договориться. Она возьмет твою душу, но ничего не отдаст взамен. Ты согласен с таким раскладом?

– Есть другие варианты?

– Да. Я пойду вместе с воинами, – твердо отвечаю я. Элим удивленно поднимает на меня пристальный взгляд, – я буду сражаться с ними плечом к плечу, и может быть, мое присутствие сохранит их веру непоколебимой, не позволит темному влиянию жрицы проникнуть в их головы и сохранит их сознание ясным, – поясняю я.

– Но это огромный риск, – с сомнением качает головой Элим. – Если ты погибнешь, минты окончательно утратят веру.

– И наш единственный шанс вернуть Избранную Ори. И ты тоже пойдешь с нами, как другие маги. Чтобы удержать Минору или пленить ее, нам понадобится много сил. Мы смогли уничтожить Кэлона. Минора – серьезной враг, но она не бессмертна и ее ждет та же участь, что и Креонского. Хватит уже недооценивать противника. Мы обязаны использовать максимум своих способностей, если хотим победить.

– Ты начал говорить, как истинный сын Эридана, – с удовлетворением замечает Элим. – Но, что является главной причиной твоего желания вернуть Мандису? Ты так хочешь увидеть ее на троне, о котором грезил сам, или тобой движет совсем другое чувство?

– Я был влюблен в принцессу, и, если бы не разрушительная магия Кэлона, все могло сложиться иначе. Да, сейчас, я верю в то, что Ори даст нам второй шанс. Я искуплю свои грехи, я смогу объяснить, что не отдавал отчет в своих действиях... – я осекаюсь, невольно вспоминая, как мучительно медленно происходило пробуждение моего сознания после казни Кэлона. Слой за слоем, я сдирал с себя загубевшую кожу, истекая кровью. Мои раны невидимы взгляду, но в отражении зеркал я вижу их гниющее уродство. Я чудовище. Убийца. Но понимание этого произошло не мгновенно. И даже на суде, когда Кэлон с пренебрежением слушал мою пламенную речь, я все еще чувствовал его темную энергию внутри меня. Ее отголоски не исчезли и сейчас. Черные пятна на моей душе не скоро окрасятся в другие цвета. Я могу бесконечно искать себе оправдания, но не существует ни одного стоящего... Я должен совершить поступки, которые перекрыли бы мои прежние преступления. Но чем больше проходит времени, тем меньше я верю в то, что подобное возможно. На моих руках кровь невин-

ных рий Ори, которых мы с Кэллоном приносили в жертву Саху. На моих руках кровь Мандисы, и, несмотря на то, что рассеявшаяся черная магия жреца так и не вернула мне истинные воспоминания о том дне, когда Кэллон убил ее, я знаю, что виноват не меньше, если не больше, чем он. Принцесса доверяла мне, а я чуть не взял ее силой. Я позволил жрецу проникнуть в глубины моей души, и прорасти там, пустить корни.

Я предал ее. Предал свой народ. Предал память собственного отца. Я был слаб.

Ревность, злость, жажда власти, похоть – я был тем, кого создал Кэллон, вылепил по своему образу и подобию за тысячелетия, которые мы воевали и строили Элиос. Теперь я понимаю, почему он убил Мандису. Она единственная, кто делал меня самим собой хотя бы частично, единственная, кто напоминал мне о моей истинной сущности, а не о том, кем я стал под воздействием Кэллона. Сквозь черный туман я видел ее свет, ее обжигающую красоту, которая слепила глаза и заставляла сжиматься сердце. Даже во власти чар жреца, я никогда не забывал о Мандисе. Чувство вины, бессильной злобы, и ревности, преследовало меня по пятам, и я не находил ему объяснения. Я ненавидел Креонского, но и не мог уже без него обходиться.

– Элим, – подняв голову, я смотрю в светлые глаза мага, пытаюсь подобрать верные слова, но их, как и оправданий моим деяниям, не существует. Единственное, что способно сейчас помочь нам в грядущей войне – это признание истины и понимание того, с каким врагом мы имеем дело. – Твоя жена не была виновна в том, что произошло. Я должен был остановить Кэллона. Я знал, что он делает и находил в этом развлечение. Я говорю тебе сейчас правду не для того, чтобы ты меня возненавидел, а, чтобы понял, насколько сильны чары жрецов и магов Саха. Посмотри на меня сейчас. Я похож на того Нуриэля, который сидел с тобой за одним столом в тронном зале, бесстрастно наблюдая, как стражники хватают твою жену за преступление, совершить которое ее заставил черный жрец, наделенный властью от моего имени? Но меня постигла расплата за случившееся. Вспомни, что произошло с Тенеей. И я не смог подвергнуть ее наказанию. Фактически она не была виновна. Я отпустил Тенею.

– Это называется изгнанием, Правитель.

– Я считаю, что поступил милосердно. Я не мог оставить ее в качестве своей жены, как и осудить. Я понимаю, с какой сильной магией ей пришлось столкнуться. Слабая женщина – легкая победа для Кэллона, если даже сам Правитель оказался во власти его чар.

– Считается, что потомки правителей Минтаки не поддаются воздействию приспешников Саха, так как в них заложен ген избранности, частичка духа Ори, – жесткая складка появляется вокруг губ Элима.

– Когда Кэллон появился во дворце, я был еще очень молод. И болен... Об этом мало кто знает в Элиосе. Меня поразила неизвестная болезнь, которую считали Проклятием Богов, ниспосланным потомкам Правителей за то, что они уничтожили Минтаку. Я умирал. Эридан был в отчаянии, иначе бы не допустил до лечения единственного сына темного жреца, но никто и не предполагал, какими последствиями выльется мое излечение. В тот момент, когда я сражался за собственную жизнь, моя душа была уязвимее всего, и Кэллон воспользовался возможностью подвергнуть меня своим чарам. Я менялся постепенно, и с каждым новым грехом, каждой новой смертью, власть Кэллона надо мной росла. Как только болезнь отступила, его назначили моим телохранителем и на службе Кэллон проявил себя, как неуязвимый воин, тонко просчитывающий каждый маневр противника. Ему не было равных в бою и в ведении стратегии. Свою веру Креонский начал распространять гораздо позже, когда пришло время войн и сражений, и для победы нам требовалось все больше сил, которые давал жрецу его Бог. Кэллон заставил меня поверить в его преданность, в то, что именно он мне служит, а не наоборот. Мы подняли Элиос из руин павшей Минтаки, подавляли смуту и волнения железной рукой, уничтожая любое сопротивление и междоусобицы, песок обагрився кровью тех, кто претендовал на роль Единственного Правителя. Мы убили всех потомков Семи Правителей. Остался только я. Меня переполняла гордыня и ощущение несокрушимости. Мы создали новую цивилизацию

на пепле старой. Я действительно думал, что следую высшей цели, иду по пути Правителей, и вскоре построю новый мир, не уступающий Минтаке в момент ее расцвета. Но я ошибался в самом главном, одержимый властью и могуществом – этот новый мир был предназначен не для меня. Кэлон создавал империю для того, чтобы возглавить ее. Я должен был стать его следующей жертвой. Появление Мандисы и новое Пророчество спасло Элиос. Спасло всех нас. А теперь мы должны спасти ее. Ты тоже видел, как она появилась в луче света под крылом Феникса. Мандиса та, о которой гласит пророчество, выбитое золотыми буквами на стенах восстановившегося храма. Мы все были свидетелями чуда.

– Это те самые слова, которые заставят народ поверить тебе, Нуриэль. Но еще одно поражение может сокрушить твою власть, – после небольшой паузы отозвался Элим. – Завтра мы соберем совет Глав пересечений, все еще верных тебе. Они должны услышать то, что ты сказал мне. Последователи Саха должны быть уничтожены, и пока они распространяют свою веру и магию в Элиосе, мир обречен. Минтам нужна победа, и вера в чудесное избавление.

– Им нужна их Принцесса, огненная рия, – произношу я уверенным тоном. – И мы вернем ее, Элим.

Развернувшись, я направляюсь к выходу из храма. Белый маг и стражники следуют за мной, пока я задумчиво спускаюсь по мраморным ступеням и пересекаю центральную площадь перед храмом. Минты, пришедшие помолиться Светлому Ори и поглазеть на пророчество, мерцающее под сводами, молчаливо расступаются, но в их глазах я вижу не подобострастное выражение преданности, а тревогу и сомнение. И я понимаю неуверенность народа Элиоса. Тот, кто предал их однажды не заслуживает доверия. Я могу лишь доказать, что способен искупить совершенное зло благими делами, но мою власть они примут только в том случае, если рядом со мной будет стоять Мандиса. И я обязан дать жителям Элиоса то, чего они жаждут больше всего, в обратном случае недалек час моей собственной казни.

Я чувствую тяжелые взгляды минтов, обращенные в спину. Пока еще я могу удерживать мятежный народ, но Элим прав, мое время на исходе, и я должен использовать его так, чтобы жители Элиоса запомнили меня не как предателя, а как истинного Правителя, который признал свои ошибки, и смог их исправить. Возможно, я ставлю невыполнимую цель, но я положу все свои силы на ее достижение.

Вернувшись во дворец, я поднимаюсь в свои покои, минуя опустевший харим. После казни Кэлона и похищения Мандисы, первое, что я сделал – это распустил всех одал, которые веками служили для удовлетворения моей похоти. Точно также я поступил и с одалами Кэлона. Некоторые из них остались, чтобы работать во дворце в качестве прислуги, но это был исключительно их выбор. Теперь в моем распоряжении были долгие бессонные одинокие ночи, полные кошмарных воспоминаний, постепенно настигающих меня в минуты тишины. И когда в окна спальни проникали первые лучи аметистовой луны, я каждый раз думал о Мандисе... Она занимала все мои мысли не только ночью, но и днем. Я пытался найти способ вернуть ее домой, продумывал все новые стратегии, строил планы. Завтра я соберу глав Пересечений и озвучу принятое решение о военном походе на Минору и Грейма, который я лично возглавлю. Я знаю, что они поддержат меня, мне нужна победа, иначе... Другого исхода просто не может быть.

Если бы я много лет назад прислушался к словам Актавии и изгнал из дворца Кэлона, мы с Мандисой могли бы быть по-настоящему счастливы сейчас. Если бы я послушал Ису в тот день, когда она пыталась призвать меня к благоразумию, когда обратилась ко мне за помощью...

– Ты такая красивая, Иса. Моя любимая, моя Амета, – я вспоминаю ее нежное трепетное лицо с огромными глазами, смотрящими на меня с нежностью и теплотой. Ее огненные с медным отливом волосы рассыпаны по плечам и мерцают в свете золотой планеты, согревающей Элиос в течение светлого времени суток. Я сжимаю ее ладони, чувствуя, как дрожат ее пальчики от моих прикосновений. Она улыбается мне ангельской улыбкой, а я думаю о том, какие

сладкие на вкус ее алые губы. Я не раз целовал их, но в последнее время, Мандиса стала избегать меня, и я все чаще заставлял ее в задумчивом и печальном настроении. Я не искал встречи и не задумывался над причинами, довольствуясь вниманием одал, всегда готовых доставить мне массу удовольствий. Когда впереди у тебя сотни лет, ты не торопишь время, предвкушая момент, который кажется неотвратимым.

– Нур, я не твоя Амета. Это слишком громкое слово, особенно для Правителя, – она опускает взгляд, ее щеки вспыхивают от смущения. И я знаю почему. Когда мужчина называет женщину аметой, это высшее проявление чувств, все равно, что признание в любви.

– Не спеши называть меня так, Нур. Вокруг тебя слишком много женщин, и я слышала... как ты говорил нечто подобное другим, – она бросает на меня обиженный пристальный взгляд.

– Иса, это было давно... – нагло лгу я, расплываясь в соблазнительной улыбке. – Если бы я знал, что найду в тебе все то, что ищу в женщине, я бы никогда не относился к тебе так, как в те дни, когда ты появилась здесь. – Она опускает ресницы, вспоминая те моменты, которые мы оба хотели бы забыть. Я действительно не сразу принял Ису. Когда Актавия привела ее во дворец, я почти не замечал тихого и пугливого ребенка. Чуть позже, когда она стала подрастать и превращаться в красивую девушку, я не смог не обратить на нее внимания, но все равно продолжал держаться в стороне, пока не случился рецидив болезни, которая однажды чуть меня не убила. Кэлونا тогда не был во дворце, и Иса не отходила от моей кровати, день и ночь дежурила возле меня, поила лекарством, снимала жар, рассказывала какие-то смешные истории, заставляя улыбаться. Наверное, именно тогда зародились мои чувства к ней. Когда рядом не было Кэлونا... Когда рядом не было Кэлона, я понимал, как много она для меня значит.

– Я никому не дам тебя в обиду, слышишь? Сначала ты была для меня невидимкой. Когда я заболел, ты стала моей сестрой. Ты росла на моих глазах и была мне как дочь... но теперь, когда ты расцвела, как редкая Амета, я вижу в тебе единственную женщину, способную сделать меня счастливым. Способную сделать меня великим Правителем Элиоса. Я многое отдам за подобный талисман удачи, потому что рядом с тобой я ощущаю прилив сил, – ласково прикасаюсь к ее лицу, провожу пальцами по алеющим щекам. Женское смущение – редкая драгоценность. Я привык совершенно к другим эмоциям. Одалам это качество незнакомо.

– Даже убить? – внезапно спрашивает она, дерзко глядя мне в глаза. – Ты убьешь ради меня, Нур?

Я потрясенно смотрю на нее, пытаюсь найти объяснение странному вопросу девушки.

– Кто-то обидел тебя? Или причинил боль? Скажи мне имя мерзавца и завтра же его казнят на площади, – с чувством говорю я, сжимая ее плечи и требовательно заглядывая в глаза. – Кого я должен убить, Иса?

– Кэлона, – отвечает она, и в глубинах ее аметистовых глаз вспыхивает ярость и неприкрытая боль.

– Ты с ума сошла! – с негодованием выкрикиваю я, отталкивая девушку от себя. Мандиса натывается на толстый ствол дерева, с раскидистых ветвей которого взмывает в сиреневые облака разноцветная Фелика, любимая птица Исы. В распахнутых глазах девушки сверкают слезы. Я с недоумением смотрю на нее, чувствуя, как бешено колотится сердце в груди. Ярываюсь между потребностью утешить ее и отрицанием всего, что она сейчас мне скажет.

– Ты не понимаешь, что он такое, Нуриэль! Послушай меня... – с мольбой говорит Иса.

– Нет, Мандиса. Кэлон не раз прикрывал мою спину в боях, – ожесточенно отвечаю я. – Я достаточно выслушал лжи и клеветы от тех, кто не разделает его веру. Он не заставляет тебя служить Саху, как и остальных, преданных Ори. Каждый в Элиосе свободен выбирать, кому поклоняться.

– Ты просто ослеплен его магией, Нур. – с горящим взором восклицает Иса. – Очнись. Оглянись по сторонам. Светлый Бог забыт, и Кэлон постепенно строит свое темное царство, в котором собирается занять место единственного Правителя.

– Ты одержима, как многие мятежники, которые не хотят принять новое устройство мира, – качаю головой я, не желая слушать очередной религиозный бред.

– Да, я одержима! – выкрикивает девушка, прижимая руки к груди. – Я одержима Кэлоном. Он сделал это со мной. Подверг своим чарам и соблазнил, и я не смогла, не смогла противостоять ему. – Закрыв ладонями лицо она отчаянно разрыдалась, заставив меня остолбенеть от изумления.

– Это безумие, Мандиса. Зачем ты лжешь? Я знаю о твоём даре. Кэлон даже прикоснуться к тебе не может, – схватив тонкие запястья, я отвел руки девушки от ее лица, яростно глядя в глаза. – Кто научил тебя? Кто заставил клеветать на Кэлона?

– И ты тоже одержим им, как и все, кто необходим ему для достижения его низменных планов, – дрожащим от слез голосом тихо произносит Мандиса. – Но я не лгу. Кэлон сделал это. Он брал меня бесчисленное количество раз и даже здесь. На этом самом месте.

– Нет, – рычу я в гневе, встряхивая девушку за плечи, как тряпичную куклу. – Гнусная ложь. Твой дар огненной рии не позволил бы ему сделать это.

– Да. Но он нашел способ обойти запрет. – Мандиса смотрит на меня застывшим взглядом и медленно снимает с руки браслет, протягивая его мне. – Это его подарок. Он сделал его своими руками, используя магические камни, которые сдерживают мою силу и позволяют ему прикасаться ко мне. Если не веришь, спроси у него сам. Поверь мне, Нуриэль. Кэлон не тот, кем ты его считаешь. Минора показала мне истинные намерения черного жреца. Он считает себя Истинным царем, тем, о ком говорится в пророчестве. Ты – лишь инструмент для достижения его целей. Подумай, и ты поймешь, что я говорю правду. Он погрузит Элиос во тьму, если ты его не остановишь. Сделай это ради меня. Ради нас... Нуриэль, – подняв руку, она провела ладонью по моей щеке. В наполненных слезами глазах светилась боль и отчаянная мольба.

– Я не могу поверить тебе, Иса, – хрипло выдохнул я, отступая назад и бросая браслет к ее ногам. – Если то, что ты сказала правда, то зачем ты надела и носила его подарок?

– Я верила в то, что мои чувства настоящие. Как и ты, я подверглась его чарам, но Минора заставила меня прозреть, показав, чего именно добивается Кэлон, – едва слышно прошептала девушка, обессилена опуская руки.

– Мне нужно подумать. И если ты говоришь правду, я сделаю то, о чем ты просишь.

– Только не говори с Кэлоном. Он обманет тебя, – отрешенно качает головой Мандиса.

– Ты считаешь меня глупцом, Иса? – с негодованием спрашиваю я. Взрывная смесь ревности, гнева, ослепляющей ярости обрушивается на меня, создавая хаос мечущихся мыслей в голове. Инстинкт защищать девушку и верить ей силен, но если я поверю ей... если поверю в то, что Кэлон действительно прикасался к ней. Я убью его! Глухое рычание срывается с губ, опалая их горячим дыханием. Я разорву его на части, если хотя бы слово из того, что сказала Иса истинно.

Она опускает глаза, медные локоны падают на ее бледное лицо, скрывая его от меня. Ее отчаяние и боль, ее неподдельное горе не могут лгать.

– Я буду ждать твоего решения и молиться, чтобы оно оказалось правильным и мудрым, – ответила она смиренно.

Приступ боли сжимает грудную клетку, невидимым кулаком бьет под дых, обличающая совесть выжигает очередное клеймо на моем сердце, безжалостной рукой хватая за горло и вырывая из воспоминаний. Оглохнув от давящего на барабанные перепонки звона, оглядываюсь по сторонам, замечая, что спальня погрузилась в полумрак. Опускаюсь на кровать, зарываясь пальцами в волосы, и резко тяну в стороны, пытаюсь перекрыть одну боль другой. Но даже если я сниму с себя скальп – это не поможет. Никакое физическое страдание нельзя поставить

на одну ступень с тем, что творится внутри. Меня вывернули наизнанку, вырезали невидимые черные шрамы на душе, оставив кровоточащие стигматы с неизвестными рунами проклятий, а сейчас заставили читать. И каждую ночь, как наказание, я получаю новую порцию правды, еще один кусок из ужасающей картины своих преступлений.

Но даже тогда, когда я оставил Ису в саду, раздираемый противоречивыми сомнениями. Сторающий от ревности и гнева, я мог сделать правильный выбор. У меня был шанс поступить верно, но я не воспользовался им. Я снова позволил себя одурачить. Сейчас я могу объяснить случившееся только тем, что Мандиса была права, и я, как и она сама, был подвержен магическому влиянию Кэллона. Но это не является, ни в коей мере, оправданием моим злодеяниям и самому безжалостному предательству, которое я совершил за свою долгую жизнь.

Кэллон вернулся с приходом темноты. Он часто отсутствовал в сравнительно мирные периоды, когда мы не сражались, разбивая полчища повстанцев против моего Правления и приверженцев старого устройства мира, отрицающих совместное существование двух религий. Я нашел Кэллона в хариме, развлекающимся с одалами, но стоило мне войти в покои, жрецу хватило одного взгляда, чтобы понять, насколько сильно я разгневан. Девушки, которые только что самозабвенно улаживали жреца по щелчку пальца убежали прочь, оставив нас наедине.

– Правитель, тебя что-то тревожит? – набрасывая шелковый расшитый золотом халат на обнаженное тело, невозмутимо спрашивает жрец, не сводя с меня пронизывающего испытывающего взгляда. И я впервые пытаюсь рассмотреть его, как возможного соперника. Мы оба высокие, могучие, с натренированными в боях мощными телами, закаленные, сильные, не знающие отказа в удовольствиях. Где бы мы не появлялись, в какой бы дом или город не входили, нас везде принимали, как посланников Богов, и окружали настойчивым вниманием. Как Правитель я мог взять любую красавицу, на которую падал взгляд, и она с радостью шла за мной. Но что находили женщины в Кэллоне? Я не раз замечал нездоровое влечение к жрецу со стороны не только одал, но и знатных особ с привилегированным положением в обществе. Одержимые женщины преследовали его повсюду, некоторые даже сопровождали нас в военных походах, что давно стало поводом для шуток, ведь когда Кэллон не хотел их, то красавицами пользовались наши воины.

– Ты прикасался к Мандисе? – спрашиваю я, едва сдерживаясь от клокочущего внутри меня гнева. Кэллон самодовольно ухмыляется, вздергивая бровь.

– Не думал, что Правитель станет слушать сплетни ревнивых шлюх, которых я когда-либо отверг, – небрежно произносит жрец, опираясь на одну из белоснежных колонн. – Мандиса еще ребенок. У меня достаточно женщин, зрелых и опытных. Ты и сам знаешь.

– Я тоже считаю, что Мандиса еще слишком юна для взрослых игр, и только поэтому до сих пор не женился на ней, – не сводя с невозмутимого лица жреца испытывающего взгляда, жестко отвечаю я. Сдержанная маска Кэллона на короткое мгновение спадает, позволяя мне заметить недоумение в потемневших глазах, которое тут же сменяется ироничным пренебрежением.

– Жениться на Мандисе? И давно ты это запланировал?

– Я не обязан докладывать тебе о своих намерениях, Кэллон. И ты ошибаешься, меня привели сюда не сплетни твоих обиженных отставных любовниц.

– А что же тогда? – холодно интересуется жрец, завязывая шелковый широкий кушак. Он пытается выглядеть отстраненным, но подсознание подсказывает мне, что жрец сейчас играет со мной.

– Поклянись, что никогда не дотрагивался до Мандисы, не соблазнял ее! – повышая тон, почти кричу я, окидывая застывшую фигуру Кэллона свирепым взглядом.

– Ты знаешь, что я никогда бы не смог этого сделать! – спокойным уверенным тоном отвечает он.

– Не смог или не хотел?

– Что ты хочешь услышать, Правитель? В чем причина твоих вопросов?

– Мандиса попросила меня убить тебя.

– Что? – обычная самоуверенность изменяет жрецу, и он с откровенным недоумением смотрит на меня, словно я только что произнес нечто нелепое и безумное.

– То, что слышал. Она обвинила тебя в том, что ты соблазнил ее, подверг своим чарам, заставил отдаться тебе. Нужны еще объяснения или ты понял, о чем речь?

– Мандиса сказала тебе, что я заставил ее? – переспросил Кэлон, сдвигая брови, словно по-прежнему до конца не улавливая суть моих обвинений.

– Ты отрицаешь?

Кэлон ответил мне тяжелым мрачным взглядом, в котором было что угодно, но не отрицание. Меня окатило горячей волной неистового гнева. Я сжал кулаки, готовясь к броску, но не успел. Кэлон вытянул руки, раскрытыми ладонями вперед, останавливая меня, и я словно ударился в невидимую стену, выросшую между мной и жрецом. Я свирепо рычу, пытаюсь добраться до Кэлона, но снова и снова натываюсь на энергетический барьер.

– Она сама меня умоляла, твоя Мандиса, – медленно, по слогам, произносит жрец. – Ходила за мной по пятам, приходила в спальню, голая ложилась в мою постель, предлагая мне себя.

– Это гнусная ложь! – рычу я, снова и снова бросаясь на невидимый щит.

– Мандиса помешалась на мне. Только блаженный мог отказаться от такого соблазна. Браслет был ее идеей. Я никогда бы не стал тратить свое время и силы на то, что могу взять в любом месте и когда пожелаю.

– Как ты посмел! Она принадлежит мне. Я собирался жениться на ней. – Меня сотрясает неконтролируемая ярость, в голове расплывается алый туман. Если бы я мог сейчас дотянуться до Кэлона, то пронзил бы его сердце кинжалом, тем самым, которым мы забираем жизни рий Ори.

– Жениться? На шлюхе, которая не может держать ноги сдвинутыми, даже, несмотря на магический запрет? Ты думаешь, я был единственным, кому она отдавалась за твоей спиной?

– Гнусная ложь. Иса – невинная девушка, она выросла на моих глазах. Я убью тебя. Ты будешь казнен за то, что осквернил и обесчестил невесту Правителя. Ты не имел права прикасаться к ней. Я поклялся Актавии, что буду защищать ее.

– Не уберёг, Нуриэль. – Насмешливо кривит губы Кэлон. – Если ты так хотел жениться на девчонке, то почему не сделал официальное объявление раньше? Девушки ее возраста очень темпераментны и жадны до новых ощущений. Им хочется попробовать все, что запрещено. Им нравится бросать вызов. И они не хотят ждать, им нужно чувствовать сегодня, сейчас! Ты бы отказался, если бы она легла в твою постель с раздвинутыми ногами, предлагая себя?

– Я не верю тебе, – иступлено кричу я.

– Я могу показать, Нуриэль, – невозмутимо произносит Кэлон, игнорируя мою ярость и угрозы. – Показать истинное лицо твоей несостоявшейся невесты.

И он показал... Бесконечная череда картинок, извивающихся в объятиях Кэлона Исы, чувственно стонущей, умоляющей взять ее, выгибающейся навстречу его толчкам, впивающейся когтями в его спину, пока его бедра мощно двигаются между ее расставленных ног, кричащей в экстазе от удовольствия, шепчущей о любви. Все, что я увидел, не было похоже на принуждение, на насилие или магическое воздействие. Она действительно хотела его, Кэлона, она отдавалась ему снова и снова, сама приходила в его спальню, говорила, что любит его. Мое сердце окаменело, как и я сам. Я смотрел в глаза Кэлона, но не видел в них торжества или мужского превосходства. Он наблюдал за мной с ледяным отчуждением. Словно происходящее его не касалось. Дальнейшие вопросы были бессмысленны и нелепы. Если Иса солгала в главном, то и все остальное было ложью.

– Почему она потребовала убить тебя? – спрашиваю я хрипло, бессильно опускаясь на скамью, усыпанную мягкими подушками.

– Я бросил ее. Мне наскучило, – холодно отозвался он, отрываясь от колонны и поворачиваясь ко мне боком. Засунув большие пальцы рук за пояс халата, он напряжённо смотрел перед собой. – Или подверглась идеям заговорщиков, которые считают меня врагом Элиоса. В столь юном возрасте, Нуриэль, одержимости девушек меняются с завидной регулярностью.

– Я отправлю ее в свой харим. Вместо того, чтобы быть моей женой, она станет мой шлюхой, рабыней. И я буду пользоваться ею тогда, когда пожелаю, – ожесточённо вырывается у меня. Образы, которые послал мне Кэлон, снова и снова мелькают перед глазами, заставляя сердце гореть от ревности, а кулаки сжиматься от бессильной злобы.

Кэлон резко повернулся ко мне, пронзив тяжелым взглядом.

– Нет, – бросает он жестко. – Ты испытаешь ее.

– Что? – недоуменно спрашиваю я, чувствуя, как внезапно гнев уступает странному спокойствию и уверенности. – Как?

– Скажи, что ты выполнишь ее желание. Что убьешь меня... – Кэлон приподнимает подбородок, испытывающее глядя на меня. – Взамен на небольшую благодарность с ее стороны.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты и сам прекрасно понимаешь, Нуриэль. И если она согласится, ты еще раз убедишься, что перед тобой обычная шлюха. А потом мы решим, что с ней дела...

– Решать буду я, Кэлон. Не ты, – резко обрываю я жреца. Жажда мести, ревность и гнев полыхают во мне адским пламенем. – И тебя ждет наказание, ты посягнул на то, что принадлежит мне.

Я покидаю харим Кэллона, одержимый одной единственной мыслью. Мандиса обманула меня, оказалась такой же вероломной сукой, как и другие доступные похотливые шлюхи. А невинное личико – всего лишь искусная маска. Я мог жениться на ней... Если бы она не обратилась ко мне сегодня со своими нелепыми гнусными обвинениями, чтобы поквитаться со своим любовником, я бы так и не узнал, какая она на самом деле. Мое уязвленное мужское эго требовала немедленного удовлетворения. Я хотел растоптать ее, унижить. Удушить собственными руками, но прежде получить то, чем успел насладиться Кэлон. Я не даю себе времени на то, чтобы охладить пыл и сразу направляюсь в спальню девушки. Я врываюсь внутрь, готовый растерзать предательницу, но, когда вижу ее сидящей на кровати в центре просторных покоев с понуро опущенными плечами и распущенными по плечам волосами, стирающей слез с бледных щек, моя уверенность на мгновение гаснет, вызывая к здравому смыслу. Но когда Мандиса встаёт мне навстречу, поднимая бездонные блестящие глаза, заставляя себя улыбаться через силу, я напоминаю себе, что она лишь искусная актриса.

– Ты принял решение? – робким тихим голосом спрашивает девушка, опуская ресницы. Я обхватываю пальцами ее подбородок, заставляя взглянуть на меня.

– Нет. Не до конца, но ты можешь помочь мне принять его быстрее, – произношу я, тяжело дыша и глядя на ее губы. Отгоняя прочь образы, в которых эти губы изощрённо ласкают тело другого мужчины, наслаждаясь процессом.

– Как я могу помочь... – растерянно спрашивает Иса, поднимая на меня невинный взгляд.

– Я думаю, ты догадываешься, как именно заставить мужчину пойти ради тебя на убийство, – резко смеюсь я рваным смехом, наблюдая, как в распахнутых глазах Исы, появляется страх. Я отпускаю ее лицо, и, не сводя с нее пронзительного взгляда, медленно снимаю с себя рубашку, бросая на пол. Она начинает мелко дрожать, пытаюсь отойти в сторону.

– Нет. Ты неправильно меня понял, Нур, – отчаянно восклицает Мандиса, отступая назад, но я хватаю ее за плечи, и грубо швыряю на кровать, нависая над ней всем телом.

– Покажи мне, какой неправильной и испорченной ты можешь быть, девочка, – рычу я, удерживая ее запястья над головой, и лишая возможности сопротивляться. Резко развожу ее ноги коленом, прижимаясь к ней бедрами. Иса начинает иступлено биться подо мной, поняв характер и внушительность моих намерений. Болезненное возбуждение заставляет меня быть грубым, но я и не собирался церемониться с ней.

– Отпусти меня! Нуриэль, зачем? Великий Ори покарает тебя, что ты делаешь! Хватит! Мне страшно! Ты пугаешь меня! – рыдает девушка.

– Sent`s tantare sherisa, Mandisa¹. Признайся, ты позволяла ему то, что никогда не позволяла мне? – свирепо рычу я, обхватывая ее скулы пальцами и жадно впиваюсь в приоткрытые в немом крике губы.

Что-то с силой ударяет в окно, распахивая ставни, вырывая меня из нахлынувших воспоминаний. Я вскидываю голову. Ветер с воем врывается в спальню, обдавая меня своим прохладным дыханием. Я закрываю глаза, чувствуя, как ветер шевелит мои волосы, ненадолго отрезвляя разгоряченную голову. И я пытаюсь понять, как черная магия способна была заставить меня творить подобные бесчинства. Как я мог так слепо верить Кэлону и позволять манипулировать мной, играть с моими мыслями так, как было выгодно ему. Почему любовь к Исе и шепот подсознания оказались слабее воздействия Кэлона? Моя голова взрывается от безжалостных воспоминаний, врывающихся в мое сознание, веками находящееся во власти чужой воли. Но мне еще предстоит вспомнить самую шокирующую часть истории, трагический финал, произошедших в ту страшную ночь событий. И я не уверен, что готов к этому.

Сейчас я должен думать о настоящем и готовиться к походу в зачарованные владения Миноры. Нас ждет безжалостная битва, но, когда на твоей стороне истина, не страшно погибнуть. Меня пугает совсем другое. Что я не успею, не успею исполнить клятву, данную Актавии тысячелетия назад у ее смертного одра.

Мандиса

Я прихожу в себя уже на знакомом мне сыром камне, пропитанным грязью и плесенью. Заставляю себя опереться на руки, закованные в наручи, и преодолевая боль и тяжесть в мышцах, сажусь, опираясь спиной на холодную стену. Я по-прежнему голая, и меня охватывает настоящая паника, когда я вижу капли крови на своих бедрах. Сглатываю ком, образовавшийся в горле, и пытаюсь смириться с тем, что произошло, но не могу... не могу, черт возьми.

Это все не со мной.

– Ты не будешь плакать. Не будешь... – тихо выдыхаю я, ощущая, как все тело сотрясается от пронзительного воя, эхом отлетающего от стен. Я слышу его будто со стороны, не сразу понимая, что он принадлежит мне. Мучительные спазмы сдавливают грудную клетку, и я не могу остановиться, без остановки рыдая и плача, надрывая пересохшее горло. Жмусь к ледяной стене, и, проклиная эту мерзкую тварь, пытаюсь освободить хотя бы одно запястье от наручей. Все бесполезно. Один из них прикован цепью к стене, несмотря на то, что бежать мне итак некуда. В Обитель Миноры легко попасть, и почти невозможно отсюда выбраться, до тех пор, пока хозяйка сама не соизволит отпустить пленницу.

Как же я ненавижу эту тварь, видит Ори... моя рука не дрогнет, когда я заставлю ее сгореть от моей силы.

Почему я такая слабая и безвольная? В словах Миноры, о том, что Ори создал нас слишком мягкими, есть доля правды. Ведь знаю, что никогда не смогу использовать свою силу для нападения. Элейн подарила мне ее для защиты.

¹ Ты же хочешь, чтобы я сделал тебя своей, Мандиса.

Не знаю, сколько еще часов проходит, пока я жалею себя, рассматривая новые шрамы на своем теле. Спина горит огнем, и холодная стена даже немного успокаивает нанесенные кнутом раны. Мне безумно хочется помыться прямо сейчас, но подобная процедура светит мне лишь раз в неделю. Примерно. Я давно потеряла счет времени.

Я все потеряла...

Я совсем забыла о Мии. Я так и не видела свою соседку, с тех пор, как Минора в последний раз забрала меня на очередную пытку. Но тревожные вопросы о том, что же случилось с девушкой, мучили меня совсем недолго: через несколько часов или дней, дверь крошечной темницы распахнулась, и один из стражей жрицы закинул в эту мрачную тюрьму очередное «тело», в котором я не сразу признала безупречную красавицу Тенею. Жену Нуриэля.

Девушка не кричала, не плакала. Лишь нервно озиралась по сторонам и кусала распухшие губы. Большие глаза Тенеи, стали моим собственным отражением ужаса, который испытала и я, в первые дни пребывания здесь. Девушка нервно теребила подол своего роскошного платья, предназначенное для светского приема, но никак не для темницы, и поначалу все время молчала, как бы я ни старалась с ней заговорить.

Я понимала ее состояние. Она в шоке, и не может понять, что все, что происходит с ней – правда. Возможно, на нее напали неожиданно, или вовсе утащили из теплой постели. Как Нур допустил это? Он теряет уже вторую свою женщину, свою жену, черт подери... как же тогда он управляет страной?

Мое сердце сжимается, наполняясь болью и невероятной тревогой за Элиос.

– Это все правда? – спустя несколько дней нарушает молчание Теня, притрагиваясь к незатейливому «завтраку» – той самой холодной каше, на которой я сижу уже несколько месяцев. – Мне это не снится? – тихо всхлипывая, бормочет она.

– Да, – просто отвечаю я, обнимая свои колени руками, проводя кончиком пальца по зажившему, но безобразному шраму на ноге.

– Принцесса Мандиса... ты... ты выглядишь... так... – не в силах подобрать слов, Теня с опаской оглядывает меня с головы до ног, и вновь поднимает взгляд к моему лицу. – Мне очень жаль.

– Со мной все в порядке, – безжизненным голосом отзываюсь я, стараясь не напугать Тенею своим собственным отчаянием еще больше. – Как ты сюда попала? Теня, расскажи мне что-нибудь. Что происходит в Элиосе?

Глаза Тенеи округляются, и даже мне передается ужас и страх, застывший в ее тревожном взгляде.

– Как нам отсюда выбраться? – отвечает она вопросом на вопрос, пиная тарелку с остатками каши в сторону. – Я не смогу здесь. Я не смогу. Я уже столько пережила... Кэлон сотворил из меня чудовище, Мандиса. Нур... отвернулся от меня, когда узнал правду.

– Что все-таки произошло, Теня? – напрягаясь всем телом, я требую ответов. Не знаю, как у меня вообще хватает сил на этот разговор, но в глубине души я рада, что Теня наконец пришла в себя, и готова раскрыть карты.

– Я... так виновата перед своим мужем. Я так люблю его, Иса. И я поддалась искушению... перед жрецом так трудно устоять. Это было как наваждение. Пелена. Животная похоть. Мне так больно... – ее голос срывается, прекрасное лицо девушки замирает в гримасе отвращения. Она кладет правую руку на область сердца, и возводит голову к потолку.

– Тебя насильовали? – тихо спрашиваю я, надеясь, что не сильно давя на самое больное.

– Нет, – виновато качает головой девушка, вскинув на меня печальный взгляд. – Кэлон сделал так, чтобы я сама... сама хотела всех этих мужчин. И мне нравилось, принцесса Мандиса... это так ужасно. Не принадлежать самой себе. Они приходили в мою спальню, и я словно выключалась... получая удовольствие... – даже в темноте, я замечаю, как Теня заливается стыдливым румянцем. – Я не хочу вспоминать об этом. Я всегда любила только Нуриэля. Он

выбрал меня, девушку благородных кровей, а меня смешали с грязью. Выбрал, для того, чтобы я стала его женой, и матерью его наследников... я была женой Правителя, а теперь, кто я? Никто. Все эти месяцы он даже не разговаривал со мной. Не смог простить, понять, как бы я ни объясняла... ему просто было противно. Противно прикасаться ко мне, после стольких рук... В голове что-то замкнуло. Я поняла, что больше не могу так жить, и решила покинуть дворец. Жить, как отшельница. Начать все заново. Подождать, пока плохие времена не закончатся. Они поймали меня у ручья... а потом я очнулась здесь, – заканчивает свой рассказ Теня, пряча свое лицо в ладонях. Тело девушки вздрагивает от беззвучных рыданий, и я словно снова вижу саму себя со стороны.

– Мне очень жаль, Теня, – тихо отвечаю я, не зная, как успокоить девушку. Я не могу ей пообещать, что все будет хорошо, что мы выберемся отсюда. Я сама уже не верю в эти бессмысленные аффирмации.

– Что сейчас происходит в Элиосе? – через какое-то время я снова нарушаю молчание.

– Нуриэль не справляется. Элиос переживает свои худшие времена. Хаос, восстания, убийства. Войны Нура погибают. Без Кэллона Нуриэлю не справиться с Минорой и Греймом. Боги отвернулись от нас, Мандиса. Даже ты, наша избранница и надежда, исчезла... многие давно считают тебя мертвой. Кто-то считает трусихой, которая сбежала и оставила свой народ... люди все больше отворачиваются от Ори, его храмы горят, в то время, как мятежники возводят храмы Саха. Один из сильнейших темных жрецов мертв, но это не значит, что нет и других... таких, как Минора и Кэллон.

Сжимаю кулаки, слушая рассказ Тенеи. Минты считают меня трусихой. Считают, что я оставила их. Черт, зачем я вообще побежала тогда к зеркалам Креона? Зачем? Будь я рядом со стражей и Нуриэлем, Минора бы не добралась до меня.

Я хотела убедиться в том, что он жив. Глупая, влюбленная в предателя женщина.

– Неужели это конец...

– Ты пыталась выбраться отсюда? – Теня с надеждой смотрит на крошечное окно под потолком, через которое проникает слабый солнечный свет.

– Это невозможно, – перевожу взгляд на тяжелую цепь, которая фактически приковывает меня к стене темницы.

– Так было всегда? Все восемь месяцев? – мое сердце пропускает удар, когда я слышу ужасающую правду.

– Что? Восемь месяцев? – сильным голосом переспрашиваю я, ощущая, как леденеют ноги. – Я надеялась...

– Восемь. Всего восемь месяцев хватило, чтобы люди окончательно потеряли надежду. Все ресурсы уходят на армию Нуриэля, из-за этого и страшные восстания, которые уносят сотни невинных жизней. Владения Грейма по-прежнему являются бесконечным источником ресурсов, но... вход туда закрыт магией.

– Каким пересечением управляет Грейм? – напрягая память, стараюсь вспомнить, как выглядит еще один душегуб.

– Я никогда там не была, Мандиса. Но помню герб этого пересечения. Сверкающие башни: высокие, достающие до облаков, – пожимает плечами Теня. – Мандиса, я не протяну здесь и месяца! Я не смогу...

– Мы выберемся, Теня, – слабым голосом уверяю я, стараясь улыбнуться. Даже боюсь представить, как теперь выглядит моя улыбка... простое соблюдение гигиены, такое, как чистка зубов – теперь непозволительная роскошь для принцессы Элиоса.

Теня что-то говорит мне, но я сама не замечаю, как проваливаюсь в сон. Теперь сны – это единственное место, где я снова могу стать свободной, где снова могу стать собой... конечно, если мне не снятся кошмары. Какое это счастье – просто закрыть глаза, и представить, что

я на опушке леса, у небольшого ручья с кристально чистой водой. Вдыхаю аромат амет, над которыми летают пучеглазые стрекозы...

«— Она на тебя похожа. Эта стрекоза. Такая же большеглазая и вечно жужжащая.» – во сне, Кэлон из воспоминаний поворачивается ко мне. Голубые глаза, обманчивые и такие манящие, вспыхивают дьявольским блеском, когда он меня дразнит. Я просыпаюсь, ощущая жжение на лице, из-за потока очередной порции слез, связанных с дорогим сердцу воспоминанием.

Даже не хочу вспоминать о том, что было в пещере. Безумие. Огонь. Похоть. Нежность. Любовь... я думала, что любовь.

Может Минора права, и я придаю близости слишком большое значение? Черт, сейчас это вообще неважно. Мне просто необходимо найти в себе самые светлые воспоминания, чтобы пройти через этот кошмар, и сделать для своего народа хоть что-нибудь.

Когда я просыпаюсь, Тенеи уже нет в темнице. Не сомневаюсь, что Минора будет использовать ее для тех же целей, что и Мию... и меня совсем скоро тоже.

Черт бы подрал эту мразь. Извращенка, отродье Саха. Теня возвращается без сил, вся в синяках и ссадинах, напуганная до смерти. Зрачки расширены, дыхание учащенное – я понимаю, что девушка пока не осознает реальность, находясь под воздействием чар Миноры. Страшно представить, что она пережила вновь, и как стыд и чувство вины будет пожирать ее изнутри, когда она придет в себя.

Не знаю, сколько еще дней я провожу в мучительном ожидании очередной сессии пыток. Минора казалось, «забыла» про меня, а стражи, вместо каши вдруг начали приносить более-менее приличную еду. Но я все равно не притрагивалась к деликатесам – организм за долгое время просто отвык от полноценного питания. Меня тошнило от одного вида и запаха пищи.

Теня, по большей части, молчала и плакала. Я понимала ее состояние, и даже не знала, как помочь девушке. От любых разговоров, заходящих в тупик, она рыдала еще сильнее.

– Минора показывала мне видения, Мандиса, – наконец заговаривает со мной Теня, вернувшись с очередной встречей с темной жрицей.

– Какие? Будущее? – лязгая цепью, я придвигаюсь к ней поближе, чтобы расслышать тихий голос девушки.

– Прошлое, Мандиса. Она показала мне... Нуриэля... и его... с одалами. В купальне. Их было так много. И он... он был жесток с ними, Мандиса. Груб. Я не знала, что мой муж может быть таким, – медленно качает головой она. – И я не хотела верить в то, что он неверен мне. Я была такой наивной, и всегда думала, что одалы нужны ему для поднятия самооценки, ведь он клялся, что занимается любовью только со мной... я хочу умереть, Мандиса, – голос Тенеи срывается, и она снова начинает всхлипывать и задыхаться.

Ее слезы напоминают мне о моей боли, о предательстве Кэллона. За что они так с нами? Они нам нож к сердцу, а мы готовы на все ради своих любимых. Несправедливо. Неправильно. Даже в Элиосе прошли времена, когда мужчины совершали подвиги ради своих женщин, любили и заботились о них.

– Тише, Теня. Мне... – протягиваю свободную руку, в надежде успокоить девушку.

– Тебе не жаль, Мандиса! – вдруг резко обрывает меня Теня, вскинув на меня свой оскорбленный взгляд. – Я слышала его слова о тебе в день суда. Да только я думала, что ты нужна ему ради власти. А теперь сомневаюсь... – ее голос снова понижается до шепота. – Я так запуталась. Но теперь уже ничего не имеет значения.

– Не говори так, Теня. Мы должны верить, надеяться. Кто-то обязательно придет за нами... – конечно, я давно не верю в свои слова, но не нахожу другого ответа. Надежда умирает последней.

– Минора может убить меня, Мандиса. Она периодически устраивает показательные казни на площади перед своим дворцом, чтобы держать в страхе тех жителей, которые планируют сбежать.

– Но куда?

– Куда угодно. К Элиму, или за пределы Элиоса... она убьет меня, Иса, – Теня обхватывает себя за плечи, кидая на меня полный боли и отчаяния взгляд.

– Теня, нельзя сдаваться. Я протянула здесь восемь месяцев, продержусь и годы, если этого потребует спасение.

– Не будет для меня никакого спасения, Мандиса. Каждый раз, когда я покидаю темницу, я думаю, что больше никогда тебя не увижу, – Теня нервно потирает кольцо на безымянном пальце. Она перехватывает мой взгляд, и, поджимая губы, поясняет:

– Обручальное кольцо. Мой талисман. Семейная реликвия.

– Оно принадлежало Актавии? – по моему телу разливается тепло, когда я вдруг вспоминаю женщину, которая отчасти заменила мне мать, несмотря на то, что это невозможно.

– Да, – кивает Теня и вдруг резко снимает кольцо, заглядывая мне прямо в глаза. – Я хочу... попросить тебя кое о чем. Ты же не откажешь девушке, стоящей на пороге смерти в последнем желании?

– Мне кажется, что ты не единственный человек в этой комнате, который стоит на этом пороге, Теня.

– Минора не убьет тебя Мандиса. Ты нужна ей живой, и глупо думать иначе.

– О чем ты хочешь попросить?

– Я хочу... – немного напрягаюсь, когда Теня подается вперед и протягивает мне незащелкнутое кольцо. – Хочу, чтобы ты отдала его Нуриэлю, когда выберешься отсюда. И просто скажи ему, что я любила его. Всем сердцем. Несмотря на боль и измену. И я не хотела... предавать его. Я хотела подарить ему замечательных наследников, но мы не успели, – дрожащими губами умоляет девушка, раскрывая мою ладонь.

– Но я не знаю, куда мне положить его, – непроизвольно сжимаю руку в кулак. Теня отвечает мне обиженным и растерянным взглядом.

– Мандиса, пожалуйста. Меня скоро не станет. Позволь уйти, зная, что Нуриэль услышит мои последние слова. Я умоляю тебя. Прошу, во имя Ори...

– Сохрани его, – просит Теня, оставляя кольцо на мокром камне. В эту же секунду мы обе вздрагиваем, услышав знакомый стук каблуков. Кажется, на этот раз Минора решила проведать нас лично.

Не проходит и минуты, как входная деревянная дверь распахивается, и на пороге я вижу эту чертову мразь, в окружении своих верных псов.

– Развлекаетесь, мои крошки? – расплываясь в притворно ласковой улыбке, Минора разглядывает меня, и я автоматически прикрываюсь руками, вскидывая подбородок.

– На этот раз, забери меня, – слетает с моих губ, прежде чем я успеваю обдумать подобное предложение. Должно быть, я спятила окончательно.

– Неужели соскучилась по боли? Или решила подружку свою защитить? Какое благородство, принцесса Мандиса. Жаль, его никто не оценит, – Минора взмахивает рукой, без слов приказывая страже схватить обессиленную Теню. – За тобой я приду очень скоро. И поверь. Я готовлю для тебя грандиозный сюрприз. Настоящий пир, о котором ты и не мечтала, – подмигивает жрица, покусывая кровавого цвета губы.

– Ненавижу тебя! Ты сгниешь, мразь! – рычу я, и делаю резкий рывок в сторону жрицы, но цепи вновь сковывают мои движения. – Черт!

– Сладких снов, маленькая рия. Ну а я пока развлекусь с женой глупца-правителя. И кстати, сюда она больше не вернется. Нас ждет особое представление сегодня, и оно называется: казнь, – хихикает Минора, прежде чем закрыть за собой дверь.

Следующие полчаса я обсыпаю ее новой порцией ругательств, пока не пропадает голос. Я беру в руки кольцо, оставленное Теней, и не верю в то, что девушка больше не вернется за ним. Не верю... надеваю его на средний палец, понимая, что не могу отказать ей в просьбе.

Слава Богу, кольцо обычное, без всяких камней, которые обычно приносят одни проблемы. Откидываясь на стену, я наблюдаю за причудливыми узорами, вспыхивающими на серой стене. На долгие мгновения я погружаюсь в очередной сон, и снова теряю счет времени, не замечая, как обретаю долгожданный покой.

Я даже уже не чувствую боли, и знаете... это плохо.

Это значит, что я умираю.

Глава 3

Нуриэль

Главы Пересечений прибыли в храм Арьяна в неполном составе, как и предполагалось из-за раскола на две противодействующие коалиции. Это первое совместное заседание глав после суда над Кэлоном и исчезновения принцессы Мандисы. Перед храмом, на широкой площади собралась огромная толпа минтов, ожидающих принятия долгожданного решения, которое сможет изменить нестабильную ситуацию в Элиосе, положить конец волнениям и смуте. И обращаясь к Главам Пересечений, я слышу рокот толпы, выкрикивающих призывы к решительным действиям, требующих возвращения Избранной Ори, о которой гласит Предсказание.

Из прямых потомков Семи Правителей в живых до настоящего времени остался только я, но несмотря на значительное преимущество перед остальными, моя власть больше не является абсолютной и неоспоримой. И я вижу заметное охлаждение по отношению ко мне со стороны собравшейся правящей элиты. И народ тоже утратил веру в меня. И этому предшествовало немало причин. Но в моей власти сейчас, сегодня изменить мнение о себе, как о жалком одержимом Сахом трусе, предавшем свой народ и пустившем черных жрецов на земли Элиоса. И под влиянием Кэлона я дал им власть, благодаря которой они сейчас убивают минтов и устраивают резню на границах, сжигают поселения тех, кто не принимает их веру, воздвигая храмы Саху и разрушая те, которые были построены во имя служения Светлому Богу, Великому Ори.

Много тысячелетий назад я доверил управление пересечениями каждому из светлых магов, которые пришли сегодня решать судьбу будущего Элиоса. Амис – глава первого пересечения с супругой. Риам – второго, Руан – третьего, Элим – шестого, а Гебор – седьмого. Некоторые из них были избраны повторно, когда их предшественники уходили из этого мира по своей воле или насильственно, или по призыву Светлого Ори. Но я, Элим и Руан – правители, которые не сменялись с самого основания Элиоса. Мы видели всю историю становления цивилизации после страшного крушения Минтаки, собственными глазами. И, когда я беру право голоса и оглашаю свою речь с призывом начать совместный военный поход на враждебные территории Пересечений Миноры и Грейма, они с напряженным вниманием вслушиваются в каждое сказанное мной слово, пытаясь принять решение, исходя из своих интересов. Я знаю, что Элим на моей стороне, но я должен заручиться поддержкой остальных Глав. Только вместе мы сможем искоренить черную магию Саха и изгнать его последователей с земель Элиоса. После стольких неудач и потерь, после бесчисленного количества загубленных жизней и разорённых городов, я понимаю сомнение, отображающееся в глазах собравшихся по моему призыву правителей. Никто не хочет идти сам и вести за собой своих людей на неминуемую гибель.

– Я знаю, о чем вы думаете. Каждый из вас! – громогласно произношу я. – Вы любите Элиос, любите свои города и земли, за которые отвечаете. Не передо мной. Нет. Но перед Великим Ори. Только он держит судьбу Элиоса в своих руках. Я всего лишь проводник его воли, как и все вы. И я знаю, сколько времени, трудов и сил вложено в строительство городов, храмов и поселений. И, как и вы, я хочу видеть каждое Пересечение развитым и процветающим. Я хочу, чтобы на землях Элиоса воцарился мир, гармония и процветание. Но для достижения этой благородной цели мы вместе должны уничтожить угрозу, которая сеет хаос и несет смерть в наши дома. Я говорю о черной жрице Миноре и Грейме. Я знаю, о чем Вы сейчас думаете. Кто же наделил жрицу и мага, служащих Саху, властью? Кто позволил им творить бесчинства на землях, которые никогда не должны были принадлежать темному Богу? И вы правы в своем негодовании. Вы правы в своей ярости. Я готов держать ответ за свои преступления. У вас была возможность казнить меня вместе с Кэлоном Креонским, который долгие годы держал

мой разум под своим черным влиянием. Вы думаете, я хотел этого? Или имел выбор? Жрец вошел во дворец, как лекарь. Он должен был спасти мою жизнь, но цена оказалась слишком высока. Кэлон поработил мой дух и сознание. Я был под воздействием чар. И если вы считаете, что неспособность оказать ему сопротивление – преступление. Судите меня. И у вас уже была такая возможность. Но вы дали мне шанс. Каждый из вас, кто проголосовал за то, чтобы я остался Правителем Элиоса. И сейчас, стоя перед вами, с открытой душой и сердцем, я снова прошу поверить в меня. Да, я до сих пор не сделал ничего, что могло бы убедить вас в том, что, дав мне шанс, вы не ошиблись. Я понимаю, почему, вообще, получил его. Мы стали свидетелями чуда, увидели Избранную Ори, которая согласно Пророчеству, должна спасти Элиос от тьмы и привести наш мир к процветанию и величию. Я пообещал вам, что буду ее надежным плечом, тем, кто поможет Избранной Ори исполнить ее предназначение. И не сдержал обещание. Принцесса была похищена прямо из дворца, а я не смог ее защитить. Но я знаю, как вернуть Мандису, потому что мне известно имя той, что посягнула на Избранную Ори. И если мы все вместе выступим единым сплоченным фронтом против Миноры и разобьем полчища послушников Саха, освободив земли Элиоса от их тлетворного влияния, мы сможем освободить Избранную из плена черной жрицы. Мы должны объединиться, как это бывало в светлые времена Минтаки и победить врага, уничтожить его раз и навсегда. А я, как ваш Правитель, пойду впереди. Я буду сражаться плечом к плечу с предводителями и рядовыми воинами. И если мне суждено будет погибнуть, я верю, что вы доведете начатое праведное дело до конца и освободите ту, что принесёт всем нам спасение. – Я делаю паузу, чтобы перевести дыхание и обвожу застывшие лица Глав Пересечений. Потом обращаю свой взор к статуе Ори, возвышающейся над всеми нами и опускаю голову в молитве. Все собравшиеся присоединяются ко мне. Мы просим благословения и помощи в принятии верного решения у Великого Ори. В храме и на площади перед ним воцаряется благословенная тишина, которая внезапно нарушается громким хлопаньем крыльев птицы. Открыв глаза я, как все находящиеся в храме и на площади, вижу спускающегося с небес Феникса, рассекающего воздух огромными крыльями.

– Сам Ори подает нам знак, прислав в помощь птицу принцессы, – произносит Элим, не сводя взгляд с крупной птицы, зависшей прямо над сводами Арьяны, и взирающей на нас зорким мудрым взглядом.

И когда через несколько мгновений я перевожу взгляд на Элима, замечаю, как он едва заметно кивает со слабой улыбкой на губах.

– Сколько у нас времени на подготовку? – подает голос Руан.

– Неделя, – отвечаю я. – Медлить нельзя.

* * *

Ночь, перед военным походом на земли черной жрицы и Грейма, я провел без сна, в своих покоях. Я мысленно молил Светлого Ори придать мне сил, смелости и мудрости пройти это испытание до конца, даже если я не вернусь живым из логова Миноры. Я просил Бога придать мне твердости, бесстрашия и уверенности, и оставить мое сознание ясным и не замутившимся, неподвластным чарам жрицы и ее любовника. И я впервые не сомневался в том, что следую верным путем – первый и, может быть, последний раз в своей жизни.

Меня не страшит смерть, боль и пытки, которым подвергнет меня Минора, если сможет захватить живым. И то, и другое я заслужил сполна. И поражение для меня – это не сокрушение армии, которую я веду за собой и не потеря жизни, как таковой. Это не война со своими страхами или чувством вины, или показательная попытка вернуть расположение народа и укрепить свои позиции, а нечто совсем другое. Я ощущаю на своих плечах груз ответственности за судьбу всего Элиоса. И даже, если не я оказался Избранным, о котором говорит Проро-

чество Оминуса, я именно тот, кто должен вернуть Мандису, которой предрешиено спасти наш мир. И поэтому, я не имею права завтра потерпеть поражение.

Тот, кто сражается на стороне добра за истину и любовь, всегда на шаг впереди. Он сильнее своей верой, и именно она придает ему силы в борьбе. На нашей стороне численное превосходство, наши люди обучены и вооружены, но в противостоянии с черной магией этого может оказаться недостаточно, чтобы получить преимущество в ходе боя. Еще до рассвета маги напишут на лицах каждого воина защитные руны, помогут какое-то время сдерживать темную энергию последователей Саха, с которыми нам предстоит столкнуться в битве, от исхода которой зависит многое, если не все.

Все последние дни, пока велась подготовка к военному походу, Феликс Мандисы неустанно кружил над храмом, словно подгоняя нас, иногда исчезая на несколько часов и возвращаясь снова, и чем ближе был роковой час, тем неистовее била крыльями птица, тем громче становился ее неистовый леденящий душу крик, который разносился над площадью. И это означает только одно – Мандиса в опасности. Нам нужно спешить.

Мандиса

Иногда мне кажется, что наши сны – это реальность. Параллельный, тонкий мир, в котором время течет иначе, изменяется до неузнаваемости, а границы сознания расширяются в несколько раз. Мне бы хотелось верить в то, что, осознавая себя во сне, мы просыпаемся в другой жизни, и играем несколько ролей одновременно. Именно в этом я ищу утешение для своей израненной души. Мне хочется верить, что там, в плену своих грез, фантазий, и умирающей надежды – я счастлива. И я свободна.

Запомните этот момент, как запомнила его я. Момент, когда у меня еще есть мечты, непоколебимая вера в спасение. Я думала, что хуже, чем сейчас, быть не может... но к сожалению, я ошиблась.

В очередной раз вырвавшись из объятий Морфея, и очнувшись на сыром полу темницы, я кладу руки на живот, ощущая внутри легкие, незнакомые мне вибрации. Это чувство нельзя назвать приятным, оно похоже на сгусток тока, покалывающего внутренности, но ощущение того, что оно появилось не просто так, наполняет мое сердце тревогой.

Я пытаюсь встать, ощущая слабость в атрофированных и затекших мышцах, и постоянно падаю, царапая ладони о жесткий камень.

Что-то во мне изменилось. И дело не только в том, что мне стало теплее, как будто организм вновь начал генерировать энергию, а в том, что я заметила, как на моем теле стало значительно меньше порезов и ссадин. Такое чувство, словно я спала несколько месяцев. Не удивлюсь, если это правда.

Даже изувеченная кнутом спина перестала гореть от боли, несмотря на то, что подвергалась еженедельным пыткам почти год. Нечто подобное уже случалось со мной. Магическое исцеление. Тогда мне помогла Фелика, и я очень сильно сомневаюсь в том, что птица случайно залетала во владения Миноры, для того, чтобы спеть для меня пару своих песен.

Изменения на содранной до крови коже, кажутся мне жутко подозрительными, но черт возьми... я не могу не радоваться тому факту, что мое тело, возможно, еще подлежит восстановлению. А потом вспоминаю о том, что пустоту в душе едва ли заменит прежнее, красивое отражение в зеркале и снова жалею себя, сжимая кулаки, задыхаясь от немого бессилия.

Сглатываю ком в горле, ощущая слабый привкус крови на языке. Я не знаю с чем связаны новые, болевые ощущения в районе шеи, но на всякий случай проверяю состояние кожи наощупь. Кто знает, насколько сильно я обезумела здесь за восемь месяцев, и не пыталась ли придушить себя голыми руками? Я уже ничего не понимаю. Кто я, что я, и зачем существую. Состояние, как после бурной вечеринки. В последний раз я ощущала подобное, когда тусова-

лась с Оуэном и его друзьями, или в момент клинической смерти. Я бы многое отдала за обезболивающее лекарство, за маковое зернышко опиума, которое бы избавило меня от навязчивой боли в голове. Непонятного, странного гула и тумана, которого не было, когда я засыпала в последний раз, после того, как темная жрица увела Тенею. Каждый нерв натянут до предела, завязан в тугой узел, который не развязать силой мысли. Со мной происходит что-то странное, и я должна выяснить, что... и к какому такому «сюрпризу» готовит меня Минора.

Прикосновение кончиками пальцев к губам приносит мне новую порцию ужаса и непонимания. Они какие-то другие. Распухшие, словно от поцелуев... так бывает только после долгих и добровольных ласк с любимым человеком. Черт возьми, что произошло со мной, пока я спала? Или я себя накручиваю, и мое тело просто приходит в норму, восстанавливаясь во сне, пока Минора оставила меня в покое?

Усилием железной воли я не даю отчаянию проникнуть в мое сердце, а страху овеять его удушливыми корнями. У меня нет повода переживать. На моем теле нет следов от новых увечий, а жрица вряд ли протянула хотя бы неделю без своих кровавых сессий. Всем известно, что, уродуя тела женщин, Минора забирает их молодость и красоту. Энергия рии – своеобразный наркотик для темных жрецов, вызывающий привыкание с первой дозы.

Я пытаюсь ходить по темнице, передвигаюсь из угла в угол, чтобы побороть онемелость в застывших мышцах. Замираю на месте, прислушиваясь к голосам, доносящимся из коридора. Желудок делает сальто, когда я слышу крикливый визг Миноры и осточертелый манерный смех, возвещающий о том, что эта гадливая тварь уже совсем близко.

Набрав в легкие побольше воздуха, инстинктивно скрещиваю руки на груди, в жалкой попытке защититься от неминуемой угрозы. Тяжелая цепь давит на кости запястья, норovia вот-вот переломать их, но мне уже плевать на боль – мой взор устремлен на деревянную дверь без ручек. Мгновение, и она распаивается. Знакомый холодок щекочет область затылка, пока я с вызовом смотрю в глаза темной жрицы, давая ей понять, что сегодня не стану легкой добычей.

– Ну до чего хороша, – с сарказмом восклицает жрица, оглядывая меня с ног до головы. – Как твои дела, моя рия? – ухмыляется мерзкая гадюка, демонстрируя мне свои белые зубы и насыщенный винный оттенок на губах. – Тебе ничего странного... не снилось? Сладко спалось, девочка? – нужно быть полной идиоткой, чтобы не расслышать в последней фразе тонкий намек жрицы, только вот на что?

Черт, я не дам ей застать меня врасплох. Не дам смутить и позволить вновь показать свою слабость.

– Нет, – слегка вскидывая голову, резко отвечаю я. Не могу остановиться, переходя в нападение. Давно я не чувствовала в себе такой жгучей ярости, прилива внутренних сил. – Что, пришла отвести меня на очередную сессию своих изощренных пыток? Что ж, давай. Еще раз убедимся в том, что в них нет никакого смысла. Тебе не сломать меня, – у меня дыхание перехватывает, когда перед мысленным взором вдруг вспыхивает лицо Кэллона, а внутри звучат слова, которые он сам мне внушил. – Я бессмертна, Минора.

– До поры, до времени, – мягко кивает жрица, обескураженная моим поведением. – Чудная фигурка. Тебе не мешает поправиться, Мандиса. Как ни крути, ты нужна мне живой. Поэтому сегодня, ты приглашена на вечеринку, которую я устраиваю в честь Грейма. На днях, моя Обитель потерпела очередное нападение со стороны Руана, но мой друг оказался таким же кровожадным, как и я. Все воины Руана уничтожены, разве это не повод для веселья? Вот тебе и сюрприз, Мандиса, – по-матерински ласковым голосом успокаивает меня эта ненормальная женщина, за секунду преодолевая расстояние между нами. Минора привычным жестом обхватывает лицо двумя ладонями, с пристальным вниманием заглядывая в мои глаза. Тут же отпрянув, как от удара током, она делает несколько шагов назад, потирая костяшки пальцев. – Кажется, в маленькой рие снова проснулось пламя. Ты набралась сил, за то время, пока я тебя не трогала. Это хорошо, Мандиса. Я бы не хотела, чтобы мои гости увидели тебя в прежнем

состоянии... что ж, жду тебя на празднике. Отметим глупость Правителя и его союзников. Судя по тому, что ты все еще здесь, исход нашей войны очевиден, милая. Я очень долго была к тебе жестока, но сегодня, я хочу, чтобы ты привела себя в порядок. Приняла ванну, переоделась, расслабилась, – миролюбиво напевает жрица, нежно мне улыбаясь. При этом ее взгляд остается холодным, полным жажды выпить меня до дна, немедля отнять силы и покончить с бесполезной тратой времени на строптивую рию. – Мои псы проводят тебя и...

– Я никуда не пойду, Минора. Я не собираюсь участвовать в пире смерти, который ты организовала. Ты убиваешь невинных людей. Ты калечишь жизни целых семей, просто так, ради своего удовольствия! Дети теряют своих отцов... в чем они виноваты, в чем?! – Мой голос предательски дрожит, когда я вспоминаю заботливые улыбки отца и матери.

– О Великий Сах, как я смею? Какая я плохая и нехорошая, Мандиса. Да что ты знаешь о смерти? О потере? О настоящей несправедливости и жестокости, – саркастическая улыбка вдруг стремительно сползает с лица Миноры, и впервые в жизни, как на дне черных глаз темной жрицы, искрится живая, неподдельная боль, на веки спрятанная за семью печатями. – Что ты знаешь обо мне, глупая рия, чтобы осуждать мои поступки? Думаешь, я одержима таким банальным чувством, как власть, милая? Ох, поспешу тебя расстроить, Мандиса, и наконец, донести до тебя простую истину: этот мир – грязен и жесток. Такова его природа. И у меня были причины нарушить заповеди Ори.

– Я думаю во всем мире не найдется ни одной причины, которая дает тебе право убивать невинных, – стальным голосом прерываю ее монолог я.

– Когда-то эти «невинные» убили моего сына! – одарив меня взглядом озлобленной волчицы, выплонула Минора. – Ты ничего не понимаешь, глупая девчонка. Смерть твоих родителей... я могу предположить то, что это больно. Но ничто не сравнится с болью, которую испытала я, когда прижала к груди своего посиневшего, бездыханного, крохотного сына. Ему не было и года, когда войны Эридана бесчеловечно придушили его, пока я спала. Эридан был глупцом, ведомым Правителем и свято верил в пророчества Богов и в их игры! Это было давно. До рождения Нуриэля. Одна из рий, Мирелла... она обладала даром, сродни моему. Однажды, эта светлая тварь предостерегла Правителя своим идиотским пророчеством о том, что темный жрец изменит судьбу его будущего сына, и погубит весь народ Элиоса. На следующий день, Эридан приказал убить всех младенцев, детей жрецов, что поклоняются Саху, чтобы устранить угрозу. Что ты на это скажешь, Мандиса? По-твоему, только я устраиваю пиры смерти?! Видишь, как мало у нас отличий. У темных и светлых. Разница лишь в том, что мы не лицемеры, которые замаливают свои грехи перед Богами. Мы не оправдываем наши поступки, и смело смотрим в лицо своим порокам. Ничто не вернет мне моего маленького Кейна, Мандиса. Даже сам Сах не способен вдохнуть в него новую жизнь, – на мгновение Минора отводит взгляд в сторону, а я только сейчас замечаю, как меня колотит, от только что услышанного.

Проникнуться состраданием к своей мучительнице – что может быть хуже? Темница превращается в размытое мрачное пятно, пока я сдерживаю подступившие к глазам слезы. Проходит всего пара секунд, и гримаса боли, искажающая идеальные черты лица жрицы, исчезает.

Кажется, Минора только что продемонстрировала мне свое слабое место, да только мне от этого не легче. Я еще не стала матерью, и не знаю, уготована ли мне судьба стать ею... но, то, каким голосом жрица рассказала о своем жестоко убитом сыне, тронуло меня до глубины души. Это никак не оправдывает количество убитых жертв на ее счету, но как женщина, как будущая мать, я прочувствовала каждую ноту боли в ее словах.

Когда-то она потеряла смысл жизни. И теперь она пытается его найти, или отнять его у всех, кто им обладает. Я не знаю. В конечном итоге все, чего хочет темная жрица – не возмездие, а саморазрушение.

– Впрочем, речь не обо мне, а о тебе, – Минора вновь поднимает на меня свой ядовитый взгляд и расплывается в искусственной улыбке.

– Твоя трогательная история ничего не меняет. Я не собираюсь принимать участие в том, что ты задумала. Лучше снова избежь меня до полусмерти, выверни душу наизнанку, да что угодно...

– Что угодно, Иса?! – вздрагиваю от щелчка ее длинных пальцев в воздухе. После призывного звука, из-за спины жрицы выходят двое мужчин, один из которых уже хорошо мне знаком... Август одаривает переполненным похотью и голодом взглядом, пока второй пес с любопытством рассматривает очертания моей фигуры. – Думаю, ты и сама понимаешь, чем закончится этот вечер, если ты будешь сопротивляться. Или тебе напомнить?

Напряжение в воздухе становится плотным, чертовски осязаемым, пока мы с жрицей ведем неравную борьбу испепеляющих взглядов. Победа снова на ее стороне, потому что, инстинкт самосохранения не позволяет мне добровольно согласиться на моральное грехопадение, и позволить этим мужчинам касаться меня.

Я на крючке у Миноры. Сейчас я лишь кукла и марионетка в ее руках, и мне остается только ждать помощи от того, кто сможет освободить меня от ее искусно сплетенных вокруг моей воли нитей.

– Пропади ты пропадом, – яростно выплевываю я, с ненавистью глядя в бледное лицо жрицы, лишенное морщин и других недостатков.

– Отлично. Уверена, Грейм будет доволен тем, что ты явишься. Он всерьез интересуется тобой, Мандиса. А я люблю радовать своих союзников приятными сюрпризами, – подмигивает Минора, приподнимая одну бровь. – Этим любовником я готова с тобой поделиться.

– Грейм? Радовать? Поделиться? – в который раз это имя заставляет мое сердце болезненно сжаться... не от страха, скорее от странного ощущения волнения в груди. Меня не покидает чувство того, что я хорошо знакома с Греймом... могла ли я знать его до того, как умерла впервые?

– Ладно, у меня больше нет времени на пустые разговоры. Мои псы проводят тебя в ванную, и на время освободят тебя от цепей, – по кивку Миноры, ее подданные направляются ко мне.

– Не трогайте меня! – сопротивляюсь я, ощущая, как мужчины дергают стальную цепь, рывком приближая меня к себе. – Не трогайте! – пытаюсь вырваться, несмотря на то, что они хотят снять с меня железные наручи.

– Заткнись, дрянь! – рявкает второй пес, снимая с меня мучительные оковы и бросая их на пол.

– Будь послушной девочкой, Мандиса, пока я не изменила своего решения, – вкрадчиво шепчет Минора, с удовлетворением глядя на стертые в кровь запястья. – Август, вы знаете, что нужно делать. Пусть ее подготовят бывшие одалы Кэллона. Те, что остались живы, разумеется. А мне здесь уже слишком жарко. Приятно знать, что огонь до сих пор при тебе, Мандиса. Мне стоит быть осторожной, ведь ты обещала сжечь меня заживо. Уже боюсь, маленькая рия, – заливаясь диким смехом, Минора резко разворачивается и исчезает в темном коридоре, оставляя за собой шлейф приторного аромата фрезий.

Я не дура, и понимаю, к чему все идет. Минора зачем-то специально «подлатала» мои раны... но для чего именно?

«Хлыст не убьет тебя, Иса. Ты, может быть, не знаешь, но я могу мучать тебя веками, вспарывая твою кожу и заживляя, чтобы снова приступить к экзекуции. Бесконечная агония, ты обезумеешь от боли. Хочешь этого, одала?» – память озаряют слова Кэллона, прозвучавшие в голове так четко и ясно, что я обернулась, но не обнаружила там того, кого до сих пор ищет мое сердце.

Мне показалось... будто он стоит за моей спиной. Словно он совсем близко.

Возможно, в этом и состоит план Миноры. Дарить надежду и забирать обратно. Исцелять и истязать вечность. До тех пор, пока я не предам народ Элиоса и не соглашусь отдать ей силу, которой она уничтожит всех, кто на меня рассчитывает.

Но сейчас я не хочу об этом думать. Удивительно, но я чуть ли не бегу по темным коридорам, предвкушая купание в горячей ванне. Вода не смоет той грязи, что оставили прикосновения жрицы и ее псов. Но напомнит мне о простых радостях, которые даны только свободному человеку.

Псы приводят меня в незнакомое мне крыло Обители. Большая часть пространства погружена в полумрак, а та, что озаряется светом напоминает мне обстановку Европейского храма, построенного в средние века. Остроконечные арки под высокими потолками заставляют меня почувствовать себя чертовски маленькой, по сравнению с величиим замка. Я бы могла назвать это место мрачно красивым, если бы не запах смерти, парящий в воздухе, проникающий в легкие с каждым вдохом. На стенах нет ни капли крови. Но ступая босыми ногами по мягкому ковру, я не могу избавиться от чувства, что иду по трупам и жертвам жрицы.

Как же я хочу выбраться из этого проклятого замка, ставшим для меня тесным замурованным склепом, из которого нет выхода. Только смерть.

– Мы будем следить за вами, – предупреждает меня Август, освобождая мои руки. Коротко киваю, осознавая, что уже никого не удивлю своим обнаженным телом. Приятного в моей наготе сейчас мало, но, когда я вижу купальню, почти до краев наполненную водой, весь воздух покидает мои легкие.

На дрожащих от бессилия ногах, я опускаюсь в воду по лестнице, и уже через пару мгновений, оказываюсь по пояс в чистой воде и пене, и медленно начинаю омыwać свои руки, предплечья, грудь. Грязь сходит с меня комками, меняя цвет воды, оставляя на ней кроваво-черные разводы.

Блаженство.

Но это только иллюзия. Исполнение последнего желания, перед казнью. Последний глоток воздуха. У Миноры есть план, и у меня нет сомнений в том, что я следую его правилам. Мне остается только гадать о том, что эта мразь для меня приготовила.

– Нам приказали ухаживать за вами, – не замечаю, как в купальню врываются одалы, когда я выхожу из воды. Не хочу думать о том, что большая часть из них ублажала Кэлону...

Я не чувствую себя чистой. Но по крайней мере моя кожа больше не покрыта слоем грязи, и я больше не чувствую запаха крови и своих загнивающих ран.

– Что? Нет. Не нужно, – напрягаюсь я, делая шаг назад, глядя на трех девушек с рыжими волосами, которых невозможно отличить друг от друга.

– Ты так уверена? – рычит за моей спиной Август, собирая мои волосы в хвост, и оттягивая их назад. – Делай, что тебе говорят, и не рыпайся. Наслаждайся моментом благосклонности Амадеи.

– Хорошо, – сжав зубы, бросаю я, и встаю перед зеркалом, по-прежнему стараясь не смотреть на свое исхудавшее тело. Я выгляжу лучше, чем в прошлый раз. Но это слабое утешение...

Следующий час я терплю прикосновения одал, порхающих вокруг меня. Они наносят пахнущие травами крема на мои раны, старательно втирают их в кожу. Лично мне все это напоминает процесс упаковывания «подарка», да только кому он будет предназначен? Что меня ждет на этот раз? Грейм... это имя не дает мне покоя, а ощущение того, что мы с ним знакомы ближе, чем я думаю, и вовсе не покидает ни на секунду.

Одна из одал берет меня за руку, чтобы втереть в запястья заживляющий крем. Мой взгляд скользит по свежему красному следу, оставленному на предплечье. На вид, ему не больше двух дней.

Как это возможно...

Пытаясь унять разбушевавшееся беспокойство в груди и утихомирить гул сердца, я погружаюсь в свои воспоминания, пытаюсь собрать недостающие кусочки огромного пазла, под названием «моя жизнь».

– Мы отведем вас на праздник, – поясняет Август, вновь сцепляя руки за моей спиной.

– Что, боитесь, что сожгу вашу хозяйку? – язвлю я, с радостью отмечая, что волшебные мази одал сработали, и, несмотря на красноту в районе запястий, боль исчезла.

– Рей, ты слышал это? А пленница то с огоньком, – дергая наручники, рычит Август, намеренно причиняя мне боль.

– Жду не дождусь, когда смогу поразвлекаться с этой мышкой, – ухмыляется второй пес, так напоминающий мне Дага, что аж тошнота к горлу подкатывает.

– Зубы сломаете, – бросаю я, и, не обращая на их гогочущий хохот внимания, следую вперед. Огромные двери в конце одного из помпезных коридоров в готическом стиле распахиваются передо мной, так, будто я важная гостья, но это снова иллюзия. Мои руки зажаты за спиной, а легкое платье из голубого шелка, струящегося по обнаженной коже, делает меня «главным блюдом» этого вечера.

О Боже. Нет.

Стоит мне сделать только один шаг вперед, и оторвать взгляд от пола, как все внутри меня леденеет, даже сердце останавливается от парализующего ужаса. Мне хочется бежать из этого места, которое Минора обозвала «праздником». Мне хочется назад, в свою тесную темницу, где нет ни капли света. Пусть грязной, голой, израненной, лишь бы не находиться здесь.

Это не пир смерти, а маскарад похоти.

Отступаю на шаг назад, но верные псы жрицы намеренно грубо толкают меня вперед. Кулаки, прикованные к вспотевшей пояснице, сжимаются от отчаяния, бессилия и страха, проникшего в мою душу. Шум в ушах не заглушает ритмичных ударов абсолютно голых тел друг о друга, хриплых и диких стонов, что издают мужчины и женщины, заполняющие пространство огромного, светлого зала с высокими колоннами, с потолка которого свисают огромные балдахины от потолка до пола, расшитые золотыми рунами. Но вся эта красота меркнет на фоне предстоящего передо мной уродства и грехопадения. Я никогда не видела столько обнаженных мужчин, и еще больше женщин, бесстыдно предающихся страсти, сразу двум, трем, и более мужчинам. Я не могу на это смотреть, и замираю на месте, онемев, и задыхаясь от ужаса, но псы продолжают вести меня вперед.

Великий Ори, я все еще продолжаю надеяться, что Минора позвала меня сюда не для того, чтобы я приняла участие в ее отвратительной оргии. Всем своим видом я пытаюсь не выдать своего страха, и держать голову прямо, но нет... это, черт возьми, невозможно. Я на грани того, чтобы добровольно отдать ей свою проклятую силу. Какой смысл сопротивляться? Я не переживу, если она сделает со мной это.

Я умру. Я никогда не соберу себя по частям, если кто-нибудь из них дотронется до меня снова.

Кэлон. Он бы убил их всех и скормил бы их тела оранам, которые бы обглодали их плоть до костей, не жалея своих острых зубов. Кэлон бы убил всех псов, Грейма и Минору... а потом бы убил меня.

– Нет. Уведите меня. Умоляю. Прошу! – истошно кричу я, резко разворачиваюсь, и мой взгляд тут же падает на картину того, как трое мужчин грубо обращаются с одной из девушек, овладевая всеми ее отверстиями сразу. Желудок скручивает болезненный спазм, я нахожусь на грани того, что меня вот-вот стошнит вновь, когда я понимаю, что ей... ей это нравится. И вполне может быть, что она находится во власти чар одной гадкой твари, что направляется прямо ко мне.

– Нет, ты останешься здесь, – Минора протягивает мне бокал, который только что взяла с подноса проходящей мимо голой одалы и приоткрывает губы в ухмылке, удовлетворенно

глядя на мои заведенные за спину руки. – Иногда я забываю, что ты моя игрушка, а не гостья. Минора проводит рукой по своему черному, прозрачному платью, и меньше всего мне хочется смотреть на ее тело, покрытое безобразными ожогами, которые... оставила я.

– Узнаешь, рия? Мне здорово от тебя досталось тогда. Кажется, пора заплатить по счетам, Иса, – Минора прикасается к моей шее, и снова одергивает ладонь. Бокал с красным напитком падает из ее рук, и она отступает назад, прикасаясь ладонями к своим скулам.

– Оставлю тебя с Греймом. С главным героем этого вечера. Прости, не буду знакомить вас снова, – Минору подхватывает на руки один из мужчин, и она заливается озорным смехом. Смехом из моего воспоминания о самом ужасном дне рождения в моей жизни, когда увидела ее над своим мужчиной. Опускаю взгляд на свои ноги, не понимая, радоваться ли мне тому, что меня еще не изнасиловали или ждать чего-то еще хуже? Пытаюсь абстрагироваться и мысленно перенестись в другое место, пока из оцепенения меня не выводит подозрительно знакомый голос, на который мое тело реагирует мгновенно.

– Ты здесь, – охрипший, пропитанный масляными нотками голос, заставляет меня вздрогнуть и поднять голову. Грейм перехватывает мой взгляд, и на один гребаный миг, я утопаю в удивительно синих глазах, с зелеными вкраплениями по всей радужке. Мне сейчас не до оценки мужской внешности, но я уверена в том, что маг искусственно вызывает во всех женщинах такую реакцию «залипания». Откуда я знаю, что он маг, черт возьми? Почему его острые, словно вылепленные вручную черты лица, кажутся мне слишком знакомыми? Не могла же я его на суде запомнить. Вспоминай, Мандиса. Вспоминай!

Я хочу ответить Грейму, но теряю дар речи от острой головной боли, согнувшей меня пополам. Она похожа на ту, что овладела мной, когда Кэлон пролистал все мои воспоминания о земной жизни. Невыносимая, пульсирующая боль. И значить она может только то, что мой разум сопротивляется чарам и хочет вспомнить нечто важное, но магия блокирует воспоминания.

– Мы переходили на «ты»? Еще один предатель. Ты сгниешь вместе с Минорой, – яростно заявляю я, радуясь тому, что Грейм удосужился одеться, оставив обнаженной только часть тела выше пояса.

– Полегче, принцесса, – Грейм расплывается в хитрой улыбке, и окидывает меня плутоватым взглядом, от которого каждый волосок на моем теле встает дыбом. Неприятное чувство. Я не понимаю, почему он разговаривает со мной так, будто мы хорошо знакомы. – Ты в порядке?

– Ты больной или притворяешься? – ничего не понимая, перехожу в наступление я. – Я пленница и меня насильно приволокли в это жуткое место, которое не вызывает у меня ничего, кроме приступа тошноты! Только пальцем меня тронь.

– Ого, – густые брови Грейма слегка приподнимаются. – Тише, принцесса Мандиса. Я думал, что мы обо всем договорились. И хорошо провели время, разве не так?

– Хорошо провели время? – охрипшим от удивления голосом, переспрашиваю я, замечая, что Грейм смотрит на меня с нежностью и вождедением, или это его синие глаза, заставляют всех женщин так думать. – О чем ты, черт подери?

– Ты такая милая, когда ругаешься на другом языке, Мандиса. И еще более милая, когда притворяешься, что между нами ничего не было, – Грейм опускает голос до шепота, вплотную приближаясь ко мне. Сглатываю, ощущаю близость и жар мужского тела... но мое собственное тело способно ответить только одному мужчине. И он уже мертв.

– Что ты несешь такое, предатель... – выдыхаю я, пытаюсь отступить, но поздно: Грейм обхватывает мою талию, рывком притягивая к своим каменным мышцам, но все эти махинации вызывают во мне лишь очередной приступ отвращения. Пытаясь избежать с магом зрительного контакта, я отвожу взгляд в сторону, и замечаю еще одно знакомое лицо, которое думала, уже

никогда не увижу. Теня одаривает меня ехидной, полной злобы улыбкой, и прежде чем увести за прозрачную вуаль одного из псов Миноры, машет мне рукой.

И только в этот момент до меня доходит масштаб предстоящего бедствия. Какая же я дура!

– К чему такое упрямство? Кажется, ты была не против некоторых моих прикосновений... И не только моих, – шепчет Грейм, обхватывая массивной ладонью мою грудь, через тонкое платье. Сукин сын. Подавляя в себе желание закричать, и наклоняюсь и буквально со всей дури вгрызаюсь зубами в его шею, чтобы хоть как-то защитить себя от лап недоумка.

– Убери свои руки! – кричу я, осящая, как крик застывает в горле, а время замирает.

Разум обволакивает алым туманом, в котором вспыхивают звезды, окрашивая непроглядную пелену в черный цвет. Полнейшая темнота, затем череда нечетких, но ужасающих душу картинок наполняют разум. Мне не впервые терять сознание, выходить за пределы времени и пространства, и каждый раз это чувство ставит меня на колени, заставляя слезы души, пролиться с дрожащих ресниц. Мне кажется, что мое тело полностью обездвижено, или это я заперта в клетке своего сознания, брошена с камнем на самое дно. Я не удивлюсь, если умерла снова, но долгожданный покой не приходит.

Я просто устала. Устала быть игрушкой в чужих руках. Устала от того, что не могу сама управлять своей жизнью, душой и телом.

Калейдоскоп неясных кадров заканчивается тем, что я лежу посреди маленькой комнаты с множеством зеркал, которые отображают отрывки из моих воспоминаний, и, глядя в одно из них, ловлю взгляд Кэлона. Сердце плачет по погибшей мечте.

И она у меня была. Такое простое, приземленное, женское счастье. Быть женой, быть матерью, а не Правительницей, возложившей на свои плечи непосильную ношу. Всему этому не суждено сбыться. И кажется, что нет слова страшнее, чем «никогда». Еще секунды, и я будто срываюсь с обрыва и стремительно падаю вниз.

В себя я прихожу резко, слыша со стороны надрывный крик и собственный плач, рвущийся из вздрагивающей от нехватки дыхания и удушливых спазмов, груди. Голова кружиться, меня бросает то в жар, то в холод.

Я не сразу понимаю, что произошло, и лучше бы не понимала... омерзительный запах ударяет мне в ноздри, я смотрю на свои дрожащие руки, покрытые синяками и царапинами, и разодранное в клочья платье. Нет, этого не могло произойти...

– Нет...нет...нет... – как мантру повторяю я, задыхаясь и крича, снова и снова, царапая каменный пол, обламывая до крови ногти. Мне так плохо, что кажется, что очередной крик разорвет мои легкие. Запах крови и спермы, прилипшей к моей коже, наполняет все пространство вокруг меня, всю меня. Запах стыда, боли и унижения. И только, когда на меня лавиной обрушивается вся, пережитая в бессознательном состоянии боль, я понимаю, что произошло. Нет.

Не со мной.

Они не могли так со мной поступить... Ори, за что? Разве мне было мало? Скажи... разве мало?

Мой взгляд лихорадочно скользит по погруженному в мертвую тишину залу. Никаких звуков и стонов, спектакль окончен, маскарад похоти утонул в багровых реках. Я не понимаю, как все еще способна соображать, и идентифицировать лица... замечаю упавшую замертво, изогнувшуюся в неестественной позе Теню.

Меня тошнит прямо на пол, в лужу чей-то крови, потому что следующей жертвой, которую я замечаю, является... голова. Одна голова Миноры, с распахнутыми черными глазами, устремленными прямо на меня и ее искажившееся гримасой ненависти и злобой лицо. Вздрагиваю всем телом, и меня тошнит снова, когда я замечаю остальную часть ее тела, буквально

выпотрошенную внутренностями наружу. Мелкая дрожь овладевает моим телом, когда я понимаю, что именно вышло из моего желудка и горла, которым изрядно попользовался мужчина. Не один мужчина.

Я даже боюсь представить, кто этот «мясник», убивших всех в этом зале, и что он сделает со мной... Грейм? Это Грейм? Это он все подстроил... сам Сах в человеческом облики.

Заслышав медленные шаги, я начинаю ползти в сторону, сама не понимая куда, зачем и от кого. Зачем? Пусть лучше он убьет меня.

Пожалуйста.

– Замри, – и этот голос... стрела, за мгновение пробивающая сердце. Замирающая в нем, ядовитая. Голос, который узнаю из тысячи. Нет... только не он. Нет, он не может увидеть меня такой! Даже если это предсмертная галлюцинация, пусть он уйдет... пожалуйста. Губы открываются в немом вопле, но он зажимает мой рот пальцами, резко дергая на себя. Я что-то нечленораздельно мычу в его ладонь. Сильные руки безжалостно хватают меня за шею, сжимая вокруг кольцо пальцев, и я начинаю хрипеть, ослепленная болью, задыхаться, отчаянно пытаюсь сопротивляться, царапая кисти его рук, дергаясь в жестоких руках своего палача, как пойманная, приговорённая к быстрой смерти жертва. Измученное сознание приходит мне на выручку, отправляя меня обратно – в спасительное забвение, в тьму, в безвремие.

Глава 4

Нуриэль

На границе пересечения Миноры объединённым войскам, которые я возглавлял, пришлось сделать вынужденную остановку. Нас окружала ужасающая кровавая картина, смотреть на которую без содрогания не могли даже самые крепкие и закаленные в бесчисленных боях воины, повидавшие немало жестоких кровопролитий. Мы замерли в потрясении, задохнувшись от омерзительного удушающего смрада смерти, пропитавшего все вокруг, стремительно проникающего в поры кожи и одежду. Зловещая тишина, нарушаемая только криком стервятников, прилетевших, чтобы полакомиться обилием падали, которые облепили изуродованные останки погибших воинов черной жрицы. Тысячи выпотрошенных обуглившихся тел, расчлененных, обезображенных, с отсутствующими конечностями, были хаотично разбросаны по покрытой бурными пятнами земле, пропитавшейся кровью убитых в неравном сражении. Мне хватило беглого взгляда, чтобы оценить случившееся, но объяснения тому, что я увидел, найти оказалось гораздо сложнее. Ни один опытный воин, закаленный в боях, или даже черный жрец, не был способен сотворить подобное с многочисленной армией. Не было никаких свидетельств присутствия противодействующих отрядов. Создавалось впечатление, что воинов Миноры застали врасплох и перебили почти мгновенно. Все тела убитых были обращены в ту сторону, откуда пришли мы, но у многих даже мечи из ножен не были вынуты. Они не успели предпринять ни единой попытки защитить себя. И словно насмешкой над развернувшейся тут безжалостной бойней была невероятная чистота небесного полотна над нами, сеющего свет семи вращающихся планет на мертвые неподвижные останки тел, поедаемые падальщиками.

– Тот, кто это сделал, пришел не сражаться, а убивать, – произнес я, оборачиваясь в сторону Руана, который, как и Элим, выступал на первом рубеже наших подготовленных и вооружённых до зубов, обеспеченных магической защитой, многочисленных отрядов. Они рвались в бой, но, видимо, сражаться сегодня будет не с кем. Фелика, сопровождающая нас на протяжении всего похода, с громким кличем взмыла ввысь, рассекая воздух огромными крыльями, и направилась в сторону подпирающих небо остроконечных башен белоснежного дворца черной жрицы, который был настолько же прекрасен, насколько омерзительной была ее душа.

– Даже представить не могу, что за зверь мог сотворить подобное, – в потрясении покачал головой Руан, удерживая брыкающегося, облаченного в латы коня. Животным, как и людям, было сложно находиться в самом эпицентре безжалостного побоища, вдыхать вонь обезображенных обожжённых тел. Несмотря на то, что погибшие были врагами, я не могу не думать, что никто, абсолютно никто не заслуживает подобной гибели.

– Когда мы были здесь в прошлый раз, по периметру всей границы тянулась непроходимая стена из белого пламени, – продолжает Руан. – Многие мои люди получили смертельные ожоги, когда пытались продвинуться на земли жрицы. Я столько раз терпел поражение в этих местах и чудом оставался жив, но такого никогда не видел. Воинов разорвали на части. Это не мог сделать ни человек, ни даже целая армия.

– Надо продвигаться дальше, к замку. Минора могущественная жрица и сильная. Возможно, она смогла защитить стены дворца. – Подает голос Элим, и я ощущаю, как холодок пробегает по спине от ужасного предчувствия и охватившего меня внезапного страха. Если кто-то или что-то явилось уничтожить Минору, без малейших затруднений растерзав армию жрицы, то и Мандиса тоже в опасности.

– Ты прав. Нужно торопиться, – произношу я, натягивая поводья, направляя черного породистого скакуна вперед. От отвратительного запаха я стараюсь вдыхать, как можно реже, голова начинается кружиться, но я уверенно команду войскам следовать за мной.

– Ты видишь, Правитель? – окликает меня Элим, и, поравнявшись, показывает на ровные круглые отверстия в земле с насыпью вокруг, разбросанные на разном расстоянии друг от друга, и незамеченные мною сразу из-за месива человеческих тел, поедаемых стервятниками.

– Да, но пока не понимаю... – бормочу я, вглядываясь в черные дыры в земле. – Когда Дагон проглотил черного жреца прямо с места казни и снова скрылся в земле, то оставил подобное кольцо. – Полосы на земле... Видишь? – мое сердцебиение усиливается, глухо ударяя в грудную клетку, когда я прихожу к неутешительному выводу. – Это Дагоны, змеевидные и умные твари Саха.

– Сах решил свести счеты со своей верной жрицей? – усомнился Руан.

– Возможно она пошла против его воли, или слишком много возомнила о себе. – Предполагаю я. – Неважно, что, в конечном счете, послужило причиной. Нам нужно торопиться. – Пускаю коня в галоп, и предводители армии вместе с войсками двигаются за мной. Топот копыт и лязг доспехов перекрывают все остальные звуки. Ветер бьет в лицо, охлаждая разгоряченную кожу, и унося с собой запах смерти. Полосы, оставшиеся от тел рептилий, заканчиваются ровно там, где лежат последние растерзанные тела воинов.

– Дагоны не прошли дальше, – произношу я, оборачиваясь на Элима.

– В данном случае уместнее сказать: не проползли, – отзывается маг.

– Не вижу повода для шуток, – резко осаживаю я белого мага и снимаю шлем, когда мы подъезжаем к первому поселению. Двери и окна полукруглых жилищ плотно закрыты, ни одной живой души в округе. Город словно вымер. Ни птиц, ни животных, ни людей – зловещая тишина. Видимо, перепуганные разразившейся бойней минты, попрятались в своих домах, и теперь не скоро высунутся на улицу.

Но чем ближе мы подходим к замку жрицы, тем тяжелее становится у меня на душе. Страх и тревога за жизнь Мандисы усиливаются, приобретая реальные образы и пугающие картинки, одна за другой мелькающие перед воспаленным взглядом. Я чувствую, как болезненно сжимается сердце, замирая, и в следующее мгновение уже несется вскачь, разливая горячую кровь по венам. Оживленные разговоры воинов становятся тише, и их снова, как и на границе, охватывает суеверный ужас. Дорога ко дворцу проложена между отвесной скалой и широкой рекой, разделяющей Пятое и Четвертое Пересечения, вымощена ровными плитами, но, тем не менее, передвигаться по ним оказалось не так-то просто. Лошади спотыкались и брыкались, издавая возмущенное ржание, не желая слушаться приказов своих наездников, словно чувствуя, что мы ведем их в самую червоточину логова ведьмы. Подъем к холму, на котором размещался дворец, не был крутым, но занял гораздо больше времени, чем требовалось.

– В землях Грейма тоже побывали Дагоны, – погруженный в тяжелые мысли я не сразу реагирую на слова Элима, обращенные ко мне. Вздвогнув, я вскидываю голову и смотрю в указанную магом сторону. Мы находимся гораздо выше уровня реки, и отсюда отлично просматриваются земли черного мага. Вдоль прочерченной широким водным разделом границы, я вижу точно такие же чернеющие отверстия в земле, как те, что мы видели ранее. Весь берег реки усыпан телами убитых, над которыми кружит стая ненасытных падальщиков. Мрачное и тяжелое зрелище даже для меня, прошедшего сотни и тысячи кровопролитных войн. Я отвожу взгляд, сглатывая образовавшийся в горле комок. Во рту появляется отвратительный привкус.

– Какого Саха тут происходит, – мрачно обращаюсь я сам к себе. Запрокидываю голову вверх, заметив над самым высоким шпилем башни Феникса Мандисы. Прикрыв глаза ребром ладони от слепящего глаза света, я неотступно слежу, как крупная птица поднимается еще выше и скрывается за лиловыми облаками. Резкий приступ боли сдавливает виски, в ушах раздается пронзительный звон, и я крепче хватаюсь за поводья, с трудом удерживаясь в

седле. Закрываю глаза, чувствуя, как в сознание длинными щупальцами пробирается черный туман воспоминаний, который снова, как на костре сожжёт мою душу, и безжалостно воткнет в сердце острый кинжал. Я боялся приоткрыть последнюю завесу и это случилось. В самый неподходящий момент.

– *Отпусти меня! Нуриэль, зачем? Великий Ори покарает тебя, что ты делаешь! Хватит! Мне страшно! Ты пугаешь меня!* – рыдает девушка.

– *Sent`s tantare sherisa, Mandisa*². Признайся, ты позволяла ему то, что никогда не позволяла мне? – свирепо рычу я, обхватывая ее скулы пальцами, и жадно впиваюсь в приоткрытые в немом крике губы. В какой-то момент, Мандиса сдается и перестает активно сопротивляться, я с триумфальным рыком атакую ее рот, пока она в бесплодных попытках остановить меня, царапает мою спину.

– *Нуриэль!* – раздается оглушительный голос черного жреца, ворвавшегося в покои. Я вскидываю голову, глядя на него одурманенным взглядом, собираясь прогнать прочь. Какого Саха он явился. Разве не видит, что я занят важным делом, не терпящим отлагательств, с маленькой потаскушкой. Как и обычно, при приближении жреца, я испытываю дискомфорт и энергетические вибрации его силы, понижающие окружающее пространство. Я пропускаю тот момент, когда мощная фигура жреца оказывается рядом с нами. Взгляд Кэлона, черный, мрачный, свирепый, заставляет меня окаменеть на какое-то мгновение, поддавшись влиянию властных жестких глаз. Я слышу в своей голове его пронзительный голос, приказывающий отпустить Мандису, оставить ее в покое раз и навсегда. Забыть о ней, стереть из памяти, избавиться от наваждения и желания обладать рыжеволосой огненной рией. Но я продолжаю крепко удерживать застывшую под собой в ужасе девушку, не собираясь так просто отдавать ту, что должна принадлежать только мне. Мне одному. Жрец, не спуская с меня магического пробирающего под кожу взгляда, медленно поднимает руку, ладонью вперед, и мощной волной чужеродной энергии меня отбрасывает в сторону. Факелы в стенах начинают мерцать и гаснут. Грудную клетку охватывает обжигающая боль, по коже бегут искрящиеся вспышки, сжигая мелкие волоски и заставляя содрогаться всем телом от неприятных импульсов. Каждая попытка пошевелиться приносит невыносимые страдания. Кэлон словно накинул на меня невидимую энергетическую сеть, блокируя любое движение. Я ослеп на какое-то время, потеряв контроль не только над своим поверженным с такой легкостью, одним взмахом руки жреца, телом, но и над окружающей реальностью. Душа словно на мгновение покинула тело, вырванная, выброшенная чужой волей, и спустя какое-то время вернулась обратно.

– Ты заплатишь за это, – шиплю я, снова ощущая в себе силы. Молниеносным движением Кэлон с невероятной силой хватает меня за горло, беспощадно сжимая пальцы. Его взгляд болезненно и мощно ударяет в меня, снова лишая возможности к сопротивлению. Я чувствую тяжелое неравномерное биение собственного сердца, перед глазами расплывается багровый туман, и я начинаю хрипеть от удушья. Мне кажется, что я слышу голос Мандисы, умоляющей Кэлона отпустить меня. Открыв глаза, я смутно различаю свирепое лицо жреца, склонившегося надо мной и все сильнее сжимающего пальцы на моем горле. За его спиной мелькают рыжие локоны Принцессы, отчаянно бьющей кулачками по могучим плечам Кэлона. Я понимаю, что ее действия бесполезны, бессмысленны. Есть только один способ остановить его. И я мысленно умоляю ее воспользоваться им. И мой немой крик услышан. Мандиса делает это.

Хватка на моем горле ослабевает мгновенно. Кэлон отпускает меня и с нечеловеческим рыком оборачивается к принцессе. Я вижу следы ее ладоней, выжженные на его шее.

² Ты же хочешь, чтобы я сделал тебя своей, Мандиса.

– *Obsena!*³ – рычит Кэлон, резко взмахивая левой рукой и словно невесомая пушинка, Иса неуловимо и молниеносно врезается в стену, преодолев в воздухе внушительное расстояние. – Ты сняла браслет? – спрашивает он рококоцим голосом. Не сводя неистового взгляда с девушки. С трудом поднявшись на ноги, я пытаюсь что-то сказать, но поврежденные голосовые связки отказывают мне.

– Какого Саха, Иса? Так хочешь стать одалой Повелителя? – свирепо рычит он. И теперь уже ее горло оказывается во власти его сильных пальцев. Мандиса пытается освободиться, и снова оставляет обожжённые следы на его запястье. Кэлон с шипением одергивает руку.

– Отвечай! Ты хочешь в харим Правителя, Иса? – повторяет он, изрыгая гнев и пламя. Все пространство комнаты наполняется искрящейся энергией, заставляющей факелы то гаснуть, то неистово полыхать.

– Мне все равно, чьей шлюхой быть. Я только хочу, чтобы Нуриэль сдержал слово и убил тебя. Чтобы ты исчез с лица земель Элиоса, чтобы ты сгорел заживо, исчадие Саха, – сквозь слезы яростно кричит ему Иса, и он со всей силы залепляет ей пощечину, откидывая в сторону, а потом стремительно направляется ко мне.

– Хватит, Кэлон. Твоя ярость не обоснована, – прочистив горло, хрипло, не скрывая своего негодования, произношу я. – Ты сам отправил меня к ней. Ты хотел, чтобы я взял ее тело взамен на лживые обещания.

– Все еще хочешь ее? – с презрением спрашивает Кэлон, взглядом показывая на рыдающую, сжавшуюся на полу в разорванном платье, Мандису. И снова посылает мне мысленные образы, где рыжеволосая красавица соблазняет его, принимая откровенные позы и нащепывающая общения того, какое блаженство подарит ему и то... как она выполняет свои обещания. Сладострастные, развратные движения стройного обнаженного тела, ее губы, сжимающие возбужденную плоть чёрного жреца, и сдавленные стоны, которые он издает при этом, удерживая ее голову и ускоряя движения бедрами – я вижу все так детально, словно нахожусь с ними в одной спальне.

«– Мне нравится, что ты такой неутомимый, Кэлон. Я постоянно думаю только о том, когда мы окажемся вдвоём, и я смогу почувствовать, как ты входишь в меня снова и снова. Ты тоже этого хочешь? Скажи, что я не одинока в своей одержимости?» Ее слова, произнесённые чувственным шепотом, раздаются в моей голове и выжигают невидимые взгляду шрамы на моей груди. Я смотрю на Мандису и больше не испытываю ни малейшего сострадания. Я ненавижу ее. Ненавижу всем сердцем.

– Нет, не хочу, – с отвращением бросаю я, и встречаю ее полный боли потрясенный взгляд. – Но она займет место одал в моем хариме. И будет обслуживать моих гостей.

– Нет, Нур. Не слушай его. Он лжёт. Каждое его слово... – она ползет ко мне на коленях, отчаянно всхлипывая, но Кэлон кладет мне руку на плечо, и проснувшееся было сострадание, и жалость, мгновенно растворяются, оставляя место холодному пренебрежению.

– У меня есть идея получше, Правитель. Мандиса – рия. И она обладает даром, которого нет у других. Если сама Элейн покровительствует Принцессе, то, возможно, она именно та, кого мы ищем.

– Предлагаешь положить ее на алтарь Саха? – спрашиваю я, напряженно. Меня не смущает, что я не испытываю отторжения или неприятия от его слов. И я даже улавливаю некий смысл в предложении Кэлона.

– Она заслужила наказание за свое распутство. Рия просила тебя убить твоего поверенного, верного друга, в надежде скрыть правду о нашей с ней связи и стать твоей женой.

³ Прим. минтакийский язык – с*ка, дрянь.

Как ты можешь знать, что завтра она не обратится с подобной просьбой к кому-то другому, но уже по отношению к тебе?

– Но Мандиса – принцесса, она рия, которая принадлежит моему дому, дому одного из Семи Правителей, и я не уверен, что знания о Асписе может хранить именно ее душа. У нас есть время и другие кандидатки. Может пройти еще несколько столетий, прежде чем придет ее очередь. А пока я вдоволь поиграю с ней, и ты тоже можешь присоединиться, – с кривой усмешкой бросаю я, глядя на дрожащие плечи принцессы.

– Правитель, рано или поздно, этот выбор все равно встанет перед тобой. – Потемневший взгляд Кэлона вбивается в мое сознание, забираясь в самые потаённые его участки. Я рассеянно отмечаю, как черные символы древних заклинаний начинают двигаться под его кожей, которая тоже приобретает пепельно-серый оттенок. Зрачки Кэлона расширяются, и из них на меня смотрит сама бездна. – Вопрос в том, скольких мужчин она еще успеет ублажить и настроить против друг друга прежде, чем все закончится.

– Нет, Кэлон! Нет! – кричит Иса где-то совсем близко.

– Я все сделаю сам. Харим не место для принцессы. Мы скажем, что она сбежала с любовником. Такое бывает. Ты даешь мне свое согласие?

Я слышу надрывный плач Мандисы, но не могу посмотреть на нее, скованный взглядом жреца, который с лёгкостью читает каждую мою даже самую спонтанную случайную мысль.

– Я согласен, – сам не понимаю, как произношу приговор принцессе. Кэлон ухмыляется, разрывая зрительный контакт, и я испытываю тошнотворное головокружение и невероятную слабость. Меня шатает, и я опираюсь спиной на колонну, обессиленно прикрывая веки. Крики и мольбы Исы звучат словно издали, из другого пространственно-временного портала. Я не могу реагировать, безучастно пытаюсь удержаться на ногах и не рухнуть на колени от полного физического истощения.

Я не знаю, сколько проходит времени, но, когда Кэлон возвращается за мной, я вижу на его одежде кровь. Он смотрит на меня совершенно диким, черным, как бездна ада, взглядом.

– Я выполнил твой приказ, Нуриэль. Мандиса в чертогах Саха, – бесцветным, мёртвым голосом сообщает Кэлон.

– Аспис? – спрашиваю я глухо, делая неуверенный шаг вперед и стараясь не смотреть на бордовые пятна на рубашке и брюках жреца.

– Ее душа не обладала знаниями о древнем оружии. Она оказалась удивительно чиста в отличии от ее тела.

Мою грудь пронзает боль, когда до меня доходит весь масштаб случившегося. Мандиса... Золотая девочка, которая выросла на моих глазах. Черный жрец, тонко чувствуя вибрации боли, исходящие от меня, резко поднимает свой жуткий взгляд, от столкновения с которым я снова каменею.

– Нет смысла в раскаянье, Нуриэль. Забудь о случившемся, как о страшном сне. Ты принял решение, а я исполнил твой приказ. Мандиса исчезла для этого мира безвозвратно, как и для тебя, – произносит Кэлон глубоким и уверенным голосом. Мое дыхание замедляется под воздействием его воли. – Ты будешь помнить только ту часть событий, с которой сможешь жить дальше, – добавляет Кэлон, и я кричу в голос, падая на колени, и сжимая виски ладонями. Приступ дикой боли разрывает сознание на части, а когда кровавый туман рассеивается перед газами, я провожу по лицу руками и опустив взгляд на свои ладони... Вижу на них кровь. Дрожащими пальцами провожу по щекам, и понимаю, что это слезы...

– Нуриэль!? – голос Элима безжалостно вытаскивает меня из лабиринта воспоминаний, но на самом деле он спасает меня от безумия и боли. – Да что с тобой? – Я поворачиваю голову, встречая встревоженный взгляд мага.

– Я не знаю. У меня такое бывает, но обычно в темное время, когда Элиос погружается в сон, – отвечаю я хриплым голосом.

– У тебя кровь на лице, – произносит Элим, напряженно глядя на меня. Дотронувшись ладонью до щеки, я стираю влажные капли, и, подняв пальцы к глазам, вижу на них алую кровь. Это слезы по утраченной душе, которая только что окончательно вернулась в мое тело.

– Я в порядке, Элим, – тряхнув головой, отвечаю я. – Пора встретить врага лицом к лицу. Мы на месте.

Я первым въезжаю в раскрытые ворота дворца, где, как и на границе, стоит мертвая тишина. Но здесь нет смрада убитых тел, растерзанных жуткими тварями, созданными самим Сахом. Живописная красота сада, журчание фонтанов, пение птиц на деревьях с тяжелыми сочными плодами, пестрые насекомые, порхающие над яркими цветами, внушают мнимое ощущение умиротворения и покоя, но за всем этим красочным обманом я чувствую грядущую катастрофу. Если бы Минора была жива, мы не смогли бы войти внутрь. Проглатываю горький комок в горле, и, спешившись с коня, направляюсь во дворец, не оглядываясь назад, не слушая предупредительные крики Руана и Элима. Несколько мгновений, и я врываюсь в главный зал, который не раз посещал по приглашению жрицы. Я не хочу вспоминать, чем заканчивались все ее пиршества, но сейчас от моего желания мало, что зависит. Проснувшаяся совесть обладает собственным голосом и волей, она показывает мне, как далеко способен зайти одержимый тьмой человек.

Я ступаю по осколкам стекол, обрывкам одежды и остаткам блюд, которые подавали многочисленным гостям, вспоротыми трупами которых теперь усеян весь зал, с ужасом озираясь по сторонам. Прикрываю нос рукавом, чтобы не вдыхать тошнотворный запах порока, смерти и боли.

Пир проклятых – вот, что я вижу перед собой сейчас. Глухой стон срывается с губ, когда я замечаю среди разорванных на части тел гостей жрицы, ее саму. Колдовские глаза распахнуты в ужасе, словно она успела увидеть самого Саха, прежде чем он оторвал ее голову, и это выражение не смогла стереть даже смерть.

– Ори, нет, – стону я, когда моя взгляд останавливается на убитой Тенее, чье неестественно выгнутое нагое тело лежит рядом с другими окровавленными, сломанными, бесстыдно-обнаженными. Перевернутые столы, опрокинутые кубки, разлитое вино, смешавшееся с реками крови. И гробовая удручающая тишина, нарушаемая оглушительным биением моего сердца.

– Мы опоздали, – сквозь зубы произношу я, услышав за спиной шаги Элима. – Опоздали! – яростно срываюсь на крик, пиная один из золотых кубков. Отчаяние впивается в мой разум, наполняя гневом, которого я не испытывал даже в открытом бою.

– Стражники уже осматривают дворец. Если принцесса здесь, то мы ее найдем, – тихо подает голос Руан.

– Оглянись вокруг, – зло бросаю я. – Разве похоже, что кто-то может выжить в такой мясорубке?

Руан опускает голову, отводя взгляд. Никто из нас не верит в чудо, находясь в логове смерти. Мое сердце горит в груди. Никогда еще не чувствовал себя настолько беспомощным, проигравшим, жалким...

– Правитель, – окликает меня Элим. – По-моему, этот жив. – Добавляет он, показывая на вздрагивающее в конвульсиях мужское тело, с глубокими зияющими ранами на плечах и животе, из которых густыми струями сочится кровь.

В два шага я оказываюсь рядом с раненым и хватая его за темные волосы, резко запрокидываю голову вверх, вглядываясь в искаженное болью лицо.

– Это Грейм, – ухмыляюсь я, чувствуя, как в душе зарождается крошечная надежда. – Элим, ты можешь помочь ублюдку? Мне нужно, чтобы он мог говорить и не сдох раньше времени.

Белый маг приближается к нам, рассматривая черного мага. Внешне они мало чем отличаются. Высокие и мужественные, отчаянно защищающие каждый своего Бога и следующие его заветам.

Элим, не скрывая отвращения, закрывает ладонью глаза, бесшумно шевеля губами и обращая свой взгляд вверх. Очень медленно он убирает руку с лица Грейма и ведет ее вниз, поочередно прикасаясь к страшным ранам. Наблюдая за действиями белого мага, я не замечаю мгновенного чуда, которое бы подняло на ноги едва дышащего Грейма, но кровь из ран вытекает уже не так обильно, как раньше.

– Он протянет недолго, Правитель. Поэтому поспеши задать свои вопросы, – пренебрежительно вытирая ладонь о свою одежду, произносит Элим, отступая назад.

– Ты видел принцессу, маг? – снова дергая Грейма за волосы, спрашиваю я, требовательно и неумолимо глядя в синие прозрачные глаза. Потрескавшиеся губы кривит насмешливая улыбка, и многочисленные ранки начинают кровоточить.

– Я не только видел ее Правитель, она была главным угощением на празднике, который Минора устроила в мою честь. И мы все его попробовали.

Перед глазами мутнеет от ярости, которая полностью овладевает моим рассудком. Замахнувшись, я собираюсь одним ударом закончить жизнь черного мага.

– Нет. Остановись! – появляется из-за моей спины Руан, перехватывая мой кулак. Его взгляд обращен к самодовольному лицу Грейма. – Кто это сделал? Кто убил Минору и остальных?

– А вы еще не поняли? – хриплый рваный смех, срывается с его губ, и обрывается булькающим кашлем, струйка крови стекает с уголка губ, когда Грейм продолжает, обращаясь ко мне. – Твой старый друг постарался, Великий Правитель. Он забрал твою порядком попользованную принцессу, но, думаю, тебе не стоит ее искать. Я думаю, она уже отправилась в объятия Саха.

– Что за бред! – рычу я. – Кто? Имя!

– Кэлон, мой Правитель. Кэлон Креонский вернулся. Некоторых тварей Саха убить невозможно.

– Кэлон... – повторяю я, встречая такой же потрясенный взгляд Элима.

Глава 5

Кэлон

Сознание темного жреца не знает отдыха. Закрывая глаза, я не погружаюсь в сон, как обычные смертные. Мой дух блуждает по мирам, узнавая места, в которых я никогда не был, и им нет конца и нет начала. Хаос Вселенной....

Так было до того момента, как меня приговорили к казни, и изуродовав тело кнутом, покрытым смертоносными шипами, сожгли на площади перед ликующей толпой минтов, жаждущих смерти темного жреца. Мне казалось, что конец моего пути настал, и я не собирался сопротивляться воле Богов. Я не отвергал смерть, но и не приветствовал ее, а принимал, как данность. Она была лишь естественным исходом череды событий. И прожив тысячелетия в тесной телесной оболочке, я не раз пытался представить, каково будет утратить ее, обрести истинную свободу. Я много раз отпускал свой разум блуждать по другим измерениям, наблюдая за строением параллельных миров, набираясь опыта, питая дух новыми знаниями, которые потом мог использовать в своих целях. И мне казалось, что я готов к тому, что ждет меня за чертой.

Но я ошибся.

Мое время еще не настало.

Рожденный во льдах, я покидал этот мир в огне.

И возродился снова в холодных землях Креона.

«Ты умрешь, Кэлон. Твое тело сожгут, и даже Сах будет не в силах возродить тебя.»

Ты ошиблась, моя белокурая огненная девочка.

Я открыл глаза после долгих лун полного забвения, чувствуя, как в моих венах пульсирует жизнь и невероятная сила, в разы превышающая ту, что я с таким трудом сдерживал ранее. Это было мощное и в то же время тяжелое ощущение. Раны и ожоги исчезли с моего тела, словно я обрел новую кожу взамен старой. И даже следы ладоней Мандисы, мои любимые метки, не позволяющие забыть о ней, стёрлись, словно их никогда не было, словно вся моя прежняя жизнь была частью длительного сновидения.

Я очнулся в Креоне, в замке из черного камня, воздвигнутом на месте пещеры, в которой появился на свет. Величественном сооружении, являющимся редким и неповторимым произведением искусства, возвышающимся над секторами, разделёнными оледеневшими руслами рек.

Зеркальный двойник Элиоса. Семь Пересечений Креона, возглавляемые черными жрецами и магами.

Одна единственная мысль не давала мне покоя, пока я заново учился двигаться, ходить, говорить и контролировать циркулирующую внутри моего тела энергию – как мне удалось выжить и вернуться в Креон в прежнем облике? После ударов кнута, языков пламени, и ядовитой слюны дагона, поглотившего мое тело?

– Ты все узнаешь, когда будешь готов, – ответил Радон, хранитель врат Креона и мой отец, когда я смог задать свой вопрос вслух. Темный жрец, переживший всех Правителей Минтаки и ее крушение, он вместе со мной создал на оледенелых землях чёрный мир Креона, и никогда еще не покидал стен дворца, делая исключения только для посещения храма Риада, главного сакрального символа господства Саха в этих землях.

С каждым новым днем я чувствовал, как растёт моя сила, как прежняя темная сущность наполняет меня чёрной энергией ярости, проявляясь вспышками неконтролируемого гнева. Радон наблюдал за происходящими со мной изменениями с присущим ему отрешенным рав-

нодушием, и по-прежнему хранил молчание, когда я задавал ему вопросы, которые могли бы приоткрыть завесу тайны и объяснить, что со мной происходит.

– Если Сах вернул меня к жизни в прежнем теле, то почему я больше не слышу его голос? – спрашивал я, тщетно пытаясь открыть сознание и почувствовать влияние темного Бога.

– Ты еще не готов, – раз за разом упрямо повторял Радон, приводя меня в еще большую ярость.

Используя портал, я многократно перемещался в храм Риада, где прежде связь с Сахом и ментальное слияние с ним ощущались намного сильнее, чем в других местах. Но стоило мне подняться на последнюю ступень, я понимал, что лишился благословения темного божества, утратил связь с ним. И даже находясь в сакральном месте, я не слышал его голос. Закутанные с головы до ног в белые одежды Ариды (*служительницы Саха*), расступались передо мной, склоняя свои головы и опускаясь на колени, когда я подходил к алтарю, всматриваясь в застывшие черты Черной статуи Саха, пытаясь призвать его к ответу.

Но Бог молчал.

Вторая мысль, которая посетила меня после пробуждения, принадлежала огненной рие, которая стала причиной моей казни. Я не забыл данного ей обещания.

«Моя смерть ничего не изменит. И если я и сгорю заживо, то только от твоей руки, и ты это прекрасно знаешь. Начинай считать дни, Иса. До моего возвращения.»

И я собирался его исполнить. Война не закончена, раз я жив. Я вернусь в Элиос победителем и заберу ту, что принадлежит мне.

«Запомни свое будущее, Иса. Мое наказание будет долгим и мучительным, принцесса. Я обещал. За одно прикосновение к другому, ты заплатишь часами агонии. И она не всегда будет сладкой...»

Но, когда я поделился своими планами с Радонем, он сначала молчаливо выслушал меня, а потом окинул тяжелым пронзительным взглядом:

– Время настало, закончи начатое. Исполни клятву, данную своему Богу, – грозным непоколебимым тоном произнес Радон. – Не пытайся одурачить меня, Кэлон. Твоя истинная цель сейчас не Элиос, а огненная жрица. Забудь о ней. Ты знаешь, что у нее только один путь. Присоединиться к Аридам Саха или открыть нам местонахождение утерянного Асписа.

– Это не тебе решать, Радон! – громогласно произношу я, от захлестнувшей меня ярости, не узнавая собственный голос. Вибрирующая энергия заполняет мое тело, и, вытянув перед собой руки, я с недоумением смотрю, как движущиеся под кожей магические руны древних заклинаний постепенно сливаются, и тьма, не уместаясь внутри физической оболочки, черной дымкой просачивается через поры. Однажды я видел, как сияла светом Элейн, а сейчас точно также сиял я... но тьмой.

– Что происходит? – спрашиваю я, и мой голос оглушительным эхом отдается от стен зала... зала с Истинными Вратами Креона.

– Посмотри, Кэлон, – Радон встает за моей спиной и кладёт руку на мое плечо, разворачивая лицом к Седьмому Порталу. В отражении, как зеркале, я вижу высокого широкоплечего мужчину с пронзительным взглядом и черными волосами, собранными на затылке. Я прежде никогда не замечал между нами сходства, но сейчас оно бросалось в глаза. Радон не был похож на себя. Я не мог понять почему, но эта мысль наполнила меня тревогой и неприятием.

– Узри истинной лицо огненной рии, ради которой ты едва не лишился жизни, – произносит Радон. – И, как только твое сердце освободится от единственной слабости, ты будешь готов узнать всю правду о себе и своем предназначении.

Портал начинает тускло мелькать, стирая наши отражения, и постепенно размытые тени приобретают очертания, прорисовывая контуры и образы, показывая мне то, к чему я не был готов.

Я без труда узнаю одну из спален Миноры, в которой мне не раз довелось побывать лично. Шикарная помпезная обстановка, громоздкая кровать с балдахином в центре, пестрый диван напротив окна, из которого открывается вид на живописный сад, стол, заставленный изысканными блюдами. Обитель черной жрицы обманчиво прекрасна, ее белокаменный дворец поражает изяществом линий и красотой архитектуры, собрав в себе все лучшее, что способен предложить этот мир. Ее сложно упрекнуть в дурном вкусе. Зло не всегда уродливо и отвратительно, как и доброта не всегда изыскана и красива. Тьма всегда тянется к свету – это неискоренимый инстинкт. Разве не поэтому я выбрал Мандису? Минора хотела бы занять главное место в моем сердце, но разве интересно любить ту, что является отражением тебя самого? Разгаданной тайной? Запрет, противоположность, недостижимость – вот, что влечет любого мужчину. Нам нравится сражаться за объект вожделения, и процесс завоевания намного интереснее, если противостояние предстоит с самим собой. И понимание этого не смогло обезопасить меня от тяжелых последствий моей единственной слабости.

– Что это? – спрашиваю у Радона, наблюдая, как в спальню заходит Грейм, темный маг, с моей подачи назначенный Главой Четвертого Пересечения Элиоса. О том, что Минора иногда позволяла ему насладиться ее телом, для меня не является тайной. Жрица никогда не была постоянной в своих связях. Грейм, тем временем, неспешной ленивой походкой двинулся через просторную спальню к богато накрытому столу. Плеснул вина из продолговатой бутылки в золотой кубок, инкрустированный драгоценными камнями, и медленно поднес к губам. Судя по длинному расшитому серебром халату из дорогой ткани, он частый гость, если не сказать постоялец, во дворце Миноры, и чувствует себя вполне непринужденно и уверенно.

– Мне это неинтересно, Радон. Игры Миноры и Грейма для меня не тайна. Нет нужды показывать мне, как они предаются похоти, – раздраженно говорю я, собираясь отвернуться и покинуть зал, но жрец удерживает меня с невероятной силой, сжав предплечье.

– А, если сегодня развлекать мага предстоит вовсе не жрице? – отозвался Радон немного приглушенным голосом, от которого тьма внутри меня сгустилась и подняла голову.

Напряжение охватило все мое тело, ледяным браслетом охватив горло, когда я увидел, как в спальню вошла девушка, полностью скрытая алым шелковым одеянием с накинутым на голову капюшоном. Грейм обернулся, держа кубок с вином в руке, и с ленивой улыбкой взглянул на гостью.

– Я ждал тебя позже. Мне показалось, ты была занята с Августом или он не справился с твоим темпераментом, Амадея? – с легкой иронией спросил мужчина.

Девушка неспешно приблизилась. При каждом шаге подол ее платья расходился, демонстрируя через разрезы длинные стройные ноги. И я, как и Грейм, не мог оторвать от них тяжелого взгляда. Никогда Минора еще не вызывала во мне подобного волнения.

– Выпьешь со мной, Амадея? Тебе нужно восстановить силы, прежде чем мы перейдем к главному блюду, – ухмыльнулся он, протягивая гостье второй только что наполненный кубок, который она взяла изящным жестом.

– Ты с кем-то меня путаешь, маг, – ответил ему голос, который я не мог не узнать. Стиснув челюсти, я сделал шаг вперед, всматриваясь в закрытую шелками фигуру девушки, все еще надеясь на обман слуха и зрения. Радон снова остановил меня, его пальцы сильно впились в мое плечо. Охваченный яростью, я не заострил внимание на ощущении скованности собственного тела, и неспособности им управлять.

Грейм с некоторым недоумением воззрился на девушку.

– Подарок от жрицы? – произнес он с удовлетворением. – Приятная неожиданность. Могу я оценить, насколько угадала Амадея мои пристрастия?

– Почему же нет, маг? Смотри, – она скинула капюшон со светлых локонов, которые в свете свечей приобрели золотистый оттенок. Аметистовые глаза смотрели на него с возбужденным блеском. Полные чувственные губы раздвинулись в соблазнительной улыбке. Я не мог

поверить, что вижу не иллюзию, созданную Сахом, чтобы запутать меня или ввести в заблуждение. Но ни один мираж не может выглядеть настолько реалистично, как ... *Мандиса*. Ее глаза, голос, волосы, ее губы. Бордовая пелена расплзлась перед глазами, погрузив мой разум в агонию ненависти и жажды крови. Я зарычал, намереваясь рвануть в портал и вытрясти душу из огненной бестии, лживой дряни, которая посмела... Однажды она просила Нуриэля убить меня, а сейчас делает это снова, но совершенно иным способом. Я пытаюсь сделать шаг, но мое тело не слушается, словно находясь в чужой власти, парализованное и окаменевшее. Я издаю яростный рык, но с губ срывается только тяжелый вздох. Пытаюсь повернуться, чтобы посмотреть на Радона, который сдерживает меня, но даже этого не могу.

– Ты досмотришь до конца, Кэлон, – бесстрастно отвечает мне голос жреца, оглушительным эхом расходясь под сводами зала. И он звучит совершенно иначе... почти, как тот, что я тысячелетия слышал в своём сознании. Тот, кого я долгое время призывал, снизошел до моих молитв и явился, войдя в тело Радона. Сам Сах сейчас говорил со мной. Боги способны принять любую оболочку в материальном мире и вдоволь наиграться со своими созданиями, но также они могут поработить и захватить любого, на кого падет их выбор.

– Принцесса Мандиса? – восклицает Грейм, пожирая девушку голодным взглядом. – Элиос скорбит о твоей утрате. Армия Нуриэля неустанно ищет тебя во всех Пересечениях. Чем же я заслужил честь увидеть тебя воочию?

– Правление – не является истинным предназначением женщины. А Нуриэль оказался слишком слаб, чтобы надолго удержать мое внимание. Наши старые недопонимания с Минорой канули в лету, и, как оказалось, жизнь полная удовольствий и развлечений подходит мне больше, чем служение неблагодарному народу. У нас гораздо больше общего, чем я думала.

– Ты приняла верное решение, Принцесса, – ухмыльнулся Грейм. – Вместе мы поставим Элиос на колени. Вовремя принять сторону победителей – признак рассудительности. Я восхищен.

– Ты будешь еще более восхищен к рассвету, Грейм, – с чувственным придыханием, томно произносит Мандиса. – Как насчет того, чтобы для начала поставить на колени меня?

Я стискиваю челюсти, чувствуя, как пульсируют вены на моих висках, как кровь шумит в ушах и холодный пот струится по спине от тщетных попыток отвести взгляд в сторону. Я готов умолять Саха остановить представление. Но милосердие – качество не свойственное темному Богу. И оно не свойственно мне, но тогда, почему так больно.

– А ты встанешь, принцесса? – не скрывая возбуждения, хрипло спрашивает Грейм. – На колени перед темным магом?

– Прикажи, – улыбается она, пригубив вино. Ставит кубок на стол и почти вплотную приближается к магу. Подняв руки, плавно опускает тонкие кисти на плечи Грейма и ведет ими вниз, задерживаясь на широком атласном кушаке. Пальцы ловко развязывают узел пояса, и тот падает вниз.

– На колени, рия, – тяжело дыша, бросает Грейм, и она делает это. Опускается на пол, разводя в стороны полы халата на мужчине.

Зверь внутри меня сопротивляется, беснуется, рычит и воет, царапая железными когтями внутренности, вспарывая вены. Рвется и скалит зубы, отчаянно пытаюсь вырваться из телесной клетки. Но его удерживает тот, кто породил этого зверя, он приказывает ему смириться и выдержать испытание. Он заставляет его смотреть, чтобы впоследствии он смог загрызть, разорвать последнее светлое чувство, на которое я был способен в Нейтральных землях. Он уничтожил Кэлона, которым я когда-то хотел быть, он показывал мне, насколько слабым и беспомощным я являюсь перед его темным могуществом. И приблизиться к пониманию и принятию его мощи может только одно – возрождение во мне первоначального темного начала.

Я смотрю, как ее губы и пальцы искусно и изощренно ласкают возбужденную плоть Грейма. Его стоны отпечатываются на моей памяти выжженным клеймом, оставляющим

шрамы, которые не сотрут даже тысячелетия забвения. Маг хватает светлые локоны Мандисы, резко накручивая на кулаки и управляет ее движением. Порывисто грубо.

– Невероятно, рия. Ты искуснее Амадеи, – стонет он, толкаясь в рот Исы с животными стонами удовольствия. – Глубже, Принцесса. Я знаю, что ты можешь. Да, вот так. Нравится? Хочешь раздвинуть ноги для своего амида? – резко отстраняясь, она запрокидывает голову, глядя в помутнённые похотью глаза.

– Я хочу, Амид. Хочу принадлежать только тебе сегодня. – Шепчет она. Распухшие блестящие губы криво улыбаются, и она вытирает их ладонью. Неторопливо выпрямляется и направляется к кровати, призывно виляя бедрами. Грейм следует за ней, но прежде, чем Иса успевает забраться на высокую постель, толкает ее грудью на покрывало и без лишних предисловий задирает подол ее одеяния до талии. Расставив ноги, она похотливо выгибается и нетерпеливо стонет, когда, обхватив толстый член ладонью у основания, Грейм грубо толкается в нее.

– Вот так, да, – всхлипывает Иса, – Сильнее, – двигает бедрами навстречу мощным движениям Грейма. Влажные удары их тел, смешиваясь со стонами экстаза, причиняют мне осязаемую физическую боль, от которой кровь в венах превращается в яд. Если бы Сах дал мне оглохнуть и ослепнуть в это мгновение, если бы он мог стереть мою память, или дал мне убить их обоих. Сейчас. Прямо сейчас, когда, кончая она гортанно стонет, откидывая назад светлую копну волос, я, не раздумывая бы, разорвал их тела, пролив кровь на разноцветные ковры, устилающие пол спальни.

– Так приятно, Грейм. Заставишь меня кончить снова?

– Сколько пожелаешь, Рия. Если будет недостаточно, мы всегда можем позвать псов Миноры. Хочешь, чтобы все твои отверстия получали удовольствие, огненная распутница?

– Да. Я хочу, – яростно насаживаясь на член Грейма, кричит в экстазе Иса.

Моя Иса, девочка, которую я нес на руках в Нейтральных землях, *которая говорила, что любит меня.*

И мое сердце покрывается льдом, умирает, затихает, погружаясь в молчание. Я никогда не боялся смерти, но оказалось, что есть кое-что похуже. Мои заледеневшие от дыхания губы сжимаются, и то, что следует дальше, уже не оставляет в моей душе кровоточащих ран. Как можно причинить боль тому, что умерло?

Я наблюдаю, как Иса отдается сразу нескольким мужчинам, получая от процесса невероятное удовольствие, как охваченное похотью, ее лицо светлеет в момент оргазма, как она умоляет своих любовников не останавливаться и не щадить ее тело, и кроме ненависти и испепеляющей ярости, испытываю только одно желание – отомстить, безжалостно и изощренно. Заставить ее мучиться, умирать снова и снова, и возродить, залечивать раны, чтобы продолжить экзекуцию.

– Достаточно, Кэлон? – голос Саха врывается в мое сознание, и портал гаснет, скрывая от меня происходящую в спальне темного мага вакханалию похоти. Стоны совокупляющихся и звуки столкновения их влажных, липких от пота, смазки и спермы тел, затихают. – Ее ты так долго скрывал от меня? Ради нее послушался меня? Своего Бога.

«Мне нужны их души, их воля, Кэлон.»

Заверши свое предназначение.

Яви мое могущество жалкому миру Ори.»

Двигательные способности восстанавливаются, и я чувствую внутри себя только ледяную пустоту и мрачное предвкушение жестокого возмездия, и жажду крови.

– Ты позволишь мне наказать рию. Прежде, чем я отдам ее тебе? – спрашиваю я, поворачивая голову и глядя в глаза Радона, из которых на меня смотрит сама тьма. Сах, овладевший душой и телом моего отца, улыбается.

– Узнаю лучшего из своих жрецов. Я дам тебе такую возможность. Мне спешить некуда. Слушай меня, служи мне.

– Но почему я, Великий Сах? – меня охватывает благоговение и в тоже время невероятный всплеск энергии пронизывает мое тело, циркулируя внутри, заставляя руны под кожей сливаться в древние слова заклинаний.

– Только я знаю, кто ты, – голос пронзает мою голову острой болью, вскрывая сокровенные знания, утраченные по его воле. – А теперь задай мне правильный вопрос, Кэлон.

– Кто я?

– А ты еще не понял, мальчик? – оглушительный смех поднимает ветер и в одно мгновение гасит все факелы в зале. Озираясь в кромешной темноте, я наталкиваюсь на одну из колонн, подпирающую высокий свод. Один за другим загораются подсвечники вокруг алтаря Саха, и постепенно неровное потрескивающее пламя переходит на факелы, установленные в стенах, освещая зал серебристым огнем.

Черный пепел осыпается на мои волосы и плечи, покрывая каменный пол грязным ковром.

Я смотрю в посветлевшие глаза Радона, пытаюсь осознать истину, которую открыл мне Сах.

– Это правда? – спрашиваю я. И черный жрец, которого я долгие тысячелетия считал своим отцом, медленно кивает.

Часть вторая

Глава 1

Мандиса

Мой отец был главой пятого Пересечения, до тех пор, пока они с мамой не сбежали, чтобы защитить меня от Миноры, когда поняли, что жрица охотится за избранницей Богов. С тех времен пролетели тысячелетия, а для меня и вовсе две жизни, но я до сих пор помню их улыбающиеся родные лица. Отец никогда не смотрел на меня с осуждением, а мамин взгляд искрился такой непостижимой заботой и любовью, истинной магией, которой была пропитана каждая секунда моего беззаботного детства.

– Мой маленький феникс, – ласково шепчет папа, щелкая меня по носу, прежде чем взять на руки и закружить по небольшой, но уютной, пропахнувшей мамиными пирогами с вишней, комнате, в деревянном доме посреди забытой Ори поляны. – Ты опять пыталась убежать за жар-птицей, Мандиса?

– Мне показалось, что она зовет меня, папочка, – грустно бурчу себе под нос я, надувая губы. – Пап, почему мы живем здесь совсем одни?

– Мандиса, Элиос ждут трудные времена. Никто не знает, когда они придут, но я устал от того, что другие главы полагаются на предсказания Богов, не желая брать все в свои руки. А, впрочем, ты еще слишком маленькая, для того, чтобы я тебе говорил об этом. Но есть то, что ты должна запомнить навсегда, Иса, – отец заправляет мне за ухо рыжие прядки, и слегка нахмурившись, произносит: – Боги правы до тех пор, пока являются символом веры для тысяч минут. Но что если символом веры станет обычная маленькая девочка с огненно-красной птицей на плече? Так интереснее, феникс, не так ли? – улыбается отец, ободряюще мне подмигивая.

– Я уже взрослая для твоих сказок, пап. Я всю жизнь прожила здесь? Одна, без друзей? – упавшим голосом хнычу я, проигнорировав попытку отца отвлечь меня от этого разговора.

– Нет, милая. Я все улажу, дай мне время. И никогда не убегай, Мандиса. В любом из Пересечений, нас ждет опасность. Ты должна понять меня, феникс. Я не могу рисковать. Тобой, мамой и тем, что в тебе спрятано.

– Но что во мне спрятано? – хватаюсь за живот, наощупь проверяя, не спрятано ли там что-то, помимо двух вишневых пирожков, съеденных за завтраком.

– Некая сила, Мандиса. Спящая и древняя сила, которая может причинить много зла, если окажется не в тех руках... однажды, она может вспыхнуть внутри тебя, но я надеюсь, что этого никогда не случится.

– Но почему?

– Потому что она дана тебе для защиты, Мандиса. Это твой щит, и он всегда будет с тобой.

– Как и ты, папочка? – мне трудно понять, о чем говорит отец, сжимая в сильных ладонях мои крохотные пальчики, но я все равно внимаю каждому его слову.

– И я, Мандиса. Всегда буду рядом, – обещает отец, мягко прикасаясь губами к моему лбу.

Из теплых, наполненных любовью и нежностью объятий отца меня вырывает ледящий кровь ветер. Пробирает до костей, проникая через поры, через распоротые раны на коже, и

вонзается в сердце свинцовыми иглами. Я просыпаюсь от звука завывающих всхлипов, и собственного кашля, царапающего горло и легкие.

Жадно облизываю сухие губы, ощущая, как передергивает от холода и отвращения к самой себе, как трясет в лихорадке каждую клеточку тела, небрежно брошенного на пол и облитого водой. Я плохо помню, как здесь оказалась, но точно помню девушек в белых одеяниях, что вылили на меня несколько ведер прохладной воды, и оставили здесь, у небольшого камина, в котором беспрерывно потрескивает пламя.

Подсознание подбрасывает мне ужасающие картинки из воспоминаний: окровавленные тела, и осатанелый взгляд человека, который прекратил маскарад похоти, устроенный Минорой, но я отгоняю их прочь, не желая тратить последний, крошечный запас сил, что у меня остался, на жалость к себе и попытки вспомнить то, что хочется забыть на веки.

Я хочу никогда этого не знать. Я просто хочу никогда не вспомнить подробности той ночи.

Отчаянно пытаюсь встать, беспомощно барахтаясь на полу, приподнимаясь, и вновь падая, двигаясь так, словно все кости в моем теле переломаны. Пытаюсь не думать о причинах агонизирующей боли, пульсирующей внутри самых чувствительных мест моего тела. Огнем горит живот, горло, бедра, грудь... я чувствую себя растерзанной на крошечные кусочки, и прекрасно понимаю, что нет никакого волшебного заклинания, которое соберет мою душу.

Разве что я сама, усилием непоколебимой воли, смогу это сделать. Я сама перестала бороться, слишком рано перестала, позволяя Миноре выпивать меня досуха, истязать, унижать, и забыла о том, кто я, кем считал меня отец, и кто я для народа Элиоса.

Символ веры. Огненная птица, исцеляющая раны своей песней.

Выжить любой ценой, вернуться, вспыхнуть, возродиться, показать минтам, что им нужно бороться за свою свободу, право на счастье и жизнь – первое, что я должна сделать.

На смену боли, отчаянию, унижению и жалости к себе, пришла опаляющая изнутри кожу ярость, и беспрерывным потоком зациркулировала по венам, превращая меня в проснувшийся вулкан, способный взорваться в любую секунду.

Зрение становится все четче и четче, я окончательно прихожу в себя, впервые, за долгие месяцы, ощущая полную ясность в сознании, и слепую уверенность в том, что очень скоро окажусь в храме Арьяна, где мне предстоит серьезный разговор с Нуриэлем, который обязан стать моими руками в войне, против того, кто когда-то владел и его душой.

Оглядывая место, в котором я оказалась, с облегчением понимаю, что это не темница, а небольшая комната, заваленная старым хламом... вздрагиваю всем телом, замечая, как к моим ногам ползет с дюжину маленьких дагонов. Их покрытые блестящей чешуей тела заворачиваются в склизкие кольца, и они поглядывают на меня, перешептываясь между собой, раскрывая ядовитые пасти, заставив меня вспоминать встречи, с достигшими зрелого возраста, дагонами в Нейтральных землях.

До меня наконец доходит, почему несмотря на проснувшуюся внутри силу, мне было так трудно встать – мои запястья уже заняли привычное для себя положение на пояснице, намертво перевязанные морским узлом. Отчужденным взглядом я рассматриваю новые следы от чужеродных, грязных мужских прикосновений, оставившие новые гематомы на моем обнаженном теле.

Я не помню, что со мной произошло. А значит этого не было.

Шрамы, грязь, остатки чужой крови, соленый пот и тошнотворный запах, от которого никогда не отмыться... я лишь на миг позволяю себе задрожать, когда воспоминания пытаются ворваться в мою голову, пробить защиту, завладеть разумом и душой, и как сейчас, вижу перед собой горящие дьявольским огнем глаза, не знающие пощады и сострадания.

Взгляд зверя, за гранью безумия. Взгляд палача и чудовища, восставшего из преисподней. Взгляд, принадлежащий самому Саху, а не Кэлону, которого я надеялась увидеть живым. Все

эти месяцы, в самых отдаленных уголках своей израненной души, я тешила себя этой надеждой, но пришло время попрощаться с детской любовью, и стереть его имя в пыль, так же, как когда-то он стер с лица Элиоса мое.

Слишком долгое время я спала, спрятавшись в горстке пепла, подобно сгоревшему фениксу, но теперь, когда меня довели до края и столкнули в бездну, мне больше нечего терять.

Я подхожу к небольшому окну – единственному источнику света, и разглядываю фигуры, выкованные изо льда, стоящие по бокам от снежной дорожки, ведущей к замку, в котором я сейчас нахожусь. Я всегда думала, что Креон – мертвая, ледяная земля, где выживают только не способные на созидание, исчадия Саха. Холод, смерть, первозданное зло – вот ключевые ассоциации, которые возникают у каждого минта, когда речь заходит о Креоне. Неприятное ощущение зарождается в груди, когда мой взгляд упирается в крыши, сверкающих от кристально чистого снега сооружений, домов и храмов. И меня не может не настораживать невероятная внешняя архитектурная схожесть этого места и моего дома. Слезы Ори достаточно редки в Элиосе, но, если бы они покрыли крыши домов и улицы, заковали в лед русла рек, разделяющие семь пересечений, то я могла бы подумать, что нахожусь дома. Но без всяких сомнений, я в Креоне, и, несмотря на всю тьму и мрачность этого места, оно прекрасно настолько же, насколько и ужасен Бог, который создал эту землю.

«Моя рия. Будь сильной.» – слышу нежный голос Элейн, эхом отдающийся от ледяных скульптур, но знаю, что, слышу его только я.

«Даже если мне удастся вернуться в Элиос, я не представляю, как смогу сделать для своего мира то, что не под силу даже Нуриэлю... он проигрывал сражение за сражением, потерял сотни воинов... я ничего не смыслю ни в стратегии, ни в военном деле. Я не знаю, как мне помочь Элиосу, и не понимаю, почему я – тот самый символ веры, для всех минтов, Элейн...»

«Твоя сила в другом, Мандиса. Войну оставь мужчинам. Символ веры, это не просто символ, это сила. Минты теряют веру в Ори, и им проще сдаться. Сложить оружие и согласиться на ту жизнь, что предлагают посланники Саха. Они хотят, чтобы все закончилось как можно скорее, им не за что сражаться, ведь не осталось ни одного потомка Правителей, достойного их усилий и веры. Они не подчиняются Нуриэлю, Правителю, который однажды их предал. Смысл войны не в том, чтобы одержать победу, Мандиса. Смысл в том, чтобы достичь равновесия тьмы и света. Ты найдешь аспис, моя рия. Ты единственная, кто может им завладеть. Это и будет тот символ, который наделит каждого минта непоколебимой верой в Ори, и посланники Саха падут на колени, когда увидят этот свет небывалой силы.»

«Но почему только я могу завладеть им? Почему?»

«Ты очень скоро об этом узнаешь, Мандиса... исход близко, и он неизбежен.»

Не в силах больше слушать эти сказки, я резко дергаю плечом и возвожу глаза к небу, мгновенно вспыхивая:

– Где ты была, когда я в тебе так нуждалась, Элейн? Сах подери! Ненавижу вас, проклятые Боги! Я вас всех ненавижу! – кричу я, надрывая горло. Так сильно, что даже маленькие дагоны расползаются в стороны с недовольным шипением. – Вот и сидите там, мерзкие твари! – сжимая зубы, приказываю я, глядя в желтые стеклянные глаза одного из змееподобных созданий, широко раскрывшего свою пасть с крошечными клыками.

«Я всегда была рядом, Мандиса. Это ты отвернулась от меня... Освободи Кэлона, Мандиса. Победа не за тьмой или светом, моя рия. Равновесие мира – это все, в чем нуждается Элиос.»

– Заткнись! Хватит травить меня своими пророчествами! – топнув ногой по каменному полу, и едва ли не отбив пятку, я затыкаю уши, не желая больше слушать наставления Элейн. Меня трясет от ярости, до краев завладевшей моим сердцем. Пытаясь отдышаться, я смотрю на языки разгорающегося пламени, полностью отображающие те, что вспыхнули и в моей душе.

Сердце пропускает удар, замирает на долгие мгновения, когда я слышу тяжелые шаги, и то, как с каждой секундой их звук становится все громче. Затаив дыхание, я наблюдаю за тем, как трясутся две пустые хрустальные вазы, покрытые пылью, украшающие полочку над старым камином. Одна из них резко съезжает влево и падает с оглушительным звоном, разбиваясь на крошечные осколки, рассыпавшиеся у моих незащищенных ног. Если бы я не знала, кто на самом деле виновник этой тряски, я бы подумала, что Креоном овладело землетрясение. Невроятная энергия, сродни Божественной силе, наполняет пространство небольшой комнаты, и мне никогда не найти слов, чтобы передать насколько это мощно. До мурашек по коже. Я едва стою на ногах, ощущая чужеродное, темное, всемогущее могущество, способное стереть Элиос с лица земли, но поворачиваюсь к двери лицом, приготовившись встретиться с самим Сахом. Да... с Сахом. Теперь, когда я увидела то, во что превратил Кэлон дворец Миноры, у меня не остается никаких сомнений в том, что темный Бог одарил своего лучшего жреца не только своей силой, но и частичкой своей черной души.

Дагоны в углу комнаты неистово шипят, когда звуки шагов становятся невыносимо громкими, запредельно близкими и опасными. Но мои слезы давно высохли, а в душе больше нет страха, взамен которого пришло жгучее желание отомстить, растерзать, порвать на части каждого, кто посмел помешать мне исполнить мое истинное предназначение.

«Это не Кэлон», приходится напоминать себе. Это лишь его тело. И я не покажу этому первородному злу ни грамма своей слабости.

Вопреки всем словам и обещаниям данным самой себе, я вжимаю голову в плечи, как только деревянная дверь с резными ручками распахивается, и яркий свет заставляет меня на мгновение закрыть веки. Секундная слабость, которую я позволила себе, прежде чем снова распахнуть глаза, и посмотреть в лицо истинного зла, увидеть его истоки.

Расправив плечи, я подняла взгляд на того, кто завладел телом человека, которого я любила. Встреча наших испепеляющих взглядов, сопровождаемая звуком еще более яростно вспыхнувшего пламени, выпускающего в воздух сноп искр, который делает напряжение между нами вязким, плотным, осязаемым. Кровь стынет в жилах от такой близости с ним, и каждый вдох сложнее предыдущего.

Смотрю в незнакомые глаза цвета обсидиана, в которых совершенно четко отображаются его желание убить, растерзать на части, уничтожить, и отомстить за очередное предательство, и всего лишь на мгновение позволяю себе увидеть там... Кэлона. *Моего мужчину, что долгие месяцы ждал меня у пещеры Оракула, не зная, жива я или мертва.*

Каждый миг без тебя был вечностью, – прошептал тогда Кэлон, вживаясь в мой рот самым ненасытным и жадным поцелуем на который только способен. До смерти сладким, заставляющим мое тело бесконечно отзываться и таять в его руках.

Но это в прошлом.

И я не попадусь в эту ловушку снова. Кэлон заполнил все пространство собой, и я почувствовала, как стала чертовски маленькой под его ожесточенным взором, от которого пот струится по хрупким позвонкам и волоски на затылке встают дыбом. Мой рот непроизвольно приоткрывается, когда я замечаю, как из каждой поры на его коже исходит черное свечение, контрастирующее с белой рубашкой на его теле и такого же цвета штанами из грубой кожи.

Мне хватает секунды, чтобы голыми руками задушить маленькую девочку внутри себя, что проснулась в Нейтральных землях, и прижималась к груди Кэлона, нуждалась в его защите.

Я должна думать только о том, что он пообещал тогда, на площади. Расправу. Наказание. Как жестоко вырезал всех псов, и подданных Миноры, несмотря на то, что на тот момент, мне казалось, что они заслуживают именно этого...

– Здравствуй, Кэлон, – первая нарушаю тяжелое молчание я. Беру на себя смелость, несмотря на то, что мое тело выглядит слабым, безвольным, отвратительным, опозоренным. Обнаженным и беззащитным. Я прекрасно знаю методы его управления и варианты искус-

ных манипуляций. Кэлон, истинный знаток душ, и слабые места оппонента читает по одному взгляду. Ему хватит секунды слабости моего духа, чтобы вдохнуть мое отчаяние, вкусить, и, пригубив, разрушить окончательно, что я ему не позволю.

Губы Кэлона раздвигаются в ленивой усмешке, и просканировав меня ледяным, полным презрения и пренебрежения взглядом, он, наконец, выплевывает:

– «Здравствуй, Кэлон?!» – оглушительно рычит жрец, и я замечаю, как к темному свечению, исходящему от него, добавляются черные знаки, выцарапанные на изнанке его кожи. Древние руны вспыхивают, вновь и вновь напоминая мне о том, что передо мной сейчас вовсе не Кэлон. По крайней мере, не тот, к кому я питала чувства.

– И это все, что ты можешь мне сказать, грязная одала? – продолжает он под аккомпанемент истошного шипения дагонов, подползающих к его ногам, склоняющих перед ним свои уродливые головы. Кэлон продолжает ухмыляться, но его взгляд по-прежнему остается едким, пронзительным, ядовитым, и выжигает невидимые глазу стигматы на моем теле. Сердце каждый раз сжимается от его слов, но усилием воли, я подавляю внутри себя слабость и излишние эмоции. Я просто их отключила, как и те воспоминания, о произошедшем на «празднике Миноры», которые никогда не пробьют защиту моего сознания. – Или ты забыла, как одала должна встречать своего Амида, потаскуха? – Кэлон лениво взмахивает рукой, и я вдруг резко сгибаюсь от жгучей боли, пронзающей сердцевину живота. Узнаю Креонского. Думает, мне мало?

Делаю глубокий выдох, и через силу расправляю плечи, бросая на него яростный взгляд, безжалостно представляя, как от жреца остается одно пепелище.

– Это ты забыл. Я принцесса Элиоса, Кэлон, – спокойным тоном заявляю я, стараясь забыть о своей наготе, скрывая дрожь в охрипшем голосе. – Если кто-то из нас и должен встречать на коленях другого, так это ты, – размеренно продолжаю я, не узнавая собственный голос, звонче металла. Не разрывая зрительного контакта, наблюдаю за тем, как лицо жреца багровеет от негодования, как бешено пульсирует на шее вздутая вена... Кэлон в ярости, и это неувидительно. Я не так часто давала ему отпор, а другие женщины и вовсе никогда. Но настало время напомнить ему, что я не коврик для ног и не сосуд по выкачиванию силы.

– Давай ты побудешь настоящим мужчиной хотя бы короткое мгновение, Кэлон, – с насмешкой произношу я, скрещивая руки на груди, выдавая свою слабость и уязвимость, жалкую попытку защититься от волны, исходящей от него тьмы и плохо контролируемого гнева. – Давай обойдемся без применения физической силы, и поговорим. Или ты ни на что не способен, без своей магии, Кэлон? – я едва успеваю договорить. Честно, не знаю, на что я рассчитывала, когда произносила эти слова.

Раздразнить зверя. Почувствовать силу, сокрытую глубоко внутри меня. Дать ему отпор, который никогда не решалась дать. По-настоящему. Я не знаю, откуда во мне активизировались эти силы, но очевидно одно – побывав на грани смерти, организм отчаянно стремится к выживанию.

– Настоящим мужчиной? – шипит сквозь зубы Кэлон, за считанные секунды, преодолевая расстояние между нами. Его горячее дыхание обдаёт кожу моего лица жаром за мгновение до того, как сильные пальцы впиваются в кожу плеч до боли, и приподнимают над полом мое тело, сжимая до ломоты в костях, до скрипучего хруста. – Настоящим мужчиной я буду среди истинных женщин, одала. А не среди грязных потаскух, – Кэлон хорошенько встряхивает меня, так, словно я ничего не вешу. Подавляю болезненный стон, закусывая щеки изнутри, продолжая сканировать его пристальным взглядом.

Его кожа выглядит новой, безупречной. Нет ни малейшего изъяна, и даже мои огненные метки исчезли, словно их никогда и не было. Словно не было «нас». Должно быть, я все придумала... плевать, это больше не важно.

Я должна держаться. В конце концов, большее хуже быть не может. Но я ошиблась...

– Придумай что-нибудь новое, Кэлон, – качаю головой я, ощущая, как знакомый аромат его тела проникает в мои легкие. Так странно, спустя месяцы заточения, ощутить рядом что-то родное, знакомое. Запах ассоциировавшийся у меня с защитой и опасностью одновременно, порождающий миллионы противоречий в надломленной душе. – Я ни-ко-гда не была шлюхой, – произношу по слогам, не моргая, глядя в широко распахнутую бездну глаз. Они настолько черные, что даже белка не видно. Непроглядная, поглощающая пропасть, похищающая душу.

– Никогда не была шлюхой? – голос Кэлона, опускается до зловещего шепота, я кусаю губы, чтобы не взвыть от боли, когда он, обхватывая мою шею и сжимает ладонь, надавливая пальцем на сонную артерию, и со всей дури впечатывает меня в стену. Я не знаю, каким образом удар подобной силы еще не раскроил мне череп. – Ты держишь меня за идиота, одала?! –

– Ну давай, чего ты ждешь, великий жрец? Убей меня! – выдыхаю в приоткрытые от невысказанной ярости губы Кэлона. – Давай, Кэлон. Убей потаскуху, которая занимает все твои мысли, и дело закончено. Убей шлюху, ради которой перерезал добрую часть своих союзников. Или это было просто показательное выступление, развлечение? Не важно. Просто убей. Я жду. Считаю секунды! – голос срывается, я задыхаюсь, ощущая невероятное давление на стенки горла. – Убей ту, кому даже не даешь защищаться! Ты только так и умеешь! Убивать беззащитных, невинных, слабых. И даже трахаешься ты только с теми, кто раздвигает перед тобой ноги под влиянием магии или браслета! Кто ты, после этого, Кэлон? Давай же, убей меня, жалкое отродье Саха, – мои последние слова влияют на Кэлона странно. На секунду он расслабляет хватку, чтобы потом сжать еще сильнее, до мушек в глазах, до потери сознания.

– Заткнись, obsena! – кричит он, снова впечатывая меня в стену. – И смотри! Посмотри на свое истинное лицо, грязная рия! – и Кэлон делает это – то, чего я боялась больше всего. Пролистывает мои воспоминания, вместе со мной, полностью позволяя мне вспомнить и увидеть то, что вытворяла я, находясь во власти Миноры.

Я вижу себя со стороны. Как опускаюсь на колени перед Греймом и с похотливой улыбкой в духе темной жрицы, распускаю полы халата на мужчине и с жадностью ласкаю его плоть. Мне хочется испариться, сгореть от стыда, когда я наблюдаю за этой картиной, потому что это не я...

Это не могу быть я.

Словно кто-то, в моем теле...

Как и не могу быть той девушкой, которая отдается сразу нескольким мужчинам, теряясь в шелковых балдахинах, свисающих с потолка. Это не я... нет... нет. Я чувствовала на теле последствия «праздника», я все понимала, но видеть то, как это происходит воочию, это уже за гранью. И это больнее, чем я могла себе представить. Я верю картинкам, верю этой другой Исе, жадно отдающейся мужчинам, похотливой и ненасытной. И я сама ее ненавижу, внутренне соглашаясь с каждым словом Кэлона, которым он меня только что назвал.

Мои губы дрожат, все тело пробивает мелкая дрожь, когда весь ужас случившегося врывается в мое сознание грязными картинками, одна за другой. Взглядом я умоляю жреца остановить эту агонию воспоминаний, но мы смотрим вместе...

Это не было насилием. Не над телом, которое с жадностью принимало искусные ласки и животную грубость от нескольких мужчин одновременно. И я совершенно четко вспоминаю, как в ту самую секунду была заперта в своем теле, как не могла вырваться из крошечной клетки в глубинах своего сознания.

Небывалая сила, что ощущала всем своим существом еще секунду назад, испарилась.

– Мне противно к тебе прикасаться, Мандиса, – осипшим, от вновь увиденного, голосом, шипит Кэлон и швыряет меня на пол, к подножию камина. Искры осыпают мое лицо и волосы, словно уговаривая меня, принять поражение, смириться с клеймом, что перед смертью оставила на мне Минора. – Я всегда знал, что мой браслет не будит в тебе желание, которого нет. Он показывает твою истинную суть. Шлюхи, которая металась между мной и правителем.

Еще бы несколько месяцев... не убей я тебя тогда, и ты бы пошла по рукам, ненасытная, вероломная, *obsena*... каждое твое слово о великой любви, было грязной ложью, Мандиса. Что? Понравились тебе? Настоящие мужчины, Иса? Хочешь еще, а? Я могу это устроить. У меня есть целая гвардия воинов, которым все равно к какому отребью прикасаться и в какую дыру с яйцами проваливаться!

Лучше бы он снова меня ударил или придушил, как можно скорее, чем продолжал бы бить словами. С присущим только ему холодом, расчетом и бесчувствием. С этим окаменелым выражением лица, плотной свинцовой маской, за которой не разглядеть ни единой человеческой эмоции...

Неужели он не понимает? Неужели еще не понял, что это была не я? *Ревность и ярость всегда делала тебя слепым, Кэлон. Но я покажу. Покажу тебе правду прямо сейчас.*

– Я покажу тебе правду прямо сейчас, а потом делай со мной что хочешь, Креонский.

– Как наивен и прост народ Элиоса. Они верят в принцессу. В луч света, в божественное создание, в посланницу Элейн и Ори... а имеют грязную похотливую одалу, которая не может держать ноги сдвинутыми, – продолжает Кэлон, и собирая последние силы в кулак, я кувырком приближаюсь к огню, лезу в открытое пламя. Мышцы лица искажаются от боли, но я умоляю себя потерпеть еще мгновение... пока не сгорит веревка, перевязывающая мои запястья. Когда последняя нить, связывающая их, догорает, я встаю на ноги, выставляя руки вперед, глядя прямо на вновь приближающегося ко мне и разъяренного Кэллона, и в миг, когда он подлетает ко мне, рывком распарываю пуговицы на его рубашке. Мы оба знаем, что должно произойти, когда я прикоснусь к его груди. И я прижимаю раскрытые ладони к обнаженной коже Кэллона, и ощущаю, как бешено бьется его сердце под подушечками моих дрожащих пальцев.

На мне нет браслета. Он должен понять...

И Кэлон понимает, мгновенно останавливаясь, замирая, с долей отчаяния разглядывая мои пальцы, прижатые к нему. Руки дрожат, кончики пальцев покалывает, и я чувствую, как тяжело вздымается и резко опускается каменная грудь разъяренного Бога. Отпрянув, как ошпаренная, я убираю руки с его груди, и, сжимая их в кулаки, продолжаю смотреть на Кэллона, отступая назад, к стене. Вжимаюсь в нее так, словно хочу стать ее частью.

– *Где твоя сила огненной рии, Мандиса?* – напряженно проговаривает Кэлон. Он пытается дотянуться до моей руки, но я прячу их за спиной, лихорадочно качая головой.

– Не трогай меня, Кэлон. Не нужно меня трогать, – отстраненным голосом шепчу я, продолжая вновь и вновь прокручивать перед внутренним взором события той ночи. Я этого не помнила, это он заставил меня пережить все снова.

– Мандиса, отвечай! – рычит это животное.

– Уже Мандиса, Кэлон? Заткнись! Заткнись! Разве ты недостаточно увидел? Понравилось представление? – с надрывом кричу я. – Ты всегда предпочитал верить в то, что я вероломная шлюха. Тебе так легче! В этом все дело, Кэлон? Снова нужен повод убить меня? Так сделай! Сделай это снова. Как тогда....

– Замолчи. Ты вынуждаешь меня...

– Я всегда виновата, – обрываю его, глядя в черные глаза, в которых мелькает неуверенное выражение. Зверь начал думать, но какой толк от проснувшегося в черном жреце здравого смысла? – Падшая рия, заслуживающая презрения и смерти. Ты видишь меня такой, да? Всегда видел. Что тебя останавливает, Кэлон? Или ты еще не наигрался в разгневанного и преданного любовника? Но ты и не был никогда моим любовником. Любовник от слова любовь. А ты всегда любил только себя в наших отношениях. – мой голос звенит от ярости, и я чувствую, как энергетические вибрации в воздухе усиливаются, мое сердце горит. Но в нем больше нет боли, только чистая ярость.

– Ты показала мне не все, – он делает шаг вперед, хватая меня за плечи, и платина сдержанности внутри меня рушится. Меня начинает трясти от высвободившегося гнева. Кэлон

удерживает меня, пока я не прекращаю биться, вскидывая голову и глядя в непроницаемую тьму его глаз. Боль возвращается... она выжигает все внутри, когда он рядом. Как объяснить ему, что он убивает меня одним своим присутствием?

– Разве я могу показать то, чего не понимаю... Ты должен был защищать меня. Где ты был, Кэлон? Как ты позволил сделать им это со мной?

– Иса, – в его голосе появляются растерянные нотки, а я вновь проваливаюсь в омерзительные воспоминания.

Он снова делает это. Вторгается в мой разум, глубоко, беспощадно, заставляя кричать от боли и заливаться слезами.

За что ты так со мной? Я чувствую темные щупальца, проникающие в глубины сознания, возвращая меня к истокам, к началу, туда, где я еще не помнила себя. Мое рождение, детство, любящие руки матери и надежные объятия отца, ветер в волосах, беспечный залиvistый смех, ... кажется мой. Отставь меня там, Кэлон. Не возвращай, не надо. Дай мне уйти счастливой. Но он безжалостно ведет меня дальше, через ад, смерть, предательство, кровь... так много крови. Мои убитые родители и отчаянный вопль, рвущий сердце на части... снова мой.

Хватит! Остановись. Не продолжай.

Короткие кадры яркими, режущими душу на части, картинками мелькают в моем потемневшем, погрузившемся в агонию сознании. Некоторые проносятся мгновенно, а другие Кэлон задерживает, просматривая с безжалостной дотошностью, вскрывая старые раны, заставляя их кровоточить и болезненно ныть. Я больше не чувствую своего тела, растворяясь в боли, захлебываясь собственной кровью. Я там, в подземелье Миноры, маленькая девочка, которую она каждый день подвергала пыткам.

Умоляю, остановись! Неужели ты не понимаешь, что убиваешь меня, Кэлон?

И он дает мне короткую передышку, позволяя окунуться в мгновения, когда я еще верила в него, в нас. Я вижу Кэлона глазами той влюбленной глупой девушки, которой была когда-то. Вечность назад.

*Мои руки тянутся к шкатулке, и, когда я открываю крышку, из нее вылетают крошечные бабочки, начинающие порхать передо мной. На моем лице замирает легкая улыбка, я пытаюсь найти записку, чтобы узнать от кого этот подарок... но записки нет. Когда я в первый раз беру этот браслет, я уже ощущаю энергию, его **темную** энергию, до боли знакомую мне. И мне не нужны больше записка и слова... это Кэлон. Конечно, Кэлон. И крылья бабочек нежно ласкают мои щеки, шею и плечи, как никогда не будет нежен со мной их даритель...*

Он и не был, не был нежен. Сказка, которую я придумала, разбилась о его черное сердце.

«Посмотри, что я покажу тебе, Иса, раз ты не веришь... Нам с Кэлоном суждено быть вместе. Сах наградил меня особым даром – я вижу будущее. И я с радостью поделюсь с тобой образом будущего, который ждет Элиос совсем скоро...»

«Ты готов убить ради меня, Нуриэль?»

– Хватит! – кажется, я кричу эту фразу вслух, собрав последние силы. Но милосердие неведомо жрецу, впустившему в свое сердце Саха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.